РАНЕНЫЙ ЗВЕРЬ

Автор бестселлера

ДЖОРДЖИЯ ЛЕ КАРР

Annotation

Она хотела меня. Я хотел, чтобы боль ушла… Элла Первый раз, когда я встретила Доминика? от его магнитической заносчивости, у меня даже перехватило дыхание. Он был всем тем, чего я никогда не ожидала встретить — падшим ангелом, великолепным Альфа-плохишом. Но дело касалось моей работы, которая и привела меня к нему, и он врезался в меня, как товарный поезд, который я точно не ждала. Неожиданно этот настолько сложный человек-зверь стер обыденность моей ужасно скучной жизни, а взамен дал жажду азарта, опасности и знаний. Он водил меня в места, эмоционально и сексуально удивительные, и я чрезвычайно пристрастилась к ним. Все идеально, почти. Только существует, какая-то часть его, которую я не могу постичь. Часть, которую он держит взаперти… Доминик Я не искал ничего, кроме секса без обязательств. Но Элла… что-то фантастическое и неповторимое заинтриговало меня в ней. Как только наши глаза встретились, она привлекла мое внимание. Черт побери. Я должен был просто уйти, но не мог. Она думает, что сможет исцелить мою боль и спасти меня. Но даже ее невероятная магия не может исцелить и вывести яд. Или сможет?

1.

Дом

Вспомни …

Почему ты вернулся?

Амит Сингх, поэт

Иногда читаешь книгу или смотришь фильм, и понимаешь, что происходящий момент может изменить все. До этого момента герои могли сбежать или идти дальше по жизни, как будто ничего не произошло. Но сейчас герой или героиня стоят перед закрытой дверью, раздумывая, стоит войти ли внутрь и встретиться с неизвестным, или же просто уйти. Как-то я тоже оказался у такой двери.

Хотя в реальной жизни встречается гораздо больше таких закрытых дверей.

Если бы я не перезвонил своему бухгалтеру тем утром, или если бы я позвонил на пять минут позже, двигаясь в потоке с односторонним движением, и не имея возможности развернуться и поехать обратно, я бы никогда не наткнулся на эту дверь. Но я позвонил ему прежде, чем въехал в поток с односторонним движением, который заставил бы превратиться эту дверь в пыль.

— Привет, Дом, — бодро говорит он.

— Во сколько у тебя назначена встреча с дармоедами?

— Они уже в ресторане. Я прямо сейчас еду туда, но буду только мнут через двадцать. Надеюсь, они не начнут расспрашивать официантов или что-нибудь вынюхивать, — с напряжением в голосе отвечает он.

— В каком ресторане ты с ними встречаешься? — спрашиваю я.

— «Леди Мармеладе».

— Я буду там через пять минут. Я составлю этим пердунам компанию, пока они будут поджидать тебя, — предлагаю я.

— Нет! — вдруг орет он в трубку, я чуть ли не глохну от его крика.

— Какого хрена, Найджел! — ору я в ответ, отодвинув на расстояние телефон от уха.

Он быстро берет себя в руки.

— Извини, не хотел кричать. Умоляю тебя, не ходи туда.

— Почему нет?

— Это будет лучше для всех.

— Ты думаешь, я боюсь этих до смерти уродливых инспекторов?

— Нет, нет, конечно, я так не думаю. Я буду тебе очень благодарен, если ты не будешь вступать с ними в конфронтацию.

— Я не собираюсь вступать с ними в конфронтацию. Я просто пройдусь как бы мимо, предложив им капучино.

Я слышу на другом конце трубки тяжелый вдох.

— Дом. Благодаря моему профессиональному опыту, я бы советовал тебе не связываться с ними. Они опасны. Любое твое слово может заставить их начать капать глубже. Я же знаю, как с ними обращаться. Ты нет.

— Послушай, я уже завернул к ресторану. Скажи мне как их зовут. Я буду очень гостеприимным, обещаю.

Слышу, как он резко выдыхает.

— Мистер Роберт Хантер и мисс Элла Сэвидж.

— Женщина? — спрашиваю я с удивлением, выключая зажигание, открывая дверь и выходя на летний дождь.

— Тебе не стоит ее недооценивать. Ее фамилия полностью соответствует ее дикому характеру, — предупреждает тут же Найджел. Она — Снежная Королева, такая же красивая и такая же безжалостная. Ты однозначно не захочешь волочиться за ней.

Я смеюсь. Найджел всегда своими высказываниями вызывает у меня смех. Я владелец стриптиз клубов, которые просто забиты красивыми, жаждущими женщинами, практически лишенными одежды. Я не настолько нахожусь в отчаянном состоянии и не настолько глуп, чтобы подцепить налогового инспектора, который хочет поиметь мои яйца. Хотя, мне нравится сама идея приручить «задирающую нос корову и посадить ее в загон».

— Не путай меня с Шейном, — говорю я ему. Мой младший брат Шейн — плейбой нашей семьи.

— Послушай, единственное, что я повторяю, не рыпаться в любом случае, — по-прежнему призывает он меня с отчаянием в голосе.

Дверь черного входа ресторана открывается, и мои сотрудники праздной походкой, явно бездельничая, выходят покурить под навесом.

— Доброе утро, босс, — в один голос радостно здороваются они, я поднимаю ладонь в знак приветствия.

— Подожди, Найджел, — говорю я в трубку и поворачиваюсь к своим ребятам. — Внутри уже сидят налоговики?

Они кивают.

— Да, босс. Мария уже предложила им кофе. Они немного взбешены, что нет руководства, готового встретиться с ними. Парень отправился в туалет, последние пять минут он там и сидит, а женщина осталась в ресторане.

Я благодарю их и захожу в посудомоечную зону ресторана, от грохота машин стоит такой шум, как только добираюсь до кухни возобновляю разговор.

— Алло, Найджел, увидимся через пятнадцать минут.

— Я бы предпочел, чтобы ты не встречался с ними, Дом, — говорит он, с трудом скрывая свое беспокойство.

— Я понял, ты это уже говорил.

— Умоляю, только не раздражай их, — жалобно говорит он мне.

— Не буду.

— Хорошо. Просто помни: чем меньше ты скажешь, тем лучше. Не позволяй ей манипулировать тобой.

— Мне нечего скрывать, Найджел, — отвечаю я, отключаюсь.

По дороге киваю своему шеф-повару Себастьяно. Он стоил над куском мяса, разложенным на столе из нержавеющей стали. В правой руке у него нож, левой — поглаживает мясо, словно оно живое, желая прощупать самые сочные, самые нежные части, которые сегодня сможет предложить в виде блюда от шеф-повара. Правильно разделывать мясо — это умение и талант, такой же давний, как и сама охота.

Я прохожу мимо холодильника и столов, освещенными лампами над ними, к вращающейся двойной двери, входа в ресторан. Прежде чем войти, останавливаюсь и через круглое окно заглядываю внутрь. Почти весь ресторан окутан темнотой, освещается один стол. Я бросаю взгляд на женщину, сидящую в облаке света. Она отрывает взгляд от файла, который изучает, и я вижу ее лицо.

Бл*дь! Мать твою! Бл*дь!

В шоке и недоверие я отскакиваю от окна в двери, прислоняюсь к холодной плитке на стене. Мне не хватает воздуха, сердце сжимается и замерло, словно стальная рука сжала его мертвой хваткой, как кусок бл*дь бабла. Я задыхаюсь. Как судьба может быть такой чертовски жестокой ко мне, играя со мной в такую игру? Почему?

Глубоко во мне что-то начинает вопить.

И вдруг я стою не за дверью ресторана, а в ледяной, черной воде. Вокруг меня — кромешная тьма. Ноги все еще удерживают меня в горизонтальном состоянии, но подгибаются. Вдалеке я вижу свет от фар катера, Джейк спешит ко мне на помощь.

Я хочу закричать, но не могу.

Кожа, словно натянута на барабан, вся заиндевела. Я превратился в животное в клетке, хватающее себя за чертов хвост, заполненный ужасом своих трагедий. Краем глаза вижу, как Себастьяно заносит нож под идеальным углом, опуская на мертвое мясо, перерезая мышцы и волокна. Оно не чувствует разреза, также, как и я. Я тоже не чувствую боли.

Ах, а дверь так и стоит на месте. Я могу уйти, все в моей жизни останется прежним. Я так и останусь мертвым.

Но я заставляю себя сделать глубокий вдох, хотя все еще могу уйти. Мне даже следует уйти.

Но я остаюсь на месте на пару секунд, а затем открываю дверь и вхожу в ресторан.

И Элла Сэвидж поворачивает голову в мою сторону и совершенно без эмоций смотрит на меня.

2.

Элла

Первое ощущение от него — неподдельное беспокойство, словно кто-то решил погладить кошку против шерсти. Что-то совершенно бархатистое, гладкое, ставшее ершистым. Это явно совсем не правильно.

Мозг пытается обработать, что видят обрывочно глаза.

Высокий, широкоплечий с накаченным подтянутым животом, узкими бедрами. Очень высокомерный. Занимается видно не тренировками, а скорее боевыми искусствами. Боец,

одним словом. Длинными шагами, крадучись он сокращает расстояние между нами, напоминая собой накрученную спираль в натяжении, именно так животное медленно подкрадывается к своей жертве.

Выйдя из полутени, свет падет на его лицо.

Волосы влажные, видно после дождя и длиннее, чем на фотографии, которую я отыскала в интернете. Завиваются маленькими колечками, опускаясь на воротник кожаной куртки. Лицо красивое, с напряженно сжатой челюстью, щетина, которая оставляет сладкий покрасневший след на внутренней стороне женского бедра. Вау! Черт, откуда взялись такие мысли? Я громко втягиваю воздух через нос. Слово, которое я надеялась больше никогда не использовать, вдруг всплывает у меня в мыслях: объезженный.

Не хорошее слово, Элла.

Совсем не хорошее слово.

От него сочится агрессия и мужское самодовольство, он останавливается перед столом, за которым я сижу и осматривает меня сверху вниз. Фактически он нависает надо мной своим ростом и шириной плеч, как бы подавляя, что я начинаю чувствовать себя неуверенно. Чем, черт возьми, до сих пор Роб занят в туалете? У меня начинает покалывать кожу. Маскируя свою неуверенность, я хладнокровно смотрю на разъяренного альфа-самца.

Верхняя часть его лица по-прежнему находится в полутени, и я не вижу цвет его глаз, но мне кажется, что они светлые, такие же зоркие и колючие, как у орла. Его подбородок наклоняется немного вниз, и я вижу его радужную оболочку.

Синяя — ярко-синего цвета.

Словно солнце, поблескивая на поверхности океана, наполнило его глаза этим цветом. Не мигая они проходится по моему лицу, задержавшись на губах, затем движется по шее и останавливаются на груди. Я в шоке от такой явно вопиющей наглости, пытаюсь вздохнуть.

Его губы цинично чуть-чуть приподнимаются, якобы в подобие улыбки, когда опадает моя грудь при выдохе.

На мне одета привычная хлопковая блузка и пиджак, застегнутый на все пуговицы, и внушительные формы проступают лишь намеком, но я сильно краснею. Его глазами поднимаются вверх на мое пунцовое лицо.

— Я полагаю, вы мисс Сэвидж? — произносит он глубоким и сексуальным голосом, от тембра которого, что-то теплое проходится у меня по позвоночнику.

Я выпрямляюсь и с трудом заставляю вернуть себе самообладание.

— А вы?

— Давайте не будем играть в игры, мисс Сэвидж. Вы точно знаете, кто я.

— Я не играю в игры, — отвечаю совершенно спокойно. — Меня учили не делать предположений.

Он не улыбается.

— За исключением одного? — его голос, как кислота.

Я пренебрежительно приподнимаю бровь.

— Прошу прощения?

— Вы оперируете исключительно предположениями, которые всегда имеют конечную цель — обмануть.

— Смотря в чем я участвую… обычно.

В его голубых глазах мелькает удивление, но голос остается прежним, спокойным.

— Если вы намекаете, что я думаю о вас, мисс Сэвидж …

Я специально нацепляю на лицо нарочито фальшивую улыбку.

— Если вы не сделали ничего плохого, то вам нечего бояться, мистер Иден.

— Я знаю, что мне нечего бояться. Думал, вы исследуете этот ресторан. Я всего лишь сотрудник компании, которому принадлежит этот ресторан.

— Всего лишь сотрудник? — повторяю я, недоверчиво.

— Просто наемный работник, — спокойно настаивает он.

Я пристально смотрю на него.

— В таком случае, вы не уполномочены дать мне необходимую информацию. Где мистер Броадстрит? У меня с ним назначена встреча.

— Найджел не смог прийти. Поверьте, когда я говорю, что могу предоставить вам необходимую информацию, то так оно и есть, — говорит он и начинает снимать кожаную куртку.

Внизу синяя рубашка — она что шелковая? Наверняка не из обычного магазина одежды. Она явно сшита на заказ и под ней видно, как сильные мышцы перекатываются вверх и вниз по его торсу и плечам. Я наблюдаю, как он вешает пиджак на спинку стула и начинает засучивать рукава. У него сильные загорелые руки, покрытые темными волосами.

У меня замирает сердце, затем пускается вскачь. Есть что-то невероятно эротичное — находится в пустом ресторане, с раздевающемся перед тобой сто процентным альфа-самцом, в приглушенном круге золотистого света. Я ловлю блуждающие мысли и сосредотачиваюсь на золотых часах на запястье. Конечно же, Ролекс. Всего лишь наемный работник, да? Мне больше нравится его называть — нечестным, лживым ублюдком.

Он опускается на стул напротив меня, оказываясь слишком близко, и запах его одеколона ударяет прямо мне в нос. У меня такое чувство, будто что-то начинает вибрировать в воздухе, словно он наполнен… черт побери… сексуальным напряжением! Это самая последняя вещь в мире, которая мне необходима. Где, черт возьми, Роб?

Чувствуя возбуждение и неловкость, я опускаю взгляд на файл, лежащий передо мной. Я — «стрелянный воробей», и нахожусь здесь, чтобы сделать свою работу. Я здесь от имени королевы и страны.

Я сопротивляюсь искушению поднять голову и взглянуть на него, и тем самым выдать причину своего дискомфорта, поэтому делаю глубокий вдох и встречаюсь глазами с Домиником Иденом.

Ох! Мой! Бог!

Самый сексуальный мужчина во всем сраном мире смотрит на меня голодными глазами. У меня открывается рот. Он тут же переводит взгляд на мои губы. Воздух вокруг нас становится наэлектризованным.

Вау! Что за…!

Я хочу, чтобы этот мужчина трахнул меня прямо на этом столе, посередине затемненного ресторана. Мурашки проносятся вдоль позвоночника, вызывая ноющую боль между ног. Сила моего желания, связанная с ним, шокирует. Выполняя эту работу, я прошла через уйму неприятностей, скрывая, и даже отрицая свою сексуальность, но она оказывается все время сидела в засаде, поджидая нужного мужчину, чтобы поднять голову.

Я чувствую себя еще более неловко, от своей реакции на него и своего непрофессионального поведения. Мне необходимо взять себя в руки. Доминик Иден даже не предполагает, какое оказывает на меня влияние. Сделав глубокий вдох, я опять поднимаю на него глаза, скорее всего так зебра смотрит в глаза Льва, прежде чем будет съедена.

В дальнем темном конце ресторана слышится, как кто-то открывает дверь и идет к нам. Я с трудом сглатываю и уговариваю сама себя, отвести от него взгляд, но Доминик Иден поднимает руку, как бы показывая большим и указательным пальцами расстояние в дюйм. Я уже давно изучаю деятельность различных ресторанов, и знаю, что означает этот жест — чашечка эспрессо.

Официантка молча поворачивает назад.

Я откашливаюсь.

— Э… когда вы думаете мистера Броадстрит присоединиться к нам?

— Через пятнадцать минут или около того, — бормочет он и вальяжно наклоняется вперед. Я ничего не могу поделать, но от этого движения, вздрагиваю, ухватившись руками за край стола, сердце скачет безумно.

В эту минуту возвращается официантка. Я смотрю на нее с благодарностью, своим появление она, хоть как-то разряжает обстановку. На ее поднос стоит маленькая чашка эспрессо, и такая же небольшая ликерная рюмка, наполненная какой-то бесцветной жидкостью. Немного алкоголя для завтрака? Вау!

Она ставит перед ним рюмку и чашку с кофе и тут же скрывается в полумраке ресторана. Он откидывается на спинку стула, полностью расслабившись, руки спокойно покоятся на столе. Ни на минуту его глаза не оставляют меня, он тянется к рюмке и опрокидывает ее одним глотком. Поставив на стол, улыбается, но улыбкой акулы.

Это улыбка напоминает слова: «выйди и прими вызов», так акула улыбается другой акуле.

Похоже, что мы играем в определенную игру среди хищников, передавая улыбку от одного другому.

Нервничая из-за моей неожиданной, странной и очень сильной реакции на него, я еще раз прочищаю горло.

— Мы… гм… начнем? — заикаясь говорю я, отчаянно желая вернуть хоть какой-то контроль над этой ситуацией. Странно, что мы так быстро поменялись ролями, словно прочитали неправильные скрипты. Он позиционирует себя тем, кого следует бояться и относиться с уважением, хотя эту роль должна играть я — силовой власти. Я — налоговый инспектор. Он же — уклоняется от уплаты налогов.

— Сделайте одолжение, — говорит он, его глаза светятся враждебным огнем.

— Знаете, мистер Иден, нам стоит сотрудничать, а не конфликтовать, чтобы разрешить эту ситуацию.

— Не конфликтовать? У вас существует дипломатический способ бросить кого-то под автобус?

— Я пришла сюда не для того, чтобы бросать вас под автобус.

— Нет? Конечно, вы здесь, исключительно, чтобы выкачать как можно больше денег из этой компании, не так ли? — с угрозой в голосе спрашивает он.

— Нет, — говорю я твердо.

— Вы хотите сказать, что я могу съесть сэндвич с дерьмом и не испачкать зубы? — грубо спрашивает он меня.

Но я не попадаюсь на его удочку, я давно уже профессионал в этом деле.

— Мы здесь находимся исключительно для того, чтобы установить, правильно ли этот ресторан платит налоги.

Он с шипением и недоверием проводит ладонями по столу.

— Вы все еще веришь в это дерьмо?

Я вздрагиваю, и за миллисекунду испытываю чувство жгучего стыда. Он совершенно прав: я нахожусь здесь, исключительно, чтобы выжать все до последней капли, имеется ввиду деньги. На самом деле, я не была бы здесь, если бы мы не поняли, что с этого заведения можно получить кругленькую сумму. И как только мы докопаемся, до чего-то не правомерного, то включится счетчик штрафов с любой суммы задолженности, чтобы оправдать нашу зарплату.

Я вспоминаю своих честных и трудолюбивых родителей. Насколько они были горды, что заплатили налоги, хотя все вокруг играли с системой. И теперь, когда они оба были пенсионерами, отец болен, мать выступает в роли его основного опекуна, их пенсии едва хватает, чтобы дожить до следующего месяца. И причина совсем не в таких, как Иден, а скорее в людях, которые действительно готовы уйти от налогов, и заплатить свою облагаемую долю. Продажные, коварные люди, которым все сходит с рук, из-за того, что у них есть дорогие адвокаты и бухгалтеры, которые придумывают всевозможные схемы неуплаты налогов.

Ну, я стала работать в Королевской налоговой таможенной службе Великобритании (HMRC, по англ. Her Majesty’s Revenue and Customs), потому поверила в правильность этой системы, что решила способствовать ей, чтобы мир стал более справедливее.

Я открыто встречаюсь с ним взглядом.

— Если выяснится, что вы заплатили все налога, мы не будем вас беспокоить.

Прежде чем он успевает ответить, открывается дверь и появляется Роб. Мы наблюдаем, как он идет через все помещение, останавливаясь в круге света, его лицо выглядит болезненным с зеленым оттенком. Я приподнимаю брови, вопросительно глядя на него. Он незаметно качает головой, как бы подавая мне знак, и поворачивается к Доминику Идену.

— Мне очень жаль. Но кажется, я подхватил желудочный грипп. Не могли бы мы перенести встречу на другой день?

— Конечно, мистер Хантер, — отвечает Иден, хотя на губах витает насмешливая улыбка.

Я собираю файлы, встаю и отодвигаюсь на несколько шагов назад, встав как бы с боку от Роба. Иден поднимается из-за стола, явно возвышаясь над Робом. Роб протягивает ему руку, но Иден делает вид, что не замечает ее, и Робу ничего не остается, как сконфузившись опуститься вниз.

— Хорошо, — говорит Роб. — Мы обязательно свяжемся с вами, чтобы назначить следующую встречу. — Он разворачивается и идет к двери.

Иден поворачивается ко мне.

Я молча киваю и быстро следую за Робом, не оглядываясь, хотя ощущаю, как Иден сверлит меня своим взглядом. Роб придерживает для меня дверь, мы оказываемся в холле. Сердце колотится. То, что произошло в этом ресторане было настолько необычно и дико, настолько отличалось от всего, что я когда-либо встречала, что сейчас даже не в состоянии трезво мыслить.

Я перевожу взгляд на Роба, как только мы выходим в холл. На его отекшем лице выступает испарина, и оно поблескивает в искусственном освещении. Должна признаться, он выглядит совсем не хреново.

— Невоспитанная дрянь, — бормочет он презрительно.

Я удивленно смотрю на него во все глаза. Роб никогда не был так груб. Видно, он

совсем чувствует себя плохо… или Доминик Иден так действует ему на нервы.

— С тобой все в порядке? — с опаской спрашиваю я его.

— Нет, я чувствую себя просто ужасно, но переживу. Мне необходимо добраться, как можно скорее до дома. Ты отвезешь меня?

— Конечно, — говорю я, открывая перед ним дверь на улицу, где до сих пор идет дождь.

Роб поворачивается ко мне.

— Черт, я забыл в ресторане свой зонт. Не могла бы ты принести его?

Я смотрю на него с тревогой и с удивлением одновременно.

— Я?

— Я бы сходил сам, но не очень хорошо себя чувствую, Элла, — говорит он раздраженно.

Я продолжаю пялиться на него, поскольку мне совсем не хочется возвращаться в этот ресторан.

— Разве ты не видишь, насколько мне плохо? — спрашивает он сквозь зубы.

— Да, конечно, я схожу.

— Он за столиком. Поторопись, пожалуйста. Иначе, боюсь, снова рвану в туалет.

Не говоря ни слова, я иду назад в холл и открываю дверь в ресторан.

3.

Элла

Первое, что я вижу, это огромную напряженную спину Доминика Идена, сидящего за столом. Он сгорбился, навалившись на стол, упираясь лбом на кулак. При звуке моих шагов вскидывает голову вверх. В его глазах стоят слезы, и на лице отображается шок.

Он выглядит ужасно подавленным и изможденным!

Мне кажется, что я застала его в минуту сильного страдания, хотя для такого враждебно зашкаливающего, сексуального мужчины это кажется совершенно не возможным. Этот мужчина способен покинуть поле боя не оглядываясь, хотя крики умирающих о помощи будут все равно звучать у него в ушах.

Испытывая полнейший ужас от такого интимного момента, я начинаю лепетать всякую чушь:

— Прости, я не хотела… Роб забыл свой зонт. Я пришла…, — я замолкаю, как только его лицо меняет выражение.

Теперь оно выглядит, как и первоначально, и я не могу разобрать, что он думает. Но при ближайшем рассмотрении могу сказать, что он смотрит на меня с непреодолимой жалостью. Как будто я забрала у него что-то такое, что-то очень важное, и он молча умоляет меня вернуть это, и еще… разве такое может быть?

Мы просто встретились по «разные стороны баррикад», и я ничего у него не брала. По крайней мере, пока. Это не серьезно.

А за пределами этого безлюдного ресторана, мир продолжает жить своей жизнью: Роб раздражаясь ждет, когда я принесу ему зонт, встречу на два часа, мне придется отменить, мама собирается заняться уборкой ванной комнаты, ожидая моего звонка, во сколько я завтра планирую ее забрать, моя лучшая подруга Анна уже обнародовала свой убийственный отчет по продажам и желает рассказать мне, как все прошло.

Но несмотря на странный и вращающийся мир по ту сторону, я ничего не могу сделать, только как с изумлением смотреть на Доминика Идена. Его отчаяние трогает меня намного

глубже в душе, чем хотелось бы, и та часть меня, которой я никогда не позволяю на работе поднимать голову — та часть, которая не может спокойно смотреть, когда люди жестоко обращаются с животными, подталкивает меня к нему. Я едва касаясь прохожусь подушечками пальцев по его щеке, выражая таким образом сочувствие, но почему-то от этого простого жеста, словно разряд электричества ударяет меня в руку.

Налогонеплательщик и я смотрим друг на друга, испытывая настоящий шок.

Похоже, что мы связаны на каком-то более глубинном уровне, это даже не похоже на влечение, желание или похоть. Не знаю, сколько бы я так и простояла завороженная, если бы его лицо не исказилось яростью. Он, словно ошпарившись, дергается от моих пальцев. Для меня это похоже на плевок в лицо.

Моргает, слезы пропадают, я с трудом опускаю вниз руку, выводя из ступора свои заиндевевшие мышцы. Отворачиваюсь от него, несколько раз моргаю, вспоминая зачем пришла — забрать черный зонт Роба. Начинаю оглядываться вокруг, потом вижу его у ножки стула под столом. Да, вот именно за ним я и пришла, поэтому быстро хватаю его и выпрямляюсь.

— Ну, тогда я пойду, — смутившись говорю я.

Не поднимая на него глаз, я поторапливаюсь к двери, как только дотрагиваюсь до ручки и поворачиваю, слышу:

— Вы поужинаете со мной сегодня? — его голос словно, плащ накрывает меня.

Ужин со мной?

Я глубоко вздыхаю. Боже мой! У меня, честно говоря, шок, потому что я очень хочу согласиться. Медленно поворачиваюсь:

— Простите, но я не могу. Это не уместно в данном случае, — спокойно отвечаю я ему.

— Почему?

— Вы находитесь под следствием, и я как раз и есть этот следователь. С моей стороны было бы неправильно.

— Мне казалось, что вы расследуете деятельность ресторана.

— Вы прекрасно понимаете, что это одно и тоже, — более правдиво, чем обычно, отвечаю я.

— Вам не кажется, что обо мне и о ресторане можно узнать гораздо больше за ужином, нежели вычитывать унылые отчеты вашего центрального компьютера, — его голос звучит мягко и так убедительно.

Желание прибивается к моим ногам, словно волны, когда стоишь на берегу, а они накатывают на тебя.

— Не думаю, что это будет этично, с моей стороны.

— Избавь меня от этой хрени, Элла. Они, бл*дь, дадут тебе медаль, если ты доставишь им информацию, которая сможет меня повесить?

— Послушайте, мистер Иден…

— Дом, — также мягко поправляет он.

Я прикусываю нижнюю губу и неуверенно открываю дверь. Раньше никогда я не была так смущена и не испытывала таких противоречивых чувств сама с собой. Он поднимается и идет ко мне, я тут же чувствую панику. Он останавливается от меня всего в двух шагах. Слишком близко. Настолько близко. Его лицо находится глубоко в тени, выражение лица не видно, только глаза поблескивают похотью.

Влажные завитки волос, колышущиеся у основания мощной шее, заставляют с трудом

сдерживать себя, руки прямо чешутся, желая запустить пальцы ему в волосы. Я даже мысленно уже представляю, как скольжу пальцами по его волосам. Словно прочитав мои мысли, он наклоняется ближе. Его запах ударяет мне в нос, дыхание замирает. Не отрывая от него глаз, чувствую, как мое тело медленно приближается к нему. Хотя у меня нет ни единого сомнения, что он опасен для моей психики, я однозначно должна сказать ему «нет».

Я должна сказать «нет».

— Ты придешь? — соблазняющий глубокий баритон доносится из полумрака.

Я очень хочу отказать ему. Я на самом деле этого хочу, поскольку так будет правильно. С моей стороны — это будет выглядеть профессионально. Но у меня проплывает перед глазами тот его взгляд, как будто мы, заглядывая друг другу в глаза, соприкасались своими душами.

И эта приманка способна отключить весь мой иррациональный ум, такого я не испытывала никогда. Мой нос наполнен его запахом, и все находится за пределами слов и объяснений.

Я что же готова согласиться на этот безрассудный путь, потому что он так убийственно красив? Или из-за того, что казалась свидетельницей, чего не стоило мне было видеть? Или из-за своей профессиональной гордости, которая создает определенные проблемы в моей жизни, а он — шанс, выпадающий один раз, если вам вообще повезет?

Не знаю, что это такое, но я чувствую с ним себя какой-то железкой, которую природная сила совершенно беспомощно притягивает к гигантскому магниту. Я никогда ничего подобного не испытывала, хотя между нами еще ничего и не произошло, но мне совершенно понятно, что предстоящую неделю я буду думать об этом мужчине. Либо сожалея, что поддалась на его уговоры и поужинала с ним, либо сожалея, что не протянула руку и не согласилась поужинать с ним, хотя очень этого хотела. Оказывается, очень трудно сказать «нет» кому-то, когда все твое тело говорит иначе.

У меня вылетают слова:

— Хорошо.

— Отлично, — бормочет он, и я вздрагиваю, услышав в его голосе нотки раздражения. Ему видно самому не нравится, что он испытывает такую жажду ко мне! От этого он чувствует себя неуютно.

— Я заеду за тобой в семь? — тихо предлагает он.

Я киваю.

— Куда? — спрашивает он.

— Латимер Проспект, 7.

— Дай мне свой телефон, — командует он.

Я колеблюсь пару секунд, потому что каждая клетка моего мозга, которые я так усердно тренировала много лет, чтобы стать независимой, сильной, не принимать и не реагировать ни на какое адское дерьмо, сопротивляется, но каждая нетренированная, раскованная, данная природой клетка моего тела кричит чертовое «да».

Всего лишь один раз.

Я беру телефон и вбиваю его номер, нажимая вызов. У него раздается звук и вибрация из внутреннего кармана куртки. Он принимает звонок, и его номер высвечивается у меня на экране телефона. Наши пальцы на краткий миг легко соприкасаются, у меня выходит весь воздух из легких. Между нами пролетает искра, с этим поспорить нельзя. Искра проходится по всему моему телу, в голове полнейший гул, как от барабанов, и картинка меняется одна за

другой — скрученных соединенных тел, с жаждущими губами. У меня чуть ли не вырывается мяуканье, как у несчастного котенка. В данный момент я настолько далеко нахожусь от женщины, которая менее часа назад вошла в этот ресторан, обладающая властью и стремлением поймать злоумышленника.

У меня дрожат руки, я поднимаю на него глаза.

— Зачем ты хочешь пригласить меня на ужин?

— Ты действительно желаешь знать ответ?

От наших слов сердце бешено колотится. Я отрицательно качаю головой.

Ответ пульсирует между нами. Я никогда еще не встречала такого мужчину, которого бы так хотела, как хочу его. Но что меня шокирует больше всего, что такой мужчина, как он, должно быть хочет меня с такой же силой. Да, я внешне симпатичная, но ему доступны очень многие самые красивые женщины.

Секс. Секс. Секс. Ну и что?

— Семь нормально?

— Да.

4.

Элла

Я отвожу из ресторана Роба домой. Потом возвращаюсь в офис и стараюсь также как обычно, заинтересовано слушать сплетни секретарши, готовой со мной поделиться. Я улыбаюсь и киваю моим коллегам, проходя мимо. Поднимаюсь на свой этаж и делаю себе кружку кофе. Сидя за своим столом, убираю файл с пометкой «Доминик Иден», звоню маме. Она ужасно беспокоиться, поэтому радуется слышать меня. Я сообщаю, что заберу завтра в двенадцать. Договорившись, прошу подозвать отца.

Мама начинает шептать:

— Мне кажется, он чувствует себя немного хуже, дорогая. У него пошаливает простата, он не мог спать целую ночь.

— Давай обсудим все завтра за обедом, — предлагаю я звонко.

Кажется, ей нравится моя идея.

Как только я кладу трубку, звонит Анна, и по тону ее голоса, я могу сказать, что встреча прошла неудачно.

— Мне кажется, что меня уволят, — причитает она.

— Они должны сойти с ума, чтобы тебя уволить. Ты самый лучший у них продавец, — говорю я, пытаясь ее успокоить. И это действительно правда, поскольку Анна способна закрыть любую сделку, я знаю это.

— Мне хреново, Элла. Я переспала с менеджером по продажам.

— Что? — в шоке восклицаю я. — Тони такой отвратительный!

— Я была пьяна, — хныкая говорит она.

— Боже мой! И он же женат.

— Скажи мне то, чего я не знаю, — говорит она недовольно.

— Когда это случилось?

— В прошлую пятницу.

— И ты только сейчас говоришь мне об этом?

— Это ничего не значило. Я была совершенно пьяна, — объясняет она.

— Ох, Анна.

— Я совершенно про это забыла, но сейчас он ведет себя как-то странно. Мне кажется,

он пытается избавиться от меня.

Заметка для себя: НИКОГДА не смешивать бизнес с удовольствием. Ох, БЛИН.

Окончив разговор с Анной, я ем сэндвич с лососем и огурцом, а также немного темного шоколада на ланч. За день я разгребаю внушительную кучу бумажной работы, отвечаю на звонки, веду переговоры с моими коллегами, но мои внутренности постоянно сжимаются и между ног мокро от нетерпения.

Прежде чем часы пробивают пять вечера, я уже пересекаю зал регистрации. Выйдя на улицу и попав в жаркий вечер, я направляюсь в сторону метро, чтобы доехать до дома. Игнорируя медленно поднимающийся вонючий лифт, я бегу вверх по трем лестничным пролетам и оказываюсь у своей, размером со спичечную коробку, двухкомнатной квартирки. Да, квартира очень маленькая, но по крайней мере моя… ну, пока я плачу аренду.

Я подбегаю к зеркалу и смотрюсь в него.

Невероятно.

Я по-прежнему выгляжу также. Я отодвигаюсь. Никто ничего не заподозрил.

Моя гостиная выходит на запад, поэтому здесь, как в сауне, я быстро распахиваю все окна, включаю вентилятор и иду в свою комнату. Несмотря на то, что она очень маленькая, я все равно сделала ее красивой и уютной — обои с сине-белыми вертикальными полосками, со старомодной хромированной кроватью и разрисованным французским туалетным столиком. Это мое убежище. До сих пор только один мужчина был здесь, но он сделал гигантский рывок отсюда. Я быстро прогоняю все мысли о нем и открываю окна. Звуки с улицы вплывают, пока двигаюсь к кровати. Меняю постельное белье, а грязное кладу в стиральную машину. Но не включаю ее, так как не хочу вернуться домой к скомканному и мокрому беспорядку.

Я стираю пыль со всех поверхностей и включаю пылесос. Теперь я разгоряченная и потная. Смотрю на часы: пять минут седьмого. Меняю ароматический освежитель воздуха с запахом зеленого яблока на новый и иду в ванную. Там я делаю то, что не делала месяцами.

Я брею лобок и ноги. Порезов нет. Ура! Я захожу в душ и мою голову. С полотенцем, обернутым вокруг головы, и вторым — вокруг тела, возвращаюсь в спальню и открываю свой гардероб.

Прошло много времени с тех пор, когда я так заботилась о своем внешнем виде. У меня много разноплановой одежды, в которой я могу пойти: сексуальная или обычная, элегантная или профессиональная. В конце концов я решаю пойти с намеком на элегантность. Черная блузка, которую мама купила мне на мой день рождения, с красной юбка-карандаш, которую я купила на распродаже с семидесятипроцентной скидкой. Думаю, спрос на красные юбки-карандаш был не слишком большим. Но это очень хорошая вещь — юбка с разрезом сзади. Скромным, но с намеком на приглашение, однако.

«Ты идешь не на свидании», — говорю я себе, пока натягиваю маленькие вещицы сексуального нижнего белья. Оставшись в лифчике и трусиках, я высушиваю волосы и, завязываю черную бархатную ленту. Я делаю smoky глаза и кладу нейтральный блеск для губ. Щеки итак уже порозовели, поэтому я не использую румяна.

Из глубины шкафа я достаю самую экстравагантную покупку. Я копила неделями, чтобы их купить. Я открываю коробку и вытаскиваю свои инвестиции: туфли-лодочки, окраса зебры, с красной шпилькой, почти такого же цвета, как моя юбка. Я обуваюсь в них и… они стоят тех денег.

Я чувствую себя на миллион долларов, в пару местах оставляю мазок от духов и сморю

на себя в зеркало в дверном шкафу. Я поворачиваюсь, и оглядываю себя сзади.

«Не слишком плохо», — успокаиваю я себя.

Я укладываю в клатч блеск для губ, двадцать фунтов, которыми воспользуюсь для такси, если он совсем мне станет не в моготу, кредитную карту. Бросив на себя последний взгляд, направляюсь в гостиную. Здесь пахнет свежим яблоком. Удовлетворенная, что все выглядит именно так, как надо, я смотрю на время.

У меня еще есть десять минут, которые нужно на что-то потратить.

До этого момента вся моя деятельность бурная поддерживала как-то меня. Сейчас я же представляю из себя комок нервов. У меня такое чувство, словно я иду на экзамен, где нужно пройти тест, к которого я совершенно не готова. Я иду на кухню и достаю бутылку водки из холодильника. Наливаю на два пальца в стакан и медленно выпиваю на пустой желудок. Спиртное обжигает горло, но все хорошо. Мне становится внутри тепло, тело согревается, кровь начинает быстрее бежать. Я включаю телевизор на первом попавшемся канале и стараюсь сконцентрироваться на сюжете на экране.

Звонок в дверь без двух минут семь, заставляет меня подпрыгнуть, как испуганную кошку.

Мужчина пунктуален!

Я приглаживаю юбку, глубоко вдыхаю и открываю дверь. И… Ух ты! Если он тогда выглядел хорошо, то теперь он до жути привлекательный в белоснежной шелковой рубашке, которая удивительно контрастирует с его смуглой кожей, и прекрасном сшитым на заказ темно-сером вечернем костюме и черных туфлях, начищенных до зеркального блеска. И подбородок реально? Выбрит, подбородок теперь, кажется совершенным, словно его выточили сами боги. Анна бы сказала: «Девчонка! Я тебе перезвоню!»

— Привет, — смущенно говорю я.

Молча он протягивает мне дорогую коробочку с конфетами ручной работы. Вау, вот уж не ожидала такого от двадцативосьмилетнего цыгана, неплательщика налогов. Я беру коробочку и провожу пальцем по синей ленте.

— Как … изыскано. Спасибо, — тихо говорю я. Моя мама, как правило, говорила, что никакой шарм не окажет должно эффекта в конечном итоге, нежели коробка шоколадных конфет ручной работы. Мне любопытно, когда конечный итог настанет.

Он пожимает плечами, его страстные голубые глаза рассматривают меня, начиная с лица, бархатной ленты, кружевной рубашки, красной юбки и задерживаются на моих туфлях под зебру.

Он поднимает глаза к моему лицу.

— Ты готова?

— Да, — отвечаю я, делая шаг назад, чтобы положить коробку конфет на столик у двери. Я оборачиваюсь, он сканирует интерьер моей крошечной квартирки. Его взгляд встречается с моим вежливо и нарочито нейтрально.

Я закрываю дверь, и мы идем по коридору к лифту, молча. Он нажимает кнопку, и по-прежнему молчит. Его молчание начинает меня нервировать, и я решаю завести разговор, пока мы ожидаем лифт.

— Куда мы поедем?

Он искоса поглядывает на меня.

— Кубик Рубика.

Двери лифта открываются, мы заходим внутрь. Запах мочи ударяет в нос.

— Кубик Рубика? Это один из твоих ресторанов, да?

Он смотрит на меня скептически.

— Повезти тебя в один из своих ресторанов, чтобы ты получила бонус и еще больше обвиняла меня в неуплате налогов?

— Точно, — говорю я, лифт медленно, с рывком останавливается внизу.

Модель его автомобиля я сразу же узнаю, отец мечтал купить такую машину, новый Maserati GranCabrio Sport, стоимостью более ста тысяч фунтов. Он припарковался на двойной желтой линии прямо возле входа в дом.

— Эта полоса печально известна штрафами, — предупреждаю я, пока глаза оглядывают линии холеной черной машины.

— Я знаю, — небрежно отвечает он.

Он нажимает сигнализацию и открывает для меня пассажирскую дверь. Я проскальзываю внутрь. Полная роскошь, я вдыхаю глубоко запах кожи и погружаюсь в высокотехнологичной красоты и фантастически уютный интерьер. Я провожу рукой по ручки двери. Вау! Я никогда не была в таком автомобиле. Приборная панель, двери и сиденья — все в мягкой бордовой коже и такого же цвета отстрочка.

Он садится на водительское сиденье, открывается крыша, нажимает маленькую кнопку рядом с колонкой «Спорт», и должно быть, это самый громкий автомобиль в мире, потому что машина громко рычит и огрызается, раздается сверхзвуковой хлопок.

Он поворачивается ко мне.

— Готова?

— Я должна бояться?

— Неа, тебе понравится.

Я планировала не проявлять эмоций, но дикое, непреднамеренное гиканье, разрушило мой плотные стены его неодобрения и нечестного приобретенного состояния, когда он вжал педаль газа, и машина рванула, взлетев, отбросив меня назад на спинку сиденья.

Как только я увидела, открывающуюся крышу над головой, стала беспокоиться в каком беспорядке будут мои волосы, когда мы прибудем в ресторан, но машина была сделана таким образом, что ни один волосок не растрепался. Двигатель V8 настолько блестяще создавал легкий шум, и превышал скорость, что не было необходимости для разговоров, мы не сбавляли скорости на пустых проселочных дорогах.

Шум двигателя означал, что мы постоянно были в центре внимания повсюду. В прекрасный летний вечер люди сидели на улице у ресторанов, пабов и баров… нам уделялось повышенное внимание. А когда мы остановились на светофоре, возбужденные туристы стали нас фотографировать на телефоны.

Он подъезжает к входу с колоннами Кубик Рубика, выходит и открывает мне дверь. Слегка поддерживая меня рукой за поясницу, он бросает ключи парковщику, который ловит их с благоговением. Хотя его рука едва касается моей спины, я все равно чувствую, пока он ведет меня по глянцевым мраморным ступеням вверх. Впечатляющий вход с грандиозными колоннами пугает, словно кто-то из сотрудников всегда готов поинтересоваться: «Достаточно ли ты богат, чтобы находится в этом заведении?» Ответ, касательно меня, явно нет.

Но, видимо, не для Дома.

Портье весь искрится от восторга, и становится очевидным, что он не только постоянный посетитель, но также, скорее всего, оставляет огромные чаевые.

Ресторан находится на первом этаже, и мы поднимаемся по широкой, покрытой черным ковром, лестнице. Интерьер ресторана до умопомрачения роскошный с шикарными черно-белыми стенами, покрытыми гладким шелком, и огромными композициями из пышных экзотических цветов на стойке регистрации, а также в зале ресторана. Все кресла изготовлены из какого-то матового серебристого металла, толстые подушечки из разноцветного бархата: оранжевые, золотые, красные, зеленые, синие, коричневые, лежат на сиденье и спинки. Нам показывают лучший столик, стоящий на возвышении рядом с суперсовременным фонтаном, струящемся каскадом. Официанты кружатся вокруг нашего стола, отодвигая стулья, кланяясь, улыбаясь, кивая. Рядом со мной, официант поднимает салфетку, аккуратно разворачивает ее, и вежливо кладет мне на колени. Ошеломленная я благодарю его. Он торжественно кивает и улыбается.

Другой — раскрывает передо мной меню. Бесплатное, розоватого оттенка коктейль из шампанского кажется волшебным образом появляется справа от меня, но я замечаю, что стакан с янтарной жидкостью предлагается и Дому. Молодой человек восточной внешности мило улыбается, когда я благодарю его.

Человек, из которого так и сочится угодливость, в черном костюме материализуется у локтя Дома. В нем настолько видно чрезмерное раболепие, доходящее до откровенного эпатажа, но Доминик, кажется, привык к этому и видно знает его.

— Не желаете, чтобы я выбрал вино, которое сможет дополнить блюда, мистер Иден? — заискивающе интересуется мужчина. Ах, это сомелье. Ну и ну, я никогда не была в ресторанах, которые были настолько шикарны, что могли позволить себе сомелье!

— Пару для блюда леди, — говорит Дом. — Мне как обычно.

— Очень хорошо, сэр, — отвечает он с кивком и бросает быстрый взгляд в мою сторону, уходит.

Я обращаю внимание на меню. Сочетание ингредиентов в блюдах необычное и захватывающе. Я поднимаю глаза, Дом смотрит на меня. Минуту мы смотрим друг на друга, и я чувствую, как у меня начинают краснеть щеки, опускаю глаза вниз. Дом кладет меню, я делаю то же самое. Почти мгновенно рядом со мной материализуется метрдотель. Мы делаем заказ, и он дипломатично отпускает комплимент за наш отличный выбор.

В середине стола появляется маленькая тарелка красивой разноцветной миниатюрной закуски, амюз-буш. Официант, который принес, объясняет про маленькие лакомые кусочки, но его французский для меня слишком правильный, и я улавливаю только «редиска», «творог» и «тушеные мидии с огурчиком». Он исчезает так же бесшумно, как и появился.

Я беру керамическую ложку, рассматриваю маленький кубик из трех ярких, совершенно неузнаваемых ингредиентов, плавающих в соевом соусе, и подношу ко рту. На вкус чувствую авокадо, насыщенный вкус тартара, тунец и вкус меняется из-за рассыпчатого риса с обжаренным во фритюре луком-шалот.

— Хорошо? — спрашивает Дом.

— Очень, — искренне отвечаю я.

Он зажал такой же маленький кусочек копченого лосося между губами, и я с жадностью наблюдаю за его невероятно сексуальным ртом. Я быстро отвожу взгляд, оглядываясь по сторонам.

Если его целью является удивить меня, то да, я, честно могу сказать, ослеплена — костюмом, автомобилем, уважением со стороны обслуживающего персонала, великолепным рестораном, пятизвездочной едой, но это ни черта не значит.

То, что мы разделили в пустом ресторане, стоит для меня намного больше, чем тысяча ночей в непревзойденной роскоши. Я знаю, что момент ушел навсегда. Мужчина передо мной надел свою маску, и он никогда не позволит мне вновь увидеть, что скрывается под ней.

Сейчас он сидит со мной, потому что хочет затащить меня в постель или попытаться получить какую-то информацию. Скорее всего, второе. Я не собираюсь предоставлять ему информацию, но также знаю, что не смогу быть той, кто причинит ему боль. После того, что я видела, никогда.

Завтра я скажу Робу, чтобы меня сняли с этого задания. Он, конечно, спросит почему, а я отвечу, что чувствую себя не комфортно с мистером Домиником Иденом. Да, завтра. А сегодня мне принадлежит этот мужчина в маске.

Я делаю глоток вкусного коктейля с шампанским и встречаю его взгляд.

— Я заметила у вас нет страницы на Facebook?

5.

Элла

Он смотрит на меня.

— Это что, преступление?

— Нет, — уступаю я. — Но это довольно необычно.

— Почему?

Я пожимаю плечами.

— Все пользуются социальными медиа. Twitter, FB, MySpace, Picasa, Tsu, Instagram Plaxo, Xing, Ning… Вы не найдены ни на одной платформе.

Он вдруг скалится в пиратской ухмылке. И ох… чертовски привлекательной. Мое сердце немного трепещет.

— Возможно ли, — тихо издевательским тоном говорит он, — что Министерство по налогам и таможенным сборам, имеющее в своем арсенале такое грозное оружие, как компьютерную систему за восемьдесят миллионов фунтов, не может выявить обо и моем потенциальном нарушение ничего?

— Вряд ли, — отвечаю я. — База имеет свыше миллиарда единиц данных, собранных из сотен источников. Как это часто бывает, отсутствие в соцсетях также своего рода «информация». Это говорит о желании скрыть подозрительную активность.

Он приподнимает прямые, иссиня-черные брови.

— Правда?

— Да, правда, — говорю я с нажимом.

В этот самый момент, появляется сомелье с бутылкой вина, пытаясь обратить внимание Дома, на марку, но Дом не отрывает от меня глаз. Я тоже не желаю опускать глаза. Как только бутылка откупорена, Дом делает еле заметное движение рукой, обозначающее, что хочет обойтись без принятой дегустации. Сомелье подходит ко мне и наполняет мой бокал. Он направляется опять к уставившемуся на меня Дому, который едва поводит головой в сторону. Мужчина опускает бутылку в ведерко со льдом и исчезает.

Я делаю глоток. Вино мягкое, с многообразием вкусов, которое и делает его особенным, то, что я ранее пила, теперь будут напоминать мне контробандную версию винограда и уксуса.

— Просто ради интереса, — говорит Дом, — какую информацию обо мне вы хотите узнать?

— Я думаю, что я нахожусь здесь, чтобы узнать больше о вашем бизнесе, а не наоборот.

— Туше, — по-доброму усмехается он.

Я слабо улыбаюсь.

— Итак, что вы хотите узнать обо мне? — произносит он с бесшабашной улыбкой.

Положив в рот мидии, приготовленные на пару, такие нежные, что тают на языке. Я глотаю и вытираю губы салфеткой, прежде чем ответить:

— Я хотела бы знать, почему вас нет в соцсетях.

Он расправляет плечи, почти итальянский жест.

— Мы цыгане, — говорит он, как будто это ответ на все мои вопросы.

— И? — подсказываю я.

— Это заложено в нас природой, мы не доверяем любой форме надзора или слежки, а как вы только что подтвердили, соцсети — это «данайцы, дары приносящие», — поддразнивая меня, говорит он. — Вспомни, цыгане не уволокли троянского коня в свой город.

— Я не хочу показаться стереотипной, но, если честно, цыгане всегда были гениальными конокрадами.

В его кристально голубых глазах появляется огонек озорства.

— Ах, да. Возможно, все было бы по-другому, если бы лошадь была настоящей или из металла. Но деревянная…

Мне хочется рассмеяться, но я подавляю это желание. Я не на свидание. И он не должен мне нравится — я не должна разрешать себе такого. В конечном итоге, я получу от этого травму.

Нас прервали появление блюд. Мое блюдо — козий сыр с жаренной свеклой выглядит как пироженое наполеон (мильфей) с белыми и малиновыми слоями. Я смотрю на него с благоговением. Я думала, что поданная закуска была произведением искусства, но нет, это точно произведение искусства. Слишком красиво, чтобы такое можно было есть. Дом заказал обжаренные гребешки с грецкими орехами, которые подаются с мини-горшочком брюле из пармезана.

Я отрезаю кусочек мильфей и кладу в рот. Так вкусно, что меня посещает мысль, что мне так хочется позволить себе привезти сюда моих родителей, а не в дешевый ресторан, который я могу позволить на свой ограниченный бюджет. Они никогда не пробовали ничего столь изысканного и вкусного, и я внезапно чувствую боль, что скорее всего они никогда и не попробуют. И просто так на ровном месте, я прихожу к выводу, что мне не стоит симпатизировать ему. Обида на людей, похожих на него, появляется у меня внутри. Я буду относиться к нему, как к давнишнему другу, так будет лучше. Я и так под впечатлением от него.

— Почему ты так боишься слежки, если не делаешь ничего плохого? — спрашиваю я.

— А почему у тебя есть шторы на окнах в твоей спальне? Ты делаешь что-то противозаконное? — отстреливает он.

— Это не одно и тоже, — замечаю я.

— Почему нет? Я не хочу, чтобы государство, агенты и куча маркетологов имели доступ к моим личным данным. Это касается только меня, и я принимаю меры, чтобы оно так и оставалось. Почему ты отрицаешь очевидное?

— Вероятно, вы будете рады, что в базе о вас очень мало информации, — продолжаю я, — и о твоих братьях тоже.

Он медленно улыбается, довольной улыбкой.

Улыбка, в сочетание с охраной своей личной жизни, производит эффект. Он закрытая дверь для компьютерных щупалец слежения. Все, что удалось раскопать — в двадцать восемь лет он никогда не получал никакого пособия. Не владелец и даже не совладелец имущества и бизнеса. Разумеется, я не верю в это. Не может быть, чтобы его финансы ни с кем не были связаны? Как же! У него два банковских счета, на которых совершенно жалкая активность, в основном оплата счетов за коммунальные услуги, никогда никакого овердрафта. У него имеется кредитная карта, которой он даже не пользуется, чтобы заплатить за бензин. Он не летает коммерческими авиалиниями. Хотя одного взгляда на его загар достаточно, чтобы понять, что он приобрел его не в Лондоне. Это означает, что он покидает страну пользуясь частными средствами.

Я фальшиво улыбаюсь.

— Представьте, что вы могли бы обмануть суперкомпьютер, если предположить, что вы достаточно незаурядная личность.

Он поднимает стакан с виски.

— Не знаю, что ты имеешь ввиду, но выглядит довольно-таки ужасно со стороны, предполагать, что кто-то может быть лучше суперкомпьютера.

Я улыбаюсь с раздражением.

— База министерства — это удивительное изобретение. При нажатии на кнопку может выдавать невероятно детализированную картину о человеке, раньше бы, чтобы собрать такую информацию потребовались бы месяцы исследований, но у машины нет интуиции. Департамент полагается на следователей и аналитиков, вроде меня, проверяющих данные и обнаруживающих несоответствия.

— Несоответствия? Например, как что? — спрашивает он, выуживания информации.

Ну, он ничего не получит, по крайней мере от меня.

— Как все, что я видела сегодня — одежда, машина, ресторан.

— Оооо, вы заметили мою одежду, — нахально улыбаясь отмечает он. Глядя на него сейчас, трудно представить, что это один и тот же мужчина, который испытывал такую муку в ресторане сегодня днем.

— Невозможно не заметить, она явно не из обычного магазина одежды, — мой голос звучит слабо.

Он невинно расширяет глаза.

— Я копил годами, чтобы купить такой костюм. Автомобиль принадлежит компании, а в этот ресторан я приезжаю только, когда чувствую себя особенно на подъеме или для очень важного свидания.

— Это все шутка, не так ли? — обвиняю я его, чувствуя растерянность.

— Для вас это не просто работа, правда? — спрашивает он с любопытством.

— Нет, не просто. Это мой личный крестовый поход, — я прислоняюсь к спинке кресла, ожидающий персонал эффективно и быстро убирает наши тарелки, мой бокал наполняется вином, а перед Домом появляется новый стакан с виски. Я обращаю внимание, что он вообще не пьет вино, он заказал бутылку исключительно для меня.

— Вы должны ненавидеть таких, как я.

— Ненависть возможно слишком сильно сказано. Питаю отвращение, наверное, немного ближе.

Он смущенно смотрит на меня, как будто пытается выяснить, что я такой за зверь —

трехглавый с десятью конечностями, фиолетово-полосатая.

— Почему тебя так заботит, плачу ли я налоги? Мне просто интересно, ты платишь свои или нет.

— Потому что такие люди, как вы, играют в юридические игры и вам совершенно наплевать на страну, — горячо обвиняю я его.

— Тебя раздражает, что кто-то уклоняется от переплаты налогов, и нечего сюда приплетать страну. Наоборот, прикладываю максимум усилий, чтобы не обманывать таких людей, как ты. Я плачу установленную сумму налога по закону. Только прикидывающийся святошей, самодовольный фанатик будет критиковать кого-то, выискивая законные средства, позволяющие снизить налоговые выплаты. Уклонение от уплаты налогов не зло, а вполне разумное поведение.

— Ого, — задыхаюсь я. — Это сюжет для книги. Налогонеплательщик оправдывающий себя!

Он беспечно пожимает плечами.

— «Не предоставляй бездомному другой дом, а позволь ему усердно работать, чтобы построить свой собственный для себя, тем самым на своем собственном примере убеждаясь, что он сможет защитить его от насилия, когда будет построен» Авраам Линкольн, — он откидывается на спинку, самодовольно улыбаясь.

Передо мной ставят основное блюдо — дорсет краб с черной кеноа с помидорами в лимонном соусе Мейер. На взгляд, блюдо достойно мирового класса, но я полностью потеряла аппетит.

— Приятного аппетита, — говорит Дом, с наслаждением начинает поглощать тунца, выложенного икрой, с ломтиками цуккини, которые так тонко нарезаны, что почти прозрачны.

Я складываю руки на груди.

— Итак, вы считаете, что имеете полное право вообще не платить налогов или не доплачивать, при возможности, потому что богаты настолько, что у вас имеются хитрые бухгалтеры, запятнанные юристы, коррумпированные банкиры, скрывающие налоги, в то время, как остальная часть населения выплачивает все, платя за образование и медицинские услуги, обслуживающих ваших сотрудников, полицейских, которые охраняют деятельность ваших ресторанов и ночных клубов.

Он наклоняется вперед, его глаза угрожающе поблескивают.

— Если ты действительно так ратуешь за это, то почему бы тебе не обратить свое внимание на очень крутых налогоплательщиков таких, как Google, Starbacks, Microsoft и Apple?

Я выпрямляюсь в кресле.

— Мой круг обязанностей не подразумевает заниматься международными корпорациями.

Он поднимает насмешливо брови.

— В твои обязанности не входит международные корпорации? Как чертовски удобно.

— Ими занимается другой департамент, — я пытаюсь защититься.

Он взрывается саркастическим, циничным смехом.

Я смотрю на него с яростью и раздражением. Как он посмел меня записать в коварного соучастника преступлений транснациональных корпораций?

— Поскольку ты, кажется, совершенно не в курсе, позволь я расскажу тебе, чем

кончилось общение твоего департамента контроля за транснациональными корпорациями в прошлом году. Объем продаж Старбакса за прошлый год в Великобритании составил четыреста миллионов фунтов, но корпорация вообще не заплатила налог на прибыль. Они перевели сколько-то денег голландской дочерней компании, комиссионные, купили кофе в зернах в Швейцарии (эй! кто же знал, что в Швейцарии производят кофе в зернах, но похоже они об этом знают), и выплатили высокие процентные ставки из других частей бизнеса, — он делает паузу. — Хочешь узнать, как они расправились с Amazon?

Я ничего не говорю.

— Думаю, что нет. Пошли дальше. Они осуществили продаж в Великобритании на сумму четыре-точка-три миллиарда в прошлом году, а налоговые выплаты составили только четыре-точка-два миллиона фунтов. Сколько это в процентах, Элла? Ноль-точка-один процент?

Все, что он говорит правда, и я знаю об этом, но я всегда говорила себе, что это не относится к моей компетенции. Если я буду делать хорошо свою работу, то я буду вносить свой вклад для улучшения своей страны. Его аргументы, раскачивают мои основы. Я плотно сжимаю губы, отказываясь дискуссировать на данную тему, не имеющую ничего общего с его налоговой ситуацией… или мной.

— Почему ты молчишь, а? Потому что ты знаешь, что тоже самое повторяется с Google и Apple, и любой сильной транснациональной корпорацией, так ведь? В голове любого разумного человека возникает очевидный вопрос — почему бы мне не предпринять меры, чтобы мои налоги тоже немного сократились?

Я агрессивно задираю подбородок.

— А как насчет того, что это аморально? Или вас совершенно не волнует народ этой страны? Ваши налоги смогут поддержать школы и больницы от закрытия. Или вы считаете, что должны делать то же самое, что делают и другие?

Он отрицательно качает головой.

— Знаешь, кто ты, Элла?

— Думаю, вы умираете от желания сообщить мне об этом, — сухо говорю я.

— Ты сторожевая собака. Вопрос только чья? Ты обманываешь себя, думая, что гавкаешь, охраняя бедных и угнетенных, но отвечу так: каждый год ты собираешь все больше и больше налогов, чем в предыдущий, почему с каждым годом все меньше и меньше денег идет на общественные нужды?

Я хмурюсь, он задел меня за живое.

Он видит, что я задумалась и использует свое преимущество.

— А ты знаешь, что с 2007 года наше правительство выделило более триллиона фунтов на спасение банков? Что говорит о его приоритетах. Если оно смогло найти деньги на спасение банков, на бомбежку Афганистана, Ирака, Ливии, сейчас хотят начать войну в Сирии, то почему не могут найти деньги для школ и больниц?

Я смотрю на него с тревогой.

— Правда, миллиарды можно получить от этих больших шишек, но никто не делает этого. Когда-нибудь наше правительство поднажмет на этих крупных налоговых мошенников, но ты можешь порадоваться, ты пробил брешь в моей морали по повод схем уклонения от уплаты налогов и своей лекцией об утопических идеалах распределения богатства. А пока, дай мне, черт побери, передохнуть.

Я поднимаю мой бокал с вином и осушаю, аккуратно ставлю обратно на стол.

Возможно, не осознавая этого, но я выпила слишком много. У меня голова затуманена. Из-за недееспособного государства, я не могу придумать и подобрать ни одного подходящего оправдательного аргумента. Я чувствую сердцем, его доводы кажутся вполне логичными, но так не должно быть. Этого не может быть.

Он смотрит на меня почти с грустью.

— Ты напоминаешь мне, песню, ставшую уже классикой еще давнишнего Led Zepplin, «Лестница в небо». Женщину, которая считает, что все что блестит есть золото и покупает лестницу в небо. Но твоя лестница раскачивается на ветру, Элла.

6.

Элла

Струны лютни одиноки,

Хотя они и производят музыку.

Халиль Джебран

Я стараюсь не встречаться с ним глазами, поэтому безучастно смотрю на официанта, наполняющего мой бокал. Он опускает бутылку на стол, я испытываю настоящий шок, поскольку выпила больше половины. И все это легло на первоначальный коктейль — шампанское с водкой! Неудивительно, что он затягивает меня в кольцо своим ущербным рассужденем «я заплачу, если они заплатят».

Он придвигается ближе.

— Ты хочешь выпеть еще? — мурлычет он.

Так близко он вдруг кажется диким, наполненным грязными обещаниями. Я склоняюсь к нему, как мотылек к пламени.

— Ты намеренно пытаетесь меня напоить?

— А почему нет, если бы ты была бы моей?

Мой разум гоняется за собственным хвостом.

— Почему ты хочешь, чтобы я была пьяная?

— Ты действительно хочешь услышать правду? — его глаза полуприкрыты.

— Конечно.

— Потому что ты относишься к типу скованных женщин, которые должны быть немного пьяны, чтобы исследовать свои сокровенные желания. Тогда, ты не будешь нести ответственность за свои поступки. «Я была так пьяна» сможешь сказать твоей лучшей подруге завтра утром.

Это далеко от истины (я бы переспала с ним без капли алкоголя), но будь я проклята, прежде чем я скажу ему об этом.

— Очень уверен в себе, не так ли?

— Мне нравится играть с огнем, мисс Сэвидж.

Его телефон должно быть завибрировал в кармане, потому что он достает и смотрит на экран.

— Не возражаешь? — спрашивает он.

Я качаю головой.

— Привет, ма, — говорит он, и слушает ответ. — Она так сделала? — говорит он, и улыбается, и это неподдельная улыбка. Мягкая, теплая улыбка. Я смотрю на него с удивлением. Мне как раз и не стоит знать, что он обожает свою мать. И я вдруг понимаю, что не смогу не осуществить свой план, переспать с ним хотя бы одну безумную ночь. Хотя прекрасно понимаю, что секс с ним откроет двери того, что я не смогу контролировать. У

него есть все возможности причинить мне душевную боль. Я полностью попала под его влияние, и с ним я чувствую то, что никогда не чувствовала раньше.

Он поднимает взгляд и встречается с моими глазами, улыбка застывает.

— Мне надо идти, мам, но я заскочу к тебе завтра. Отдашь мне? Хорошо. Пока, — он кладет телефон.

Я смотрю ему в глаза.

— Я не могу заниматься с тобой сексом.

— Почему? — хрипло спрашивает он.

Я откидываюсь на спинку кресла, алкоголь гудит по венам, пульсируя в висках. Сказать ему настоящую правду или полуправду — это лучший вариант.

— Потому что ты жулик.

Его глаза сверкают с неподдельной яростью. Вежливость и элегантность оказались всего лишь фасадом. Сейчас передо мной — реальный Доминик Иден. Забияка, горячая голова, который может запросто попрать права человека, возможно даже мои.

— На каких доказательствах основаны твои обвинения? — холодно спрашивает он.

— Инстинкт.

— Такое объяснение не прокатит. Пока ты не найдешь доказательств, оправдывающих твой «инстинкт», я предлагаю тебе воздержаться от таких слов.

— Я найду, — говорю я, зная, что это пустая угроза. Завтра я ухожу с этого дела, и больше никогда его не увижу. Сейчас же я притворюсь, что крутая, строгая следователь по налогам.

— Попытайся.

— Не стоит меня недооценивать, — резко говорю я.

Он улыбается шикарной улыбкой, которая перехватывает мое дыхание, лампочка у меня в мозгу начинает гореть, посылая предупреждения.

Я перевожу взгляд на его загорелое горло. Не справедливо, что этот мужчина такой великолепный. Мои глаза скользят обратно вверх, к его губам, которые могут меня целовать, поднимаются вверх к глазам с тяжелыми веками. Ресницы густые и короткие, а голубые глаза настолько интенсивные, словно просверливают меня насквозь. К моему ужасу, алкоголь подпитывает реакцию моего тела, соски напрягаются и становятся жесткими.

— Мне нужно домой, — выдавливаю я.

Он приподнимает руку, официант приносит чек в кожаной папке. Он смотрит на цифру, и достает банкноты из бумажника.

Я продолжаю играть свою роль.

— Наличные?

— Всегда, — его глаза пожирают меня.

Но я не поддаюсь.

— Почему?

— Мне нравится запах денег.

— Богатые люди, желая что-то скрыть, оплачивают наличными.

— Боюсь повториться, люди, не желающие, чтобы их банк и любой гребаный государственный надзор в мире, имел доступ к их чертовой личной жизни, тоже так делают. Ты готова?

Я киваю и встаю, слегка покачиваясь.

Он хмуриться, отчего становится мрачным и задумчивым. Как мой любимый герой всех

времен, Хитклифф. (Хи́тклифф — главный действующий персонаж романа Эмили Бронте «Грозовой перевал».)

— С тобой все в порядке? — спрашивает он.

— Конечно, — отвечаю я, расправив плечи иду впереди него. Мы спускаемся вниз по лестнице. Мужчина поднимается вверх и смотрит на меня с неприкрытым интересом. Поравнявшись с нами, Дом останавливается берет его голову в руки и поворачивает в противоположную сторону от меня. Человек смотрит на него со страхом. Он всего лишь на голову ниже Дома, но выглядит как испуганный кролик перед пастью тигра.

Я вижу, как снисходительно Дом поглаживает мужчину по щеке, прежде чем повернуться ко мне, мы продолжаем спуск по лестнице. Я оглядываюсь, мужчина движется точно вперед, вверх по лестнице, видно слишком напуган, чтобы обернуться и посмотреть на нас. Черт! Это было словно сцена из фильма «Мафия».

Я поворачиваюсь в сторону Дома.

— Что ты сделал?

— Придурку несказанно повезло, поскольку я в хорошем настроении. Он бы лучше следил за своей башкой, которую, к чертовой матери, стоило бы открутить.

— Почему?

— Потому что он бл*ть пялился на мою женщину, вот почему.

Совершенно не кстати, но я испытываю настоящий мощный кайф, каждая моя клетка просто светится, никогда так не светилась за всю мою тоскливую жизнь. Я хочу быть его женщиной, хочу, чтобы он так говорил обо мне. Но эта мысль проходит также быстро, как и появилась, и остается только странное чувство потери. Я никогда не подозревала, что нуждаюсь и хочу быть чьей-то женщиной. Какого черта со мной происходит! Я чувствую себя настолько эмоционально неуравновешенной от своей жалкой реакции на его слова, что выпаливаю фразу, которая вылетает из меня, как тяжелая пуля.

— Я не твоя женщина.

Он смотрит не стесняясь, невозмутимо, и сразу же отвечает:

— Он же этого не знает. Я никогда другому мужчине не позволю так пялиться на женщину, как делал он.

Больше мне нечего сказать.

Дом

Она наклоняет голову, и ее шелковые цвета меда пряди спадают на плечи. Что-то дергается внутри меня. Господи, я не могу этого сделать. Это слишком болезненно. Она смотрит на меня большими и удивленными глазами, как у ребенка.

— Что случилось? — спрашивает она.

Ее взгляд обжигает.

— Ничего, — голос звучит резко, я не хотел так ей отвечать.

Она вздрагивает, ее глаза становятся отдаленными.

Я выдавливаю из себя улыбку и притворяюсь вежливым джентльменом, каким и был, несмотря на то, что это убивает меня изнутри. Я готов пойти на все, потому, испытываю необходимость — она должна быть в моей кровати. Я хочу провести пальцами по влажным складкам ее половых губ, я хочу увидеть, насколько дикой она может стать, когда мой член будет погружаться в нее.

Может, она остановит мою боль.

Элла

Он открывает пассажирскую дверь и наши руки случайно соприкасаются, мы отступаем, словно нас дернуло током.

— Извини, — мямлю я.

Он резко вдыхает и ничего не говорит.

Я проскальзываю на сиденье, он закрывает дверь за мной. Как только он садится рядом, я кошусь на его высокое, поджарое тело. Он весь напряжен, как сжатая пружина. Затем приводит автомобиль в движение, и мы едем по ночному городу.

Он останавливается рядом с моим домом. Я поворачиваюсь к нему.

— Спасибо за ужин. Я действительно…

— Я провожу тебя до двери квартиры, — говорит он.

— Со мной все будет в порядке, — отвечаю я, но он уже выскальзывает из машины. Я тупо смотрю прямо перед собой. Мне кажется, я начинаю переживать из-за того, что может случиться дальше.

Он открывает пассажирскую дверь с моей стороны. Я опускаю руку в его протянутую ладонь, и изящно ставлю ноги на тротуар, насколько могу конечно, он тянет меня за руку вверх. Придерживает открытой входную дверь дома, мы идем к лифту. Он нажимает кнопку, но раздается в ответ скрежещущий звук. Лифт снова сломался.

Я поворачиваюсь к нему.

— Сломался.

— Слава Богу, — бормочет он. — Не думаю, что смогу еще раз перенести запах мочи на ночь глядя.

Я взмахиваю рукой.

— Не волнуйся, ты можешь идти. Со мной все будет хорошо. Я всегда поднимаюсь по лестнице.

Он бесстрастно поглядывает на меня.

— Я тоже поднимался к тебе по лестнице. Я не могу находится там, где плохо пахнет. Я воспользовался лифтом, потому что ты на шпильках.

— Ой! — восклицаю я, мигая, чтобы прийти в себя. — Ладно, если ты хочешь, — беззаботно отвечаю я, разворачиваясь и начиная подниматься по лестнице.

Мы поднимается на три лестничных пролета, молча. У двери я начинаю шарить в клатче, пытаясь нащупать ключ. Я держу его в руке.

— Спокойной ночи и спасибо…, — с улыбкой начинаю я и замолкаю на половине фразы.

Он смотрит на меня так, этот взгляд явно вне закона. Ни один мужчина никогда не смотрел на меня подобным образом, словно он голодал долгое время, а я хорошо прожаренный стейк «Рибай». У меня перехватывает дыхание, я даже не могу вспомнить, что мне нужно сделать. Я по-прежнему смотрю ему в глаза, стоя с открытым ртом, он забирает мой ключ из дрожащих пальцев.

— Это серьезная ошибка, — шепчу я.

— Мне необходимо, и ты тоже хочешь, — жестко отвечает он.

Он вставляет ключ в замочную скважину. Я отрицательно качаю головой.

— Это неправильно. Мы будем сожалеть об этом.

Он открывает дверь и втаскивает меня внутрь.

— Возможно ты, но я нет.

Он пинает ногой дверь, чтобы та захлопнулась. Я делаю глубокий вдох, и его взгляд тут

же опускаются на мою вздымающуюся грудь.

— Дом, — выдыхаю я.

Он прижимает меня к стене, его рот в дюйме от моего. Его энергия похожа на силовое поле, прижимающее меня к стене. Мягкое рычание вибрирует у него в горле, возбуждает. Мое тело реагирует, остолбенев. Кровь стучит в ушах, оглушая меня низким гулом, и любая трезвая мысль вылетает из моего оглушенного мозга. Одной рукой он хватает меня за затылок, другой — обхватывает вокруг талии, как сталью, впечатавшись своим твердым телом, сжавшись в грудь. Хорошо, что он удерживает меня, потому что я чувствую себя без костей, словно растворившись в нем.

Я чувствую его дыхание на своем лице, сладковатое, как вишня в ликере. Я никогда не чувствовала себя такой живой, такой трепещущей, такой любимой. Я могла бы подняться в горы, полететь к звездам, растопить солнце. Как будто он — моя тайная мечта. Та, о которой я никогда не догадывалась. Я задыхаюсь от удивления и желания, и он тут же нападает на мои приоткрытые губы.

Это напоминает гигантскую волну во время прилива…, которая накрывает с головой. Я не вижу, как он открывает фольгу презерватива, чувствую его размер в резинке. Все эти действия он производит, утягивая меня все глубже и глубже своим поцелуем. Он отстраняется. Я хватаю ртом воздух. Ухватившись за концы разреза на моей красной юбке, он разрывает и поднимает ее до талии. Разорванные мокрые труси тоже летят в сторону на пол. Его руки пробегают вниз по моей спине и заднице, приподняв меня вверх, теперь я нахожусь почти на уровне его глаз. Он медленно двигает своей эрекции напротив меня.

Потом его член входит, жестко. Огромный… Чужеродный… Доминирующий. Шок от его размера заставляет меня вскрикнуть. Мышцы начинают усиленно сокращаться, пытаясь свыкнуться с неожиданным вторжением.

— Разве это ошибка? — рычит он.

Я обворачиваю ноги вокруг его бедер.

— Пошел ты, — выплевываю я, еще больше сжимая мышцами его член.

— Дааа, сделай это. Просто сделай, — хрипло подбадривает он.

Он чуть-чуть выходит и толкается в меня с такой силой, что мое тело поднимается вверх по стене.

— Ах, — восклицаю я, но на самом деле, чувство просто феерическое. Так и должно быть.

— Хочешь глубже? — спрашивает он хрипло.

— Да, — хнычу я.

Он снова врезается в меня, и я начинаю дрожать всем телом. Черт! Я готова распасться на миллион маленьких кусочков прямо здесь… сию минуту. Электрический ток проходит по моему телу, которое начинает напрягаться и вибрировать. Сердце колотится так громко, я даже слышу его стук. Я стараюсь не толкаться к нему, я итак уже встала на путь джаггернаут. Я кончаю, запрокинув голову и с диким воплем. Он продолжает толкаться, пока я бьюсь в оргазме, пока с ревом не кончает сам. Все еще тяжело дыша, мы встречаемся взглядами. (Джаггернаут — идея, которой слепо покланяются, иногда с трагическими последствиями.)

Мы пялимся друг на друга. Враги снова.

Он вытаскивает из меня свой член, и я чувствую укол от потери. Мне нравится чувствовать его внутри себя, но без него я по крайней мере могу рационально мыслить, и мне вдруг стыдно за себя, я начинаю злиться. Какая же я идиотка.

Он позволяет мне соскользнуть вниз, поставив на ноги, но когда я пытаюсь освободиться от него, он зажимает меня своей стальной хваткой. Я быстро опускаю куски порванной юбки вниз, прикрывая мою пульсирующую киску и все еще дрожащие бедра.

— Не жди повторения, — говорю я сквозь стиснутые зубы.

Он снимает презерватив, застегивает молнию и устремляет свой взгляд на меня. Его голос звучит непреклонно.

— Не обманывай себя, девочка. Я буду повторять всякий раз, как только захочу.

— Не рассчитывай на это, — жестко отвечаю я.

— Я готов заключить пари на весь свой налог до последнего доллара, — говорит он, и берет меня за подбородок. Его рука тяжелая и сильная, пальцы длинные. Он тянет подбородок вверх и смотрит на меня, его глаза специально ничего не выражают. Я смотрю на него возмущенно.

— Я заеду за тобой завтра в семь вечера, — говорит он нахмурившись.

— У меня назначена другая встреча, — вру я.

Что-то опасное вспыхивает у него в глазах.

— Отмени, — грубо отвечает он.

Я открываю рот, пытаясь возразить, но он накручивает на затылке мои волосы на кулак и закрывает мой рот ладонью. Я смотрю на него с широко открытыми глазами со страхом, вперемежку с возбуждением.

— Я коснулся лишь малой части того, что я бл*дь хочу с тобой сделать, — рычит он.

И вышел за дверь, тихо закрыв за собой.

Моя грудь вздымается, будто я только что пробежала марафонскую дистанцию.

— Это всего лишь физика. Просто секс, — шепчу я в пустоту.

Я — сталкер

Я стою на улице и смотрю на окна ее спальни, за ними давно ничего нет. Затем… ее тень… проходит мимолетно. Я с нетерпением всматриваюсь в сиюминутное видение. На ней одето что-то белое, волосы распущены по спине, в них поблескивает свет, и такое впечатление, словно каждый шелковый завиток подсвечивается изнутри. Это придает ей необузданный вид, словно ее душа дикая и свободная. Она отходит от окна.

Я жду еще час, но она не появляется. Я продолжаю смотреть в окно даже, когда гаснет свет. Какой кайф наблюдать за ней, а она не подозревает. Я провел часы, представляя ее в постели — ее красивые волосы разбросаны по подушке, интересно, какое постельное белье у нее. Но сегодня я не испытываю радости, бл*ть, представляя, как она мастурбирует, получая оргазм и засыпает с широко открытыми бедрами, ее киска мокрая и готовая для меня.

Всплеск ненависти поднимается у меня в кишках, как горящая лава. Несмотря на то, что он оставался не долго, я знаю, что он трахал ее. У него аура мужчины, который разгружает свой груз. Гордый, довольный, неаккуратный.

Я никогда не думал, что она предаст меня. У меня есть желание броситься к ней в квартиру. Какой, мать твою, шок она испытает. Мои ноги начинают двигаться, а затем я останавливаю себя.

Терпение и спокойствие.

Она будет моей…

7.

Элла

Я стучу в дверь Роба.

— Войдите, — кричит он.

Я вхожу.

— Ты хотел меня видеть?

Он показывает, чтобы я подошла к его столу.

— Ты назначила еще одну встречу с этим бухгалтером придурком?

Я точно знаю кого он имеет ввиду, но делаю вид, что не совсем поняла.

— Каким придурком?

Он смотрит на меня с нескрываемым раздражением.

— Со сколькими придурками мы имеем дело? Придурком Идена, это же очевидно.

— Э… еще нет. Я не знала, когда ты выйдешь на работу. Как ты сегодня себя чувствуешь?

— Хорошо, — коротко отвечает он. — Проверь мое расписание встреч и назначь встречу, как можно скорее.

Я топчусь на месте в дверях, переминаясь с ноги на ногу, и у меня вдруг возникает мысль, что скорее всего я и Роб имеем к Доминику Идену претензии несколько личного характера. Я, поскольку пересекла вчера границу дозволенного и, скорее всего, сделаю это и сегодня, а Роб, потому что Дом унизил его, отказавшись пожать ему руку, поэтому мой босс решил показать, кто реальный «босс» в этом сценарии. До вчерашнего дня Роб просто выполнял свою работу, сегодня же он жаждет крови.

К сожалению, это ставит крест на моих планах, отказаться от этого дела. Во-первых, в таком настроении, Роб не «примет» мой отказ. И во-вторых, я не могу выйти из этой заварахи, позволив Робу использовать свое служебное положение и власть для уничтожения Дома. Я видела и раньше своего босса в таком состоянии, когда люди относились к нему не должным образом, и знаю насколько мстительным он может быть. Как только он впадает в раж, всегда требует максимального наказания. Тюрьмы, если это возможно.

Я прикрываю за собой дверь и прохожу в глубь кабинета.

— Сэр, вы никогда не задумывались, правильно ли мы поступаем?

Он поднимает на меня глаза.

— Нет, — откидывается на спинку кресла. — Что с тобой, Сэвидж?

У меня начинает гореть лицо. Боже! Если бы он знал, что я вчера совершила.

— Ничего, — отвечаю я легко и спокойно. — Мне просто стало интересно, почему мы все время проверяем средний и выше среднего классы общества. Мы никогда не проверяем крупные корпорации и самых богатых людей, способных заплатить миллиардные налоги.

Он смотрит на меня таким взглядом, словно я дебилка.

— Потому что это не наша работа. В наши обязанности входит всего лишь средний и выше среднего классы. А проверять «больших мальчиков» — дело других людей.

— Каких?

— Если бы я знал? — отвечает он, покачивая головой.

— Насколько я вижу, никто не проверяет их.

— Ты удивлена этим?

— Что вы имеете в виду?

Он вздыхает.

— Лучшее объяснение, которое я когда-либо слышал по налогообложению, принадлежит экс-министру Денису Хили. Он очень толково описал всю картину по выщипыванию живого гуся: цель состоит в том, чтобы выщипать максимальное количество

перьев с минимальным количеством шипения. Выщипывание корпораций вызовет такое шипение, с которым мы не в состоянии справиться. У них самые лучшие юристы и самые талантливые бухгалтера, способные обвести нас вокруг пальца. Мы никогда не сможем докопаться до сути. Это бессмысленное занятие. (Денис Уинстон Хили, барон Хили (англ. Denis Winston Healey, Baron Healey; 30 августа 1917 — 3 октября 2015) — британский государственный деятель.)

— Поэтому мы пытаемся поймать мелких и средних рыб, потому что не можем поймать больших белых акул и касаток?

— Угадала.

— Но это не совсем правильно, с нашей стороны.

— Нет, это как раз правильно, потому что каждый год мы возвращаем от скользких ублюдков, готовых уйти от налогов, в казну миллиарды.

— И что происходит с этими деньгами?

Он смотрит на меня с издевкой.

— Благодаря нам правительство может платить за школы, больницы, ремонтировать дороги, платить зарплату людям, вывозящим мусор, полиции, пожарникам. Мне продолжить?

— Но все равно это несправедливо, — тихо отвечаю я.

Он наклоняется вперед и указывает на меня пальцем.

— А жизнь вообще несправедливая штука, Сэвидж. Разве справедливо, что один ребенок рождается правнуком английской королевы с золотой ложкой во рту, а другой, совершенно не по своей вине, рождается в голодной Африке? — он замолкает, выжидающе смотря на меня, я продолжаю молчать, Роб добавляет:

— Сейчас иди и договорись о встрече с придурком бухгалтером. Уже есть один гусь, которого я хочу увидеть общипанным и приготовленным с хрустящей корочкой.

Я прикусываю губу.

— Я не вижу проблем с его счетами, Роб. В компьютере отображается поданная им налоговая декларация, в которой была всего лишь одна неверная цифра, но мы оба знаем, что это скорее всего ошибка бухгалтерии. Если бухгалтер скорректирует эту цифру, у нас не будет никаких причин подозревать его в мошенничестве и неуплате налогов.

Он сужает глаза и внимательно смотрит на меня.

— Что случилось с тобой сегодня, Сэвидж? Ты что, умом тронулась?

Я невольно отступаю на шаг назад, в Робе присутствует какая-то жестокость. Я не хочу стать жертвой его ярости.

Он холодно продолжает:

— Это столь же очевидно, как и то, что у меня на лице есть нос, этот ресторан не заплатил необходимую сумму налога. Они никогда не заплатят нужную сумму. Конечно, копать не легко, но всегда что-то можно найти. По крайней мере, я рассчитываю извлечь массовые неустойки, а также оплату за нами потраченное время и усилия.

— Хорошо. Я договорюсь о встрече сейчас же, — быстро отвечаю я и покидаю его кабинет, прежде чем он начнет высказаться по поводу моей позиции по этому вопросу.

Я сажусь за свой рабочий стол и опираюсь лбом на ладони. Что за кровавое месиво он собирается устроить! Найджел Броадстрит уже дважды, звонил мне, пытаясь поговорить, оставив свой номер мобильного. Я набираю его, он тут же отвечает на мой звонок.

— Мистер Броадстрит? Это Элла Сэвидж.

— Доброе утро, мисс Сэвидж.

— Я звоню вам, чтобы перенести нашу встречу.

— Да, конечно. Когда будет удобно?

Я смотрю на экран компьютера, анализируя назначенные встречи Роба и мои.

— Как насчет понедельника в десять утра?

— Отлично. Там же?

— Было бы хорошо.

— Я буду там, да.

— Эм… мистер Иден будет тоже присутствовать?

Он замолкает, словно немного удивлен.

— Нет, — твердо отвечает он. — Мистер Иден — сотрудник, который мало что смыслит в бухгалтерии. Как я говорил уже раньше, а также буду настаивать в ходе нашей встречи, это ситуация всего лишь ошибка стажера, которую довольно-таки легко можно исправить.

— Хорошо. Увидимся в понедельник. Пожалуйста, не опаздывайте.

Он неловко кашляет.

— Конечно.

— До свидания, мистер Броадстрит.

— До свидания, мисс Сэвидж.

Я записываю в наш план встреч назначенное время. Потом звоню маме и подтверждаю, что заберу ее и отца ровно в двенадцать. Следующий мог звонок предназначен Джону, которому сообщаю, что мне необходима машина в одиннадцать тридцать «по работе». Я прижимаюсь спиной к своему креслу. Дом не будет присутствовать на встрече. Слава Богу. Честно говоря, не думаю, что смогу вести себя нормально и соответствующе, если он будет присутствовать и смотреть на меня глазами, говорящими, что он трахал меня.

*

Как я и планировала, забираю родителей в двенадцать и веду их на ланч в местный паб. Еда на вкус соответствует именно £5.99 за два блюда и £9,99 за три… но отец, похоже рад сменить обстановку, и мама тоже пребывает в хорошем настроении. Ланч проходит очень хорошо и легко.

После ланча, мы все погружаемся обратно в машину и едем в Tesco, где отовариваемся на следующую неделю. Все запланировано и эти еженедельные покупки в таком большом магазине тоже. Вчера я чувствовала себя намного хуже, поскольку никогда не смогу сводить своих родителей в такое место, как «Кубик Рубика», сейчас я кладу в корзинку то, что подороже, нежели как всегда, видно испытывая стыд.

Мама обеспокоенно дотрагивается до моей руки.

— Это слишком дорого для нас, дорогая. Купим все как обычно — для эконом класса, — говорит она.

— Нет, — с грустью отвечаю я. — Я хочу купить вам что-то получше, чем эконом класс на этой неделе.

— Но, дорогая, — шепчет мама, — ты оставишь себе без цента.

Я улыбаюсь.

— Я хочу сделать вам приятное на этой неделе. На следующей вернемся к экономии!

Я наполняю тележку тонко нарезанным хамон, дорогими сырами, двумя упаковками отличного филе, одним из лучших десертов Tesco в красивой коробке, лучшим морковным

тортом, круассанами, фирменным мороженым, двумя утиными грудками и хлебом с органическими злаками. Чек у меня вызывает шок, почти вдвое больше, чем я обычно трачу на продукты. Моя мать тут же говорит: «Давай вернем все назад, посмотри сколько это стоит?», но я игнорирую ее, достаю свою кредитную карту и ввожу PIN-код.

Я возвращаюсь на работу в два часа для и обнаруживаю большую коричневую коробку из Argos, внутри которой находится полиэтиленовый пакет. Сначала мне кажется, что это мама отправила мне подарок. Она покупает изредка кое-какие вещи для меня, но потом я думаю, зачем ей стоило мне что-то отправлять, если я только что с ней рассталась?

Хмурясь, я отрываю коробку, натыкаюсь на полиэтиленовый пакет, внутри которого лежит еще одна коробка явно из дорогого бутика. Я быстро все кладу назад в коробку Argos. У меня начинает гореть лицо и сердце колотится, как ненормальное в груди.

Я точно знаю от кого этот подарок. Я запихиваю коробку под стол, включаю компьютер и тупо смотрю в экран. Мне кажется, тот, кто отправил мне эту коробку, решил не доставлять мне уйму неприятностей, и со стороны все выглядит так, будто я купила дешевые вещи в Argos. Я конечно очень благодарна. Но мне совершенно не нужно, чтобы мои коллеги по работе, думали будто я беру взятки от неплательщика налогов.

Лена, черт побери, просовывает голову в дверь.

— Ты видела коробку?

— Эм… да.

Она без приглашения входит в комнату.

— И что в ней? — спрашивает она.

— О, моя мама послала мне кое-какие вещи для квартиры. Наверное, посуда.

— Да, — она морщит нос, как бы говоря «ничего интересного».

Я пожимаю плечами и отвечаю:

— Такова жизнь, что поделаешь?

Она радостно восклицает.

— Не хочешь пойти с нами сегодня выпить?

— Э… Нет. Не сегодня. Я слишком устала.

— Ой, да ладно. Сегодня же пятница.

— Знаю, но я слишком устала.

— Уверена?

— Да. Развлекайтесь.

*

Вернувшись домой, первое, что делаю — открываю коричневую коробку и достаю из пакета дорогую, к которой прикладывается записка.

«На замену того, что я разорвал.

Дом»

У него уверенный, но не очень красивый почерк, но чувствуется сила и уверенность. Я открываю коробку, через белую упаковочную бумагу просматривается что-то красное. Я отодвигаю бумагу и ахаю. Вау!

Это самое красивое платье, которое я когда-либо видела, с разрезом на спине и мне кажется, что это мой размер. В оцепенении я провожу пальцами по мягкому материалу. У меня никогда такого не было, никогда не было ничего столь прекрасного.

С осторожностью я вешаю платье на плечики на ручку двери моего шкафа. Затем ложусь на кровать, открываю коробку шоколадных конфет ручной работы и ем их, любуясь

платьем. Конфеты очень вкусные. Платье сказочное. Но мне не нравится, что на данный момент я поставлена в тупик тем, во что так верила раньше.

Через час Дом будет у меня.

8.

Дом

Я иду в душ, струи горячей воды каскадами бегут по моему телу, расслабляя напряженные мышцы. Я закрываю глаза и думаю о ней, осязая ее экзотический аромат. О ее голубых, огромных, как у куклы Братц глазах, которые преследует меня. Весь день они меня преследуют своей чертовой красотой. Знаю, что поступаю совершенно безответственно, но мне плевать.

Я должен поиметь ее и к черту последствия.

Много женщин прошли через мою кровать. Они приходят и уходят, напоминая на вкус ху***й сухой хлеб и водопроводную воду. Любой мужчина должен есть, наполняя свой желудок, но я все время хотел получить меда и сладости. Тело умоляет меня об этом, несмотря на то, что сам хозяин сопротивляется.

Элла.

Элла в сексуальных туфлях с принтом зебры и отличной задницей. Ох, вот это задница! Что я могу сделать с такой задницей? Так что, да, бл*дь, я собираюсь рискнуть сегодня еще раз, просто чтобы выплеснуть адреналин — раздвинуть ее бедра и протаранить членом ее влажную, тугую киску, пока она будет сосать мой язык.

Я вспоминаю, как впечатал ее в стену и трахал ее рот и киску в спешке, и от этого чувствую, как начинает пульсировать мой член, увеличиваясь и начиная болеть. Я сжимаю его рукой, и он дергается… желая получить ее сладкое тело.

«Скоро, мой друг. Скоро».

Я закрываю глаза и в голове немного проясняется. Иногда у меня такое чувство, словно я прыгаю с обрыва в глубокий синий океан. Скорее всего под поверхностью воды могут быть скалы. Если мне не повезет я не выживу. Может, она не заберет мою боль с собой. Может, она всего лишь будет стоять на краю обрыва и наблюдать, как я истекаю кровью, но так и не придет ко мне. Я не могу оставаться вдали от нее, даже если это будет означать мою погибель. Я должен увидеть ее нежные руки, снимающие платье и охотно предлагающие мне все, что у нее есть.

Я должен снова отведать ее сладость.

Элла

Я открываю окна в спальне, слыша характерный рев Maserati’s V8, высовываюсь из окна и кричу, как только он заглушает двигатель. Он удивленно смотрит на меня, красивый настолько мрачной красотой, как ангел мести.

— Не поднимайся, там стоит парковщик. Я сейчас спущусь, — кричу я ему.

— Тогда поторопись, — отвечает он мне.

Я кидаю в зеркало последний взгляд, придирчиво оглядывая свой красивый желтый сарафан, и вылетаю из квартиры, спускаясь на три лестничных пролета. Выйдя на улицу, останавливаюсь, Дом стоит, прислонившись к машине. У меня сердце трепыхается в танце. Он выглядит супер-съедобным в черной футболке, синих джинсах и престижных ботинках Timberland. Руки скрещены на груди, я жадно оглядываю его выпирающие мышцы. Его глаза такие яркие, как драгоценности, сосредоточились на мне. У меня вдруг начинается совершенно неестественный приступ стеснительности (что? Я стесняюсь?), неуверенно

стою у входной двери.

— Привет, секси, — растягивая слова, говорит он.

— К нам движется парковщик с очень решительным выражение на лице, — отвечаю я ему беспечно, насколько могу.

Он открывает пассажирскую дверь. Я направляюсь к нему с улыбкой.

Он хватает меня за руку, когда я собираюсь сесть в машину.

— Ты невероятно красивая женщина, знаешь ли, — говорит он.

Комплимент вызывает краску у меня на щеках. Я опускаю глаза, словно разглядываю свои туфли, чтобы скрыть свой взволнованный вид. Он отпускает мою руку, и я проскальзываю на сиденье. Я смотрю в зеркальце заднего вида, пока он обходит сзади автомобиль, потом садится на водительское сидение и закрывает дверь.

— Спасибо за платье. Оно очень красивое, — но тут же быстро добавляю: — но я не могу его принять. Оно слишком дорогое.

Он хмурится.

— Это замена. Вчера я разорвал тебе юбку.

— Ну, оно все равно слишком дорогое.

— Ну, что ж прости, что оно такое дорогое, — говорит он с блеском в глазах.

— Это может считаться взяткой.

— Позволь мне объяснить тебе, как сегодня и каждый вечер, что мы проводим вместе, будет проходить. Мы не будем обсуждать мою ситуацию с налогами или финансами, или еще с каким-нибудь дерьмом, о котором говорили вчера. Если тебе нужна такая информация, то придется обратиться к Найджелу. Мы просто будем есть, беседовать, трахаться и получать удовольствие.

— Роб назначил встречу с твоим бухгалтером на следующей неделе, — быстро сообщаю я. — Я говорю тебе об этом, чтобы не было никаких недоразумений по поводу нашего расследования. Мы продолжаем им заниматься.

— Хорошо, — небрежно отвечает он.

— Похоже, ты не волнуешься?

— Я действительно не волнуюсь.

Я смотрю на него с любопытством.

— Почему? Большинство людей на твоем месте начинают нервничать.

— А почему я должен нервничать? Я не делал ничего плохого, и Найджел, наконец, докажет это, отработав свою зарплату.

— Послушай, мы не будем больше говорить о твоей налоговой ситуации, но я должна тебя предупредить, что ты реально разозлил Роба, отказавшись пожать ему руку. Он воспринял это как личное оскорбление и думаю, он пойдет на все, чтобы нанести тебе максимальный урон.

Он смотрит на меня с благодарностью.

— Спасибо за предупреждение, это многое значит для меня, — потом он ухмыляется. — Но это лишние. Я хотел ссать на этого ублюдка. Он маленький придурок, упивающийся властью. В школе, по-видмому, он был одним из тех мальчиков, которые специально вступали в банду, чтобы пугать тех, кто меньше и слабее.

Это поразительно, можно провести недели и месяцы с человеком и остаться совершенно слепым к его истинной сущности. Дом же одним предложением описал полностью сущность Роба. Я не видела ничего этого, потому что искренне верила, что мы

работаем ради общего блага, но теперь я так не уверена.

Получается, что Роб и я бандиты? Мы угрожаем простым, трудолюбивым людям, которые отложили что-то на старость под матрас, не желая зависеть от своих детей, покупающим им самое необходимое, как я своим бедным родителям, а мы угрожаем им лишением свободы и заставляем платить. Имеем доступ к их банковским счетам и требуем с них их же кровные деньги. Мы делаем это потому, что обладаем правом, властью. А транснациональным корпорациям, богачам, имеющим «старые деньги» семьи, которые лежат в неприкасаемых целевых фондах, мы позволяем уйти от оплаты налогов или же заплатить просто смехотворную суммы.

Да. Думаю, в этом и состоит горькая правда — мы на самом деле бессовестные бандиты.

Все эти мысли последнее время очень беспокоят меня, но я не делюсь ими с Домом. Я слегка пожимаю плечами и говорю:

— Просто попроси Найджела быть осторожным. Роб может быть очень мстительным.

— Ты слышала о тех отчаянных бухгалтерах в транснациональных корпорациях?

Я навостряю уши.

— Нуууу, да…

— Мы переманили Найджела у них. Интересно посмотреть, как Роб столкнется с Найджелом. Интересно, хотя бы с той точки зрения, стоит ли мой бухгалтер той огромной зарплаты, которую я ему плачу.

Я не успеваю ему ответить, поскольку у моей двери маячит парковщик. К моему удивлению, он ничего не высказывает Дому, как другим водителям. Вместо этого, дрожащим от волнения голосом спрашивает:

— И как быстро может ехать такая красота?

— Я никогда не гнал больше ста пятидесяти миль в час, — говорит Дом.

Человек восхищенно качает головой, и его глаза с умилением осматривают плавные изгибы автомобиля.

— Она прекрасна, парень. Я бы обменял свою жену на такую машину.

Дом смеется, целует подушечки пальцей и запускает двигатель. Парковщик наблюдает за нами с мечтательным выражением на лице.

— Куда мы едем? — повышая голос спрашиваю я, пытаясь перекрыть шум.

— Ко мне домой, — отвечает он.

*

Мы заезжаем в подземный гараж в шикарном доме в Челси, идем в лифт, пахнущий дезинфекцией. Мы оба смотрим на свое отражение в блестящей двери, пока молча поднимаемся наверх. На этаже всего две квартиры, его одна из них. Как только он открывает дверь, я с восхищением говорю: «Вау». Стены стеклянные и вид захватывает дух.

— Боже мой! Ты можешь обозревать окрестности через реку на много миль.

Он бросает ключи в металлический контейнер, в виде листьев на серванте, пока я оглядываюсь по сторонам. Эту квартиру можно запросто представлять в дизайнерских журналах. Ни пятнышка, ни царапинки или потертости, нигде, роскошная мебель, подобранная по цвету, одно или два ярких пятна, натертый пол просто блестит, и ваза с фруктами заканчивает весь интерьер на журнальном столике.

— Неужели здесь кто-то живет?

Он странно на меня смотрит.

— Я здесь живу.

— Ну, тогда у тебя должно быть офигенная уборщица.

— Я скажу Марии, как ты про нее выразилась, — с ухмылкой говорит он.

Я глуповато в ответ улыбаюсь.

— Пошли. Я покажу тебе балкон, — говорит он, и мы пересекаем обширное пустое пространство. Наши шаги эхом отдаются в ультра-современной квартире. Он открывает высокие стеклянные двери, и я выхожу наружу.

— Восхитительно, — восклицаю я, глядя на город, купающийся в лучах вечернего солнца.

— Да, не так ли? Когда уже живешь здесь, начинаешь забывать, какой прекрасный вид отсюда открывается.

— Ты такой счастливый, — искренне говорю я.

Его лицо становится непроницаемым.

— Пока еще слишком рано так говорить, — загадочно отвечает он.

— Нет, ты действительно счастливее тех детей, которые живут на мусорных свалках на Филиппинах, и рабов в Китае и Индии, и всех бомжей в Лондоне.

Он смотрит на меня возвышаясь сверху вниз и молчит. Потом убирает пальцем локон моих волос, который ветер бросил мне в лицо, и пробегает вниз по щеке, и я с трудом противостою желанию потереться о его руку, как щенок. Слава Богу, он убирает руку, прежде чем я совершу то, о чем буду вечно жалеть.

— Иногда можно быть более счастливом на свалке, чем во дворце, — говорит он.

— Ты на самом деле веришь в это?

— Я не верю в это, я знаю это. Я вырос в семье, которая была очень бедной, но мы были безумно счастливы. Чертовски счастливы.

Я смотрю ему в глаза. В солнечном свете его глаза, похожи на голубые кристаллы с серебром, зрачки кажутся слишком большими для человека.

— Люди не понимают, что проделывает с ними их состояние. Богатство делает их более насытившимися. Ты покупаешь дом, наполняешь его самым лучшим, потом покупаешь еще один, заполняешь его тоже самым лучшим. Покупаешь яхту, потом самолет, покупаешь виноградник, а затем покупаешь яхту и самолет, но уже побольше. Затем начинаешь коллекционировать роскошные автомобили. И ты никогда не окажешься в том месте, где подумаешь: «Хватит. Зачем еще зарабатывать? Я не потрачу все это за всю свою жизнь, даже если очень постараюсь. Я просто перестану работать, буду отдыхать и наслаждаться всем, что у меня есть». Нет, ты все время будешь подталкивать себя расширять бизнес. Вот почему миллиардеры в свои восемьдесят вкалывают по восемнадцать часов в день.

Я вспоминаю своих родителей. Они бедные, не богатые, но они счастливы в своем маленьком мире, за пределами обыденности. И кроме моей обиды на людей, которые не платят налоги, мне нравится и я люблю свою маленькую, как спичечная коробка, квартирку и свою маленькую жизнь.

— Ты голодна? — спрашивает он вдруг, выдергивая меня из мыслей.

— Ужасно, — признаюсь я.

Он смеется.

— Хорошо. Здесь будет полно еды, причем разной.

Его смех отражается у меня в груди.

— Что у нас имеется? Как насчет, еда на вынос? — интересуется он.

— Я не против.

Его представление о еде на вынос и мое, как два противоположных мира. В моем представлении — это маленькая пицца пепперони с чесночным хлебом, или курица бирьяни и лепешка, или четверть жареной утки и специальная жареная лапша из одного места в радиусе пяти миль с бесплатной доставкой. Его еда на вынос — обед из трех блюд из одного его ресторана.

Еду (вернее, сырые ингредиенты) принес мужчина в униформе шеф-повара, которого Дом представил, как Франко, он готовит и обслуживает нас, пока мы сидим за обеденным столом. Я аккуратно делаю глоток из своего бокала. Я проснулась с ужасным похмельем сегодня утром и не хочу завтра испытать тоже самое.

— Итак, ты не умеешь готовить, — говорю я, отрезая кусочек от запеченной ножки молочного ягненка.

— Нет, — положив в рот, отвечает он: — Мой брат Шейн умеет.

— Он самый молодой, не так ли?

— Нет, самая молодая моя сестра Лейла. Он второй из младших.

Я накладываю ножом на вилку артишок и маш из перловки.

— Ах, да, я забыла. Он самый младший среди мальчиков. Поскольку твоя сестра живет с мамой, то мы не обращаем на нее пристальное внимание. Но она вышла замуж за довольно… хм… интересного персонажа, не так ли?

Он откидывается на спинку и смотрит на меня бесстрастно.

— Возможно он довольно… хм… интересный персонаж, но кроме своих братьев, я бы предпочел, чтобы Би Джей охранял мою спину, нежели кто-то другой в этом мире. Он абсолютно прямой и верный парень. Возможно, когда-нибудь ты встретишься с ним, — он улыбается. — Он может сильно тебе не нравится, впрочем, также, как и ты ему. Ты, наверное, уже поняла, мы цыгане не любим налоговых инспекторов.

— И все же я здесь.

Он отпивает виски и ставит стакан на стол, потом произносит, словно обращается сам к себе:

— Да, пока ты здесь. И достаточно реальна, чтобы тебя коснуться.

Не знаю, о чем он думает, но он вдруг стал задумчивым.

— Зачем ты это делаешь? — не с того ни с сего ляпаю я.

Он смотрит на меня, приподняв вопросительно свои черные как смоль брови.

— Что делаю?

— Вступаешь в отношения с ненавистным сборщиком налогов?

Он серьезно поглядывает на меня, а потом говорит совершенно неожиданную фразу:

— Это большая удача найти врага, который так возбуждает.

Я хмурюсь и слышу, как он продолжает, что это на удивление ранит.

— Мы не враги, — негромко отвечаю я.

Его глаза сужаются, превращаясь в щелочки.

— Ах, враги, дорогая Элла. Нас просто тянет друг к другу физически. Вот и все. Не стоит совершать ошибки и думать иначе, никогда.

9.

Элла

Мы едим сладкий виноград и сыр от Hervé Mons на балконе, когда появляется Франко и сообщает, что он уезжает.

— Спасибо, очень вкусно. До сегодняшнего вечера я никогда не пробовала желе сотерн, — говорю я с улыбкой.

Он кланяется.

— Я рад. Возможно, когда-нибудь я приготовлю для тебя его опять, — отвечает он, и осторожно посматривает на Дома.

— Я буду с нетерпением ждать, — говорю я.

— Чао, bella.

— Чао, Франко, — отвечаю я, удивляясь, как звучит мой голос. Откровенно говоря, я больше, чем немного навеселе. Как только Дом заявил, что мы враги, которых влечет друг к другу в сексуальном плане, для меня все изменилось. До сего момента, я впадала в нелепые фантазии, что наконец-то встретила самого великолепного мужчину на земле. На самом деле я дрейфовала весь вечер в облаке наивного счастья, мечтая вместе с ним о дальнейшей совместной жизни. В кусочке рая с двумя детьми и несмышленым щенком. Какая глупость. Как может такой как он, в конечном итоге быть с такой, как я.

Мне кажется, я даже точно помню этот момент, когда попала в сказку — лежа на постели, и разглядывая красное платье, которое он мне подарил. Для меня это было нечто особенное, у меня никогда не было ничего столь великолепного, подаренного кем-то. На самом деле, ни один из моих знакомых не может себе позволить покупать такие дорогие вещи. И думаю, меня полностью засосало в мою сказочную эйфорию, как только я примерила это платье, и оно село точно по фигуре, как в сказке.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Но на самом деле, кто может обвинить меня? Фантазия была настолько потрясающей и красивой.

Когда я была девочкой, то всегда мечтала быть Золушкой. Я хотела пойти на бал, нарядившись в блестящее голубое платье, чтобы прекрасный принц смог влюбиться в меня. В полночь я бы уронила хрустальную туфельку, и мой принц отправился бы меня искать. Он искал бы меня среди высоких и ни очень женщин, и никому бы она не подходила, потому что туфелька была моя. И мужчина был мой. Дом и есть тот принц, о котором я всегда мечтала, и подсознательно действовала из своей детской мечты.

Внутри меня установилась пульсирующая пустота, которая заставляла забыть о своем решении пить аккуратно, и я стала просто безрассудно подносить бокал ко рту. Думаю, я выпила больше, чем полбутылки вина. Опять. Дом не комментирует, просто посматривает и молча наполняет мой бокал. Его особо не заботит, что я стала странной, и наш разговор стал более высокопарным. Его резкий комментарий предназначался, чтобы удержать меня на расстоянии. Думаю, он с самого начала не собирался вести меня по садовой дорожке. Он хотел, чтобы я не питала лишних иллюзий. Мы занимаемся сексом и получаем удовольствие.

Ура! Что за удовольствие.

Дом поднялся и пошел проводить Франко до входной двери. Я слышу их голоса, доносившиеся до меня, пока они углубляются в квартиру. Чувствуя себя совершенно беспомощной, я встаю. Вау. Почему пол колышется? Я выставляю ногу вперед, потом другую, и таким образом передвигаюсь, опираюсь на перила балкона. Город блестит огнями, похожий на кровать, вокруг которой стоят свечи. Я слышу, как закрывается входная дверь, Дом возвращается на балкон. Я медленно поворачиваюсь. Поднимается ветер и кидает волосы мне в глаза, я пытаюсь их отстранить.

Дом не приближается, просто стоит и наблюдает за мной. Я не вижу выражения его

лица, он стоит в тени, но его тело напряжено. Я почему-то думаю о том, как он вчера набросился на меня и как бесстыдно я ответила ему.

— Мне кажется, я хотела бы еще выпить, — с трудом произношу я.

— Конечно. Что ты хочешь? — его голос звучит холодно и отстранено, он действительно имеет ввиду то дерьмо, которое сказал мне ранее.

— Я хочу то, что Франко доставал из морозилки.

— Не уверен, но думаю, я знаю, что это такое, — он улыбается. — Не хочешь войти внутрь? Становится немного прохладно.

— А тебя это беспокоит?

Он подходит ко мне и хватает мен за руку.

— Если честно, ты ведешь себя так, словно собираешься выпрыгнуть вниз. Мне будет намного спокойнее, если мы войдем внутрь.

— Да?

Он вздыхает.

— Боже, ты пьяна.

— Мне казалось, тебе нравится, когда я пьяная.

— Пошли. Я налью тебе граппы.

Мы идем в кухню, и я сажусь за столешницу, он открывает морозилку.

— Мне кажется я там увидела мороженое? — заинтересованно спрашиваю я.

Он вытаскивает коробку.

— Дай посмотреть. Мороженое джин-тоник! Где ты его взял? — восторженно кричу я.

— У меня покупает его сестра. Она любит его, но сейчас сидит на строгой диете и ест только все натуральное, поэтому она держит его здесь, поскольку здесь может есть сколько угодно. Но у меня такое чувство, что точно такая же упаковка есть в морозилке у Шейна, Джейка и мамы.

Его лицо смягчается, когда он говорит о своей сестре, и вдруг мне становится грустно. Я так хочу этого прекрасного, неповторимого мужчину, но он совершенно не хочет меня. Вернее, он хочет меня только для секса, а не в болезни и в здравии, пока смерть не разлучит нас.

Он смотрит на меня с изумлением.

— Ты готова променять граппу на мороженое?

Я задумываюсь над его вопросом.

— Могу я полить мороженое граппой? — интересуюсь я.

— Ты серьезно? — спрашивает он, хмурясь.

— Конечно, серьезно, — настаиваю я.

Я сижу на высоком хромированном стуле, (поверьте, это подвиг, когда ты такая пьяная, как я) кладу локти на блестящую поверхность столешницы и наблюдаю, как он ложкой зачерпывает мороженое из контейнера. Боже, как он черпает ложкой мороженое — это так сладко, что мне хочется положить мороженое на его тело, и наблюдать, как она тает, а потом все слизать. Он поднимает бутылку граппы и смотрит на меня.

— Уверена?

Я машу рукой, показывая, что согласна.

Он обливает мороженое ледяной граппой и ставит передо мной. Достает из ящика ложку и кладет ее рядом с миской. На самом деле, все выглядит довольно-таки вкусно. Видно, я нашла самую выигрышную комбинацию.

Я наполняю ложку и кладу в рот. Оооо! Мои глаза расширяются, рот перекашивается. Ой!

Его реакция достойна восхищения, он вовремя убирает миску в сторону, потому что я плююсь.

— Извини, — говорю я.

— Это самое ужасное сочетание, — он протягивает мне бумажную салфетку.

Я вытираю рот и язык.

— Ох, это не очень сексуально, да? — слабо спрашиваю я. Откуда мне было знать, что мороженое Джин-тоником, облитое граппой, это адская смесь?

— Честно говоря, — отвечает, его зрачки увеличились в размерах, — все, что ты делаешь сексуально, дорогая Элла. Тебе нечего сказать в ответ? Я давно хотел трахать тебя часами, — он кивает в сторону. — Моя спальня там.

Я медленно поворачиваю голову в том направлении, куда о показал.

— Разденься и присядь на край кровати, — приказывает он.

10.

Дом

Ее глаза вспыхивают удивлением, но она повинуется мне, не говоря ни слова. Желания прожигает меня, как жгучее полуденное сицилийское солнце, пока я наблюдаю, как она, покачивая бедрами направляется в мою спальню. Остановившись в дверях, она осматривает комнату, вздыхая, ее вздох похож на томящийся вздох бедных людей всего мира. Несмотря на то, что я не продвинулся дальше, чем порог ее дома, я и так знаю, что моя спальня намного больше, чем вся ее квартира.

Если бы она не была такой гордой, я бы предложил ей быть моей любовницей. Перевез бы в шикарную квартиру и дарил бы подарки, наверное, тогда я не чувствовал бы вину, что использую ее подобным образом.

Она заходит в полутемную спальню, выжидая несколько минут. Мне нужно кое-что приготовить, прежде чем я последую за ней. Я подхожу к двери и останавливаюсь.

Яркий свет, льющийся из-за моей спины, высвечивает ее обнаженное тело. Есть два типа женщин: очень стройные, которые лучше выглядят в одежде, и с более округлыми формами, которые лучше выглядят, намного лучше, обнаженными. Она относится ко второму типу.

Она — сон наяву.

Так же, как и те великие красавицы, на которых смотрел похотливо мой прадедушка. Даже их имена не потерялись во времени — Бриджит Бардо, Мэрилин Монро, Ракел Уэлч.

Элла Сэвидж обладает пышными формами и кремово-белой кожей. Ее грудь не из силикона, к которой я привык, она слишком полная и округлая. Соски не розовые, а чуть темнее, чем ее кожа, набухшие, словно почки на деревьях. Мой взгляд перемещается вниз к ее осиновой талии и великолепно округлым бедрам. Ее лобок такого же темно-русого цвета, как ее волосы, аккуратно подстрижен.

Я глубоко вздыхаю. Существует какая-то мистика в нереальной тишине и ожидании. Словно я не участник, а просто собираюсь посмотреть фильм на экране.

— Откинься назад и облокотись на локти, — приказываю я, даже для моих ушей голос звучит слишком резко. Странно, ведь я не хочу причинить ей вреда, потому что таю внутри, всего лишь наблюдая за ней, как зефир над огнем костра.

Я вижу, что ее тело зовет, грудь торчит вверх, но она не бравирует, просто сидит и

позволяет мне смотреть на нее.

— Раздвинь ноги.

Она скромно и совсем немного раздвигает ноги. Я хочу большего. Намного большего. Между ее бледными бедрами полные, сочные губы клянчат мой язык, способный раздвинуть их. Почувствовать их вкус. Пососать. Трахнуть. Желание подойти к ней и полакомиться заполняет меня.

— Ноги вверх.

Другая женщина бы стремглав залезла бы на кровать, открыв себя большему обзору, но она нет. Она просто подчиняется команде, как делала и до этого. Ее дыхание становится прерывистым, пока она перемещается по постели. Это бесстыдная и почти вульгарная поза, но на самом деле, она настолько реальна. Она поднимает ноги, лежа на спине, ее колени упираются ей в грудь.

Я словно в трансе иду к ее розовой киске, которая сочится соками, хватаю за бедра и провожу языком по набухшему сочному естеству. Мое тело содрогается, я оказался прав — мед. Она — чистый мед. Она запрокидывает голову назад и стонет. От ее стона в экстазе весь мир перестает существовать для меня, существует только мой язык и ее сладкая киска.

— Я хочу, чтобы ты видела, как я пожираю тебя, — говорю я ей.

Она приподнимает голову, подавшись вперед, и мы не отводим глаз друг от друга, испытывая удивление и шок, пока я пожираю с наслаждением ее, она кончает, выгибаясь, крича, брызгая, даже не стесняясь, своими соками мне в рот.

Элла

Я еще не могу нормализовать свое дыхание, но его темный силуэт нависает надо мной, пальцы скользят по моим соскам и переходят к ключице. Мои чувства настолько обострены, что я испытываю боль от его прикосновений. Тени спускаются на нас, я слышу стук его сердца, которое бьется слишком быстро. Свет падает только на одну сторону его лица, создавая маску убийственной сосредоточенности, словно я представляю из себя что-то ужасно хрупкое, и любой его неверный шаг может меня сломать. Он встречается с моим взглядом, его глаза — это голубые поблескивающие бассейны воды, голодные.

Его рот пикирует вниз и захватывает мой сосок. Язык горячий и шершавый, будто он пытается заклеймить меня своим ртом, я испытываю шок от этого.

— Ой! — задыхаясь вскрикиваю я, хотя тело дрожит от сексуального опьянения.

Он пристально смотрит на меня, зажимая зубами сосок и тянет. Я стону от боли, которая тут же проходит, замещаясь жаждой поддразнивающего соблазнителя. Он начинает сосать так, словно собирается оставить засос, по мне как будто струятся электрические разряды.

Такое ощущение, словно мой затуманенный разум алкоголем, играет со мной в свою игру. У меня не остается никаких сомнений, в сексе он мастер своего дела. Всепоглащающее желание поднимается у меня изнутри, каждый мускул моего тела тянется к нему. Я в бессилии сжимаю кулаки. Он отрывается от моей груди, и тут же его рука опускается ко мне между ног.

— Раздвинь, — мурлычет он. Его дыхание такое сладкое, когда он выдыхает мне в губы.

Я тут же раздвигаю ноги, и он толкает в меня свой палец.

— Еще, — стону я.

— Терпение, Элла, — бормочет он и вынимает палец.

Я смотрю на него умоляющими глазами. По-видимому, он догадывается, как сильно я

его хочу, но мне на это наплевать. Я хочу навсегда остаться в этой иллюзии, где кроме нас нет никого. Он приподнимает ладонями меня за задницу и улыбается, какой-то загадочной и дикой улыбкой. Я закрываю глаза, чтобы ее не видеть.

— Смотри на меня, — приказывает он.

Я открываю и завороженно смотрю на его голову приближающуюся к моей киске, все ближе и ближе.

О, Господи Иисусе! Еще раз! В каком измерении вам, женщина, предоставили два пирожных за один раз?

Его горячий, бархатистый язык кружит и теплый сок просто капает из меня. Он упивается им, как самым прекрасным нектаром. Потерявшись в опьяняющем сексе, я заглядываю в глубину его глаз, содрогаясь всем телом. Он погружает язык глубоко в меня, и я вздрагиваю, как от электрического разряда. Его язык с силой продолжает свои движения, видно готовя мою погибель. Он захватывает губами мой набухший клитор и сосет!

Мать твою! Как это отстойно. Почему американцы говорят отстойно, когда именно это их настолько поражает? Как он сосет, это черт побери, потрясающе.

Он вводит пальцы внутрь. Два или три? Грубо, как и его поцелуй. Я уже с трудом сдерживаю надвигающийся оргазм, поэтому даже не забочусь об этом.

— Я кончаю, — вскрикиваю я.

— Еще нет, — рычит он, но я не могу больше сдерживаться.

Ноги бесконтрольно трясутся, каждая клеточка в теле покалывает от напряжения. Я пытаюсь как-то замедлить надвигающееся цунами, но уже слишком поздно. Я в принципе готова, но даже не могу себе представить, что принесет с собой второй оргазм.

Он неописуемо прекрасный. Только тот, кто испытал такое, может понять. Невозможно передать словами, поскольку слова всего лишь звук. Как можно описать настоящий, истинный экстаз? Трясясь в конвульсиях, я наконец то поняла, для чего мне реально нужна моя киска!

Он снимает рубашку и стягивает с себя джинсы, когда я с трудом прихожу в себя. Я просто лежу на спине, наслаждаясь открывающимся шоу — у него невероятно подтянутое и накаченное, сильное тело. На левой груди видна красивая татуировка оскалившегося тигра, а также змеи на бицепсе. Я хотела бы рассмотреть их повнимательней, пройтись по ним языком, но он снимает боксеры, и его член выскакивает наружу.

— Вау! — восклицаю я, распахнув глаза, с благоговейной улыбкой на лице. — Огромный и красивый.

— Все для тебя, детка, — довольно говорит он.

У меня сердце екает в груди.

— Трахни меня, — шепчу я.

Он приподнимает бровь.

— Я бл*ть собираюсь трахать тебя несколько часов подряд!

— Так чего же ты ждешь тогда? — задиристо спрашиваю я.

Медленно, невероятно сексуальная улыбка, расползается у него на лице. Он ставит ногу на матрас и передвигается ко мне, упираясь на руки и колени. Он сдерживался гораздо дольше, чем смогла бы я, и теперь подбирается ко мне все ближе, чтобы получить свою награду.

Я поднимаю ногу и останавливаю его, упираясь ступней ему в грудь. Он замирает, глаза горят от возбуждения. Он думал, что я застенчивая. Но я не могу позволить себе быть

застенчивой, я хочу быть необузданной искусительницей, которую он даже не мог себе вообразить.

— Моя очередь, — говорю я. — И мои правила.

Я поднимаюсь и с силой надавливаю руками ему на плечи. Без предупреждения хватаю его за руки, и переворачиваю на кровать, он позволяет мне уложить его, сажусь сверху.

Начинаю водить вверх-вниз по его эрегированному члену, наслаждаясь, как он дергается и пульсирует у меня в руке. От него исходит его собственный неповторимый мускусный запах, проникающий глубоко в меня, однозначно он останется в моей памяти надолго, вернее, я не забуду его никогда. На самом деле, его запах сводит меня с ума.

Как одичавшее животное, я наклоняю голову и обхватываю губами головку его члена, посасывая теплую, атласную кожу, чувственно и глубоко. Он рычит, низкий рокот идет из глубины его груди. Этот звук мне кажется таким эротичным. Мне нравится сосать его член. Я смотрю на него, наблюдая, он не отводит глаз, наблюдая за его петухом, исчезающем в моем рту.

Я опускаю левую руку между его ног и проникаю пальцем в анальное отверстие. Майкл, я отчетливо помню, просто обожал такое. Я надавливаю осторожно на проход, очень тугой. Неа, здесь явно никто не бывал.

Он с силой хватает меня за запястье и дергает к себе.

— Я не «милашка», детка. У себя в постели я всегда буду трахать твою задницу, а не наоборот.

Точно. Озвучено громко и четко.

— И мне кажется, наступила моя очередь, а значит и мои правила, — он зажимает в кулаке мои волосы и толкает свой член глубоко мне в горло. Единственный раз мужчина вытворял со мной такое, я была настолько потрясена и оскорблена, что укусила его. Но с этим Богочеловеком, я не испытываю не оскорбления, не потрясения. Нисколько. Я позволяю ему полностью взять контроль на себя. Он с силой, жестко трахает мой рот. В его движениях чувствуется почти отчаяние, я понимаю его и готова ему подчиниться. Хорошо, по крайней мере осознавать, что на физическом плане я необходима ему также, как и он мне.

Он тянется к прикроватной тумбочке. Я слышу звук рвущейся фольги, протягивает мне презерватив.

— Залезай на меня, — приказывает он.

Я натягиваю презерватив на его член и зависаю своей киской над его массивной пульсирующей эрекцией. Эта секунда, какая-то щемяще сладкая. Желание быть полностью заполненной им раскаляет меня добела. Еле-еле двигаясь в мучительном темпе улитки, я опускаюсь на него, такого я никогда не ощущала.

Я не спешу полностью опуститься на него, продолжаю удерживать себя на весу, чтобы хоть немного привыкнуть к его объему.

— Слишком большой? — рычит он.

— Нет, я смогу принять его всего. Знаю, что смогу, — я опускаюсь немного ниже. — Вау! — Он улыбается довольный от моего возгласа, словно испытывает удовольствие, разрушая меня для всех других мужчин.

Я начинаю двигаться и наши тела соприкасаются с глухим, хлюпающим звуком. Чем быстрее я опускаюсь на его скользкий член, тем жарче становится у меня между ног.

— Жестче, — подгоняет он меня, приподнимая мое тело, чтобы я увеличила темп.

Моя киска набухла и болит от его вбиваний.

— К черту твой дьявольский заколдованный пенис. Я не смогу ходить целую неделю, — ахаю я.

Он кончает, с настоящей чертовщиной в глазах, сжимая мышцы. Зачарованно я смотрю на него. Он представляет собой великолепное чисто мужское зрелище. Он впивается пальцами мне в задницу, крепко сжимая плоть, мое тело продолжает двигаться на нем, запускает руку ко мне между бедер, возбуждая клитор до тех пор, пока мои соки не текут по его члену, я кончаю в третий раз.

Этот оргазм намного сильнее и более жесткий. Он, как стена, врезается в меня, и я кричу, как лунатик банши.

Возвращаясь назад, запыхавшаяся и сжимающая руками его грудь, я наталкиваюсь на дикий взгляд его сияющих глаз. Я пытаюсь слезть с него, но он крепко удерживает меня на месте.

— Еще рано, — говорит он.

— Рано?

— Да, — утверждает он, его глаза горят какой-то неимоверной силой, мурашки ползут у меня по спине и шее, разливаясь теплом. Надеюсь, в темноте он не увидит, что я покраснела, чтобы скрыть свою реакцию, я начинаю подтрунивать над ним.

— Эй, привет самый похотливый в мире член, — хрипло произношу я.

Он проходится большим пальцем по моей нижней губе.

— Твои губы цвета спелых персиков, Сэвидж.

Я специально облизываю губы.

— В тебе столько дерьма, Иден.

Он смеется.

— А твоя кожа мерцает в темноте… как жемчуг.

— Хорошо, теперь ты на самом деле издеваешься.

Он улыбается, и от это его лицо становится нежным мечтательным, и он становится таким чертовски привлекательным, что я хочу съесть, но не могу этого сделать. Ранее проявленное ко мне пренебрежение, до сих отзывается во мне болью.

Но нежное мгновение длится не долго, он заставляет меня упереться на колени. С силой впивается руками в ягодицы и вдалбливается снова и снова.

Дом

Я трахаю ее как одержимый. Обстановка комнаты расплывается у меня перед глазами и ускользает, словно облако. Остаемся только она и я и больше ничего. Мой ум входит в штопор, раскручивая давние «волшебные круги», создавая иллюзию обмана, вокруг нас. Я теряю чувство времени, проникая в ее естество, сливающееся со мной и оживляющее мое мертвое и израненное нутро.

Ледяные волны до сих пор грохочут вокруг меня, но я не чувствую боли. Я еще сильнее хватаю ее за ягодицы и рычу как зверь. Знаю, боль вернется (она отступила на время), но огромное облегчение, которое я испытываю, невозможно описать словами.

11.

Элла

Ты можешь забыть столько вечеров печали,

благодаря утренней ласке.

Je sans, Жан Габен

Я просыпаюсь на спине, прижавшись щекой к груди Доминика, его большая ладонь покоится у меня на животе, наши ноги переплетены, чувствуя жуткую жажду и желание пописать, и чертову головную боль во все двадцать четыре карата. Голова раскалывается так, что мне даже больно вздохнуть.

«Никогда больше, клянусь».

Осторожно, убираю его горячую тяжелую руку, сажусь на край кровати. Лишившись тепла его тела, я сразу же чувствую себя обездоленной и замерзшей. «Видно, кондиционер работает на всю катушку», — успокаиваю я себя. Я опускаю ноги на холодный пол. Ой, моя голова. Я все же добираюсь до ванной комнаты, благодаря тусклому свету ночника. Оооо… писать тоже больно. Глубоко вздохнув, я спускаюсь на кухню, выпить воды. На кухонном островке на черной салфетке лежат две таблетки обезболивающего и рядом стоит стакан воды.

Секунду я моргая, тупо смотрю на них.

«Он приготовил это для меня?!»

Не задумываюсь, я чешу у себя в затылке. Ой. Хватаю таблетки и запиваю стаканом воды, возвращаюсь назад в постель. Очень, очень осторожно, потому что голова раскалывается еще больше, такое впечатление, словно расколется на две половинки, я забираюсь под одеяло. Сильная рука тут же обхватывает меня за талию и сонный, мурлыкающий голос бормочет мне в волосы:

— Спи, милая Элла. Завтра утром ты почувствуешь себя лучше.

Не в силах произнести и слова, я закрываю глаза, и через пару минут впадаю в глубокий сон без сновидений.

*

Меня будит какой-то звук. Я открываю глаза, Дом недавно из душа, но уже полностью одетый, сидит на постели. Его волосы все еще влажные, и я вдруг вспоминаю, когда первый раз увидела его. Кажется, наша первая встреча была уже так давно, словно в другом веке. Он настолько стал частью моей жизни.

— Как ты себя чувствуешь? — спрашивает он.

Я убираю волосы с лица и несколько раз моргаю. Веки отяжелели, во рту привкус, словно натолкали волос. По крайней мере, головная боль ушла.

— Выживу, — бормочу я.

— Послушай, мне нужно уйти, но ты можешь оставаться настолько, насколько хочешь. Сделай себе завтрак. Мы сходим на ланч, когда я вернусь, хорошо?

— Нет, я не могу остаться. Я должна съездить к маме, а потом за ланчем я встречаюсь со своей лучшей подругой.

— Хорошо, — он достает свой телефон из кармана, — какой номер у твоей мамы?

Я с удивлением смотрю на него.

— Зачем тебе?

Он отрывает глаза от своего телефона.

— Я параноидальный ублюдок. Мне нужна вся информация о ближайших родственниках.

Меня так перепугало его нахальное заявление, что следует дать ему номер моей мамы после двух ночей… горячего секса (хоть я задумываюсь, чтобы это значило, поскольку никакой любви между нами нет), я в конечном итоге даю ему номер. Кроме того, я толком еще и не проснулась. Поэтому, если честно, он застал меня врасплох.

— Теперь, номер твоей лучшей подруги?

У меня расширяются от удивления глаза, но я сдаюсь и даю ему номер Анны.

— Хорошо, я предоставлю тебе своего водителя, который отвезет тебя, куда тебе нужно. Он будет ждать тебя в холле.

Я тут же отрицательно качаю головой. Теперь я уже окончательно проснулась и стала раскаиваться в том, что согласилась дать ему номера телефонов.

— Пожалуйста, не надо. Я вызову такси.

— Нет, ты не будешь вызывать такси, Брайан отвезет тебя, — говорит он, выпятив вперед напряженно подбородок.

Я прикрываю глаза. Я не в состоянии сейчас ни с кем бороться, не говоря уже о джаггернауте, каким он является в данный момент. (Джаггернаут — многотонный грузовик для международных перевозок).

— Хорошо, хорошо.

— Я заберу тебя из дома в восемь вечера. Одень красное платье.

Я открываю глаза.

— Ах … сегодня вечером мы куда-то пойдем?

— Сегодня суббота. Почему бы нам не выйти?

У него телефон жужжит в кармане. Он достает его, смотрит на экран, и в немом вопросе вскидывает бровь, глядя на меня. Я пожимаю плечами, давая понять, что он может ответить. Он нажимает кнопку и тут же слышится женский быстро лопочущий голос. Я отвожу глаза, притворяясь, что очень заинтересовалась лучом солнечного света, скользящим из-за занавески, которые он немного приоткрыл.

У меня начинает бурлить в животе боль, перемешиваясь со стыдом и яростью. Больной ублюдок! Это просто убийственно, разговаривать по телефону с женщиной, когда я обнаженная лежу в его кровати, пахнущая сексом с ним. Я делаю все, чтобы эмоции не отразились у меня на лице. Он хочет, чтобы мы были врагами и только трахались? Конечно, я смогу это сделать. В конце концов, он будет сожалеть. Но голос у меня в голове говорит: «Он будет сожалеть, только в твоих мечтах».

— Уймись, Лейла, — говорит он в трубку и прерывает звонок.

— На что ты смотришь? — спрашивает он.

— На солнечные пылинки, — тихо отвечаю я, чувствуя облегчение. Я все ему простила. Он разговаривал со своей сестрой. Я чувствую, как внутри моего тела разливается тепло.

Он поворачивает голову, рассматривая пылинки, парящие в лучах солнечного света.

— Зачем?

— Потому что…, — я делаю паузу. Боже мой, я так счастлива, хотя по-моему, нет причины. — Пылинки обладают магией. Они все время кружатся вокруг нас, но увидеть их можно только в луче солнечного света.

— Понятно.

— Ты не понимаешь! С помощью них с нами разговаривает Вселенная, как бы говоря, что существует и другая жизнь, которую мы не видим, не слышим и не можем потрогать. Знаешь, это как собаки слышат, а мы нет, летучие мыши чувствуют звуки, а другие животные видят ультрафиолетовое излучение.

Он внимательно смотрит на меня.

— И ты работаешь налоговым инспектором?!

Я пожимаю в ответ плечами.

— Я ухожу, но прежде чем уйти…, — он тянет за одеяло, которым я прикрываю грудь.

Я сильнее прижимаю его к себе и с нервным смешком интересуюсь:

— Что ты делаешь?

— Хочу получить кое-что, что напоминало бы мне о тебе.

Одеяло соскальзывает вниз.

— Раздвинь, — говорит он, не отрывая взгляда от моего лобка.

Я развожу ноги, он вставляет палец. Невероятно, но я уже очень мокрая, палец легко проскальзывает внутрь. Он достает его и обнюхивает, лизнув.

— Именно это, — замечает он.

И целует меня в губы, а затем уходит.

*

Дверь закрывается, я неподвижно лежу в кровати в полной тишине, в пустой квартире несколько секунд. Потом вскакиваю с постели и бегу в ванную, чтобы взглянуть на себя, как я выгляжу. Я цепенею, увидев свое отражение в зеркале. Господи! Честно говоря, я никогда не видела себя в таком непривлекательном ужасном виде.

Я принимаю душ, одеваюсь и спускаюсь в холл. Мужчина в черном пиджаке поднимается с дивана у окна.

— Мисс Сэвидж?

— Вы Брайан?

Он улыбается и кивает.

— Куда мне следует отвезти вас?

Я говорю ему свой адрес, и он отвозит меня домой на красивом темно-синем Bentley. Стоит мне выйти с задней двери машины, парковщик, восхищавшийся Мазерати Дома, подходит ко мне.

— Не принадлежат ли эта машина тому же парню? — спрашивает он.

— Ммм, — отвечаю я, улыбаясь как кот, съев только что сливки, и забегая к себе домой.

Моя квартира кажется мне настолько бедной и тесной, после его роскошных апартаментов. Я быстро съедаю пиалу хлопьев, и на метро еду к родителям. Мама странно поглядывает на меня.

— С тобой все в порядке, дорогая?

— Да, а почему ты спрашиваешь?

— Ты немного раскраснелась. Может ты заболеваешь?

Я кашляю.

— Со мной все в порядке, мам.

— Проходи. Я сделаю нам чаю.

Мы пьем чай, и я стараюсь изо всех сил не обращать внимание на болтовню матери, но это очень трудно, поэтому через некоторое время говорю, что договорилась встретиться с Анной.

Я встречаюсь с Анной в «Старбаксе». Она пристально рассматривает меня.

— Что с тобой случилось? — спрашивает наконец.

— Ничего плохого со мной не случилось, — вздыхая отвечаю я.

— Ты выглядишь, словно подхватила грипп или еще что-нибудь, — настаивает она.

— Хорошо. Я переспала с мужчиной.

— Что за черт? — кричит она, и люди за соседними столиками неодобрительно посматривают на нас.

— Выражай свои мысли, не так громко. Я не хотела бы, чтобы люди на соседней улице слышали тебя, — шепчу я с отчаяньем.

— Расскажи мне все подробно, — приказывает она, откусывает большой кусок сэндвича с яйцом.

— Нечего рассказывать. Он просто парень и у нас только секс.

— Когда это ты занималась только сексом? — спрашивает она с набитым ртом.

Я усмехаюсь.

— Когда он выглядит, как греческий Бог.

— Кто он?

— Деятельность кого, мы расследуем.

Ее рот раскрывается, и я вижу непрожеванное яйцо, хлеб и еще что-то зеленое. Она поспешно проглатывает и говорит:

— Господи, Элла. Это похоже на посягательство на тело вора? Ты спишь со злостным неплательщиком? Ты НЕНАВИДЕЛА налоговых мошенников.

Я прикусываю губу.

— Я не знаю, Анна, я так запуталась. Все, во что я так верила раньше, сейчас напоминает какую-то неправильную иллюзию. Я не могу этого объяснить. Единственное, я должна быть с ним, что-то у меня внутри тянется к нему.

— Вау!

— Знаю. Ты можешь в такое поверить? Я ведь никогда не говорила подобных вещей, ла?

Она отрицательно качает головой.

— Ну что ж, это серьезно?

— Нет. Без шансов. Он ничего не хочет, кроме секса.

— Что? — она морщится и у нее на лбу появляются морщины.

— Да. У него такие стены внутри, словно бункер для атомной бомбардировки. Мне кажется, у него в жизни произошла какая-то страшная трагедия. Когда мы первый раз встретились, я застала его страдающим, я не должна была этого видеть, но он был совершенно измученным. Я никогда не видела таких страданий.

— Он не похож на еще одного гребанного неудачника, как тот псих Майкл.

— Он не неудачник. У него просто произошла какая-то трагедия, вот и все.

— Похоже ты влюбляешься в этого парня, не так ли?

— Я не собираюсь в него влюбляться.

— Ты не собираешься? Да, ты уже на полпути к этому.

— Нет, — твердо настаиваю я.

Она вздыхает.

— Секс хоть хороший?

— Фан-бл*дь-тастический, — говорю я с большой улыбкой на лице.

12.

Дом

Она открывает дверь и у меня глаза расширяются от восхищения.

Я дал указания своей секретарше:

— Красное платье с разрезом на спине.

— Сколько вы готовы потратить? — спросила она.

— Купи что-нибудь эффектное, чтобы я с удовольствием мог ее вывести куда-нибудь, — говорю я совершенно без задней мысли. До сих пор!

Сказать эффектное — преуменьшение. Она выглядит просто нереально!

Невинная, немного скрытая улыбка едва отражается у нее на лице, и вдруг, словно время поменялось — прошлое стало настоящим. Словно я знал ее всегда. Что-то захватывает меня внутри, и я хватаю за руку налогового инспектора и рывком тяну к себе. Она падает в мои объятия, восхитительно прижимаясь своим телом, белокурые кудряшки подпрыгивают, и я чувствую еле уловимый запах парфюма.

Наши тела соприкасаются от груди до бедер, я запускаю пальцы в ее шелковистые волосы и опускаюсь на ее рот. Она раскрывает губы, на вкус шоколад. Я граблю, помечаю, утверждаю. Моя. Она моя. Кровь приливает к моему члену. Я хочу зайти в ее квартиру, толкнуть к стене и засунуть свой жесткий, изголодавшийся член в нее, как в тот первый раз.

Я отстраняюсь, в ярости от того, что чуть не потерял контроль.

Она ошеломленно моргает, тяжело дыша, напряженно выпрямляется.

— Что случилось? — шепчет она.

Я говорю первое, что приходит в голову.

— Вкус шоколада.

— И это… плохо?

— Элла… — начинаю я, но тут же замолкаю. Я не могу ей ничего обещать, не могу ничего ей дать. У меня ничего нет для сладкой Эллы. Просто эти сумасшедшие моменты, тоже уйдут и не будет ничего. Я отрицательно качаю головой. — Мы опаздываем. Пойдем.

Она пятится от меня, смотрит растеряно и обижено.

— Куда мы пойдем? — она пытается не показать своих чувств.

— Мой приятель Джастин устраивает вечеринку, — голос звучит отстраненно. Я ненавижу, когда так звучит мой голос, но уже ничего нельзя поделать.

Она кивает.

— Было бы прекрасно.

— Ты прекрасна.

— Спасибо, — грустно отвечает она.

Я веду себя чертовски отстойно, да я знаю.

Элла

Я не позволяю этому странному «эпизоду» испортить мне вечер. Я всегда знала, что что-то не так, но я также знаю, что это не наша вина. Я просто буду наслаждаться данным моментом, а пусть будущее позаботится о себе само.

Когда мы прибываем, вечеринка уже в самом разгаре. Дом паркуется, и мы направляемся в сторону дома. Он не держит меня за руку и никак не проявляет своих чувств ко мне, просто идет рядом, но каждому становится ясно, что я с ним.

Из сада доносится запах барбекю, а гостиная Джастина превращена в гигантскую дискотеку с цветомузыкой, мигающей разноцветными огнями. Мы заходим в комнату диджей включает «Почувствуй этот момент» в исполнении Питбуля и Кристины Агилеры, как будто они поют специально для меня.

«Проси денег и получи совет», — читает реп Питбуль.

Я поворачиваюсь к Дому.

— Мне нравится Питбуль.

— Да?

— Да. Ты танцуешь? — спрашиваю я.

Он смотрит на меня сверху-вниз и вдруг улыбается.

— Почему бы нет?

Он тянет меня на середину танцпола, и, оказывается этот мужчина умеет танцевать под быструю музыку. Я смотрю в его сексуальные глаза и в этот момент чувствую себя самой счастливой девушкой в мире. Я смеюсь, поскольку очень счастлива. Ах, если бы только этот момент мог длиться и длиться…

*

У Джастина рубашка расстегнула почти до пупа, на груди висит толстая золотая цепь с медальоном, и на пальцах имеется пара крутых золотых колец, но выглядит он классно. Он вопросительно поглядывает на меня, приподняв брови.

— Почему я до этого не додумался? — спрашивает он. — Хочешь снизить свои налоговые выплаты? Получив сексуального налогового инспектора в свою подружку!

Я просто улыбаюсь. Это тонкий лед, на котором он пытается заставить меня прокатиться.

— Так, какую скидку ты ему готова предоставить?

Я пожимаю плечами.

— Никакую.

— Почему нет?

— Она ненавидит налоговых мошенников, — сухо добавляет Дом.

— Не шутишь? Почему?

Я небрежно пожимаю плечами.

— Не знаю. Думаю, это началось, когда я был еще ребенком. Некоторые женщины в нашем районе продавали косметику Avon в свободное время, но никогда не декларировали свои доходы и имели лишние деньги, могли себя баловать, покупая милые вещички, а мои родители всегда платили налоги, но у нас никогда не было денег на такие вещи.

— Может тебе следовало стать распространителем Avon? — спрашивает Джастин, хмуро посмеиваясь.

Я отчаянно пытаюсь вспомнить аргументы, оправдывающие мой выбор профессии, но не могу вспомнить ничего, шутка Джастина не далека от истины. Я отшлифовывала в себе оправдание своей профессии годами отрицания. Мои представления о налогах практически сформировались за счет обиды и ревности. Я завидовала, потому что матери моих друзей могли позволить себе покупать более качественные вещи, а моя мама не могла.

Сейчас, когда я вспоминаю и думаю об этом, я готова сказать: «Удачи вам с этим». По крайней мере, они скрывали не миллионы. Они всего лишь пытались сделать так, чтобы их семьи жили получше. Если правительство может себе позволить потратить триллион на поддержку банков, маленькие суммы, с которых не платят налоги, скорее всего, никак не отразятся на бюджете страны.

Неожиданно Дом приходит мне на помощь, обняв меня за талию.

— Элла не смогла бы быть распространителем Avon, потому что она воплощает в жизнь служение людям, с чувством собственного достоинства, как жертвы.

Я смотрю на него с удивлением.

И он медленно начинает улыбаться теплой, лучезарной улыбкой.

И я глубоко вздыхаю. Он понимает меня.

Потом на вечеринке мы много пьем коктейлей, танцуем, смотрим шоу пожирателя огня, поедая большие креветки с лаймом и чесночной подливкой. Становится поздно, но вдруг появляется фантастически красивый парень. Я видела в сети его фотографии, в жизни он

выглядит просто потрясающе. Очевидно, он очень популярен среди девушек, которые тут же окружают его стайкой. Он бросает взгляд в нашу сторону и ловит мой взгляд, и странное выражение отражается в его глазах, но исчезает в мгновение ока. Он направляется к нам.

— Когда же налоговое управление начало нанимать экс-королев красоты, чтобы собирать налоги? — спрашивает он с непреодолимым блеском в смеющихся голубых глазах.

Дом тяжело вздыхает.

— Элла, познакомься, это мой брат Шейн. Шейн, Элла Сэвидж.

Я протягиваю руку, но он захватывает меня в свои медвежьи объятия. Я так поражена его теплым приветствием, что начинаю хохотать. Он не отпускает меня, удерживая за талию и шепчет на ухо:

— Мой брат сумел перетянуть тебя на свою темную сторону?

Я хихикаю.

— У нас есть шоколадные конфеты, — продолжает бормотать он мне на ухо.

Дом протягивает руку и ловит меня за запястье, резко дергая к себе.

— У тебя нет никакой юбки на примете, за которой стоило бы приударить? — спрашивает он брата.

— Неа, — говорит Шейн, и хватает креветку из моей тарелки. Я ловлю себя на мысли, что он мне очень нравится. Он должен обязательно присутствовать на каждой вечеринки. Он такой веселый. Как по команде появляется откуда-то загорелая блондинка в ярко-розовом облегающем платье, на семидюймовых каблуках.

— Привет, Дом, — вежливо здоровается она, улыбаясь мне совсем не дружественно, а потом хлопает ресницами на Шейна. — Ты сказал, что первый танец мой.

— Я не отрицаю, — отвечает он, и взяв ее за руку, ведет к танцполу. Потом останавливается на полпути и оборачивается к нам.

— Ты должна прийти завтра к нам на ланч. Моя мама готовит просто первоклассно, — затем он поворачивается к блондинке. Его уход оставляет напряжение вокруг нас.

Я украдкой бросаю взгляд на Дома, он смотрит на меня, его глаза ничего не выражают.

— Да, возможно, тебе следует прийти. Познакомиться с остальными членами моей семьи.

— Может, слишком рано, — говорю я, давая ему шанс переменить решение.

Его глаза мерцают.

— Мы цыгане, Элла. Мы не нежные, и не тактичные. Мы говорим именно то, что имеем в виду, и мы выполняем то, что говорим.

Я прикусываю губу.

— Может, стоит дождаться понедельника? Твоя семья может возненавидеть меня после того, как я встречусь с твоим бухгалтером.

— Меня не волнует, что произойдет в понедельник. Я могу умереть в понедельник, в конце концов, — говорит он категорично.

Прежде чем я собираюсь ответить раздается громкий треск. Мы оба, как по команде, поворачиваем головы. Я вижу Джастина, тыкающего пальцем в грудь и громко спорящего с кем-то, и я вижу со своего места, что этот человек настроен агрессивно. Рядом с ним на полу террасы валяется опрокинутый стул.

— Бл*дь, братья Барбарри, — говорит Дом, вскакивая. — Пойдем, — и мы быстро идем вперед, ссора разгорается. Мужчины спорят с ожесточением, в воздухе уже чувствуется напряжение. Я не могу толком разобрать, о чем они спорят, потому что все вокруг кричат

одновременно. Как только мы подходим ближе, выясняется, что один из братьев Барбарри оскорбил одного из друзей Джастина.

— Я убью тебя, — кричит Джастин на брата Барбарри, видно того, кто и оскорбил. Четыре брата, и все они выглядят так, словно рвутся в бой.

Дом смотрит на меня.

— Оставайтесь здесь, — приказывает он, направляясь к мужчинам.

Я наблюдаю, как ситуация быстро выходит из-под контроля. И действительно, через несколько секунд кто-то наносит удар, и начинается. Только и слышатся звуки ударов, ломаются стулья и уже больше людей присоединяются к драке. Я наблюдаю за всем с большим недоумением, поскольку никогда не была на вечеринке, где происходили драки, чтобы выпустить пар двух спорящих сторон. Это же просто настоящее сражение.

Краем глаза я замечаю, Шейна ринувшегося на спасение своего брата. Не то, чтобы Дом нуждался в спасении. Но Шейн рычит и врезается в самую гущу, как сумасшедший. Просто невероятно, как за несколько секунд вечеринка из фешенебельной и экстравагантной превратилась в полнейшее безобразие.

К моему удивлению собравшиеся вокруг зеваки даже не пытаются вмешаться и остановить драку, просто наблюдают, словно это развлечение, изредка скандируя: «Джастин и Братья Иден против Барбарри» и аплодируя. Четыре брата Барбарри против трех, мне кажется это несправедливо.

Я замечаю одного из братьев Барбарри пытающегося зайти Дому за спину и ударить. Не думая, чисто инстинктивно, я беру бутылку вина и, бросившись вперед, со всего маха опускаю ему на голову с громким глухим стуком. Мужчина с рычанием разворачивается и медленно оседает на землю.

Упс! В кино бутылка, как правило, опустившаяся на голову какого-нибудь персонажа, всегда разбивается в пух и прах. Я разглядываю лежащее тело и поднимаю глаза, встретившись взглядом с Домиником. У него рассечена бровь и идет кровь, и он смотрит на меня, приоткрыв рот. Я роняю бутылку.

— Он хотел ударить тебя сзади. Мне показалось, это несправедливо, — машинально отвечаю я.

Он вдруг улыбается, и как будто солнце вышло из-за темного облака.

— У тебя за спиной! — кричу я.

Дом вовремя поворачивается кругом, встретившись с еще одним рассвирепевшем братом Барбарри. Прикрыв рот рукой, я наблюдаю, как Дом укладывает его парой ударов. Мужчина хватается за бок и отлетает назад, Шейн подходит к Дому. Левая сторона его лица распухла.

— Ты в порядке? — спрашивает он, как будто это самая нормальная вещь в мире, прийти на вечеринку и попасть в драку.

— Да. А ты?

Он улыбается.

— Как всегда.

Джастин подходит к ним и хлопает их по спине, поздравляя. Он смеется. Похоже, такое для них в порядке вещей! Дом направляется ко мне, не отводя взгляд потемневших, пожирающих глаз. Он смотрит на меня так, как будто я… хм… его еда.

Он берет меня за руку и тянет прочь отсюда. Я чуть ли не бегу рядом с ним, стараясь поспеть за его широкими шагами.

— Куда мы идем? — спрашиваю я, затаив дыхание.

— Где я смогу трахнуть тебя.

Я ухмыляюсь.

— Дом, ты думаешь, с ним будет все хорошо?

— С кем?

— С парнем, которого я ударила бутылкой.

— Ты шутишь? Чтобы убить парня Барбарри нужно гораздо больше, чем бутылка с вином, — говорит он.

И я смеюсь.

А потом он тоже начинает смеяться, пока мы бежим к машине.

Пулей заскакиваем в машину, как дети, которым обещали поход в кафе-мороженое, мы не можем усидеть от возбуждения. Я улыбаюсь ему. Очевидно адреналин и тестостерон подстегнули его сексуальный аппетит, и я теперь буду пожинать плоды. Дом останавливается в тихом темном переулке. И под звездным небом, он укладывает меня на заднее сиденье и одним жестким сильным толчком входит, двигается до тех пор, пока мы оба не кончаем. Довольные, тяжело дыша, потные. Он отыскивает свои брюки, роется в карманах и достает золотой браслет.

— Вот, — говорит он, и застегивает его на моем запястье.

Я прикусываю губу.

13.

Дом

— У тебя нет для меня сестры, а? — поддразнивает Шейн Эллу соблазнительно улыбаясь.

Мы прибыли домой к маме на воскресный ланч. Не знаю, чего я ожидал, когда забросил Эллу, налогового инспектора, в свою семью, но они удивили меня, встретив ее неподдельно тепло. Ни один из них не показал, что ее присутствие здесь не к месту. Конечно, Шейн корчит из себя еще большую задницу, чем всегда.

— Боюсь что нет, — улыбаясь ему в ответ отвечает Элла. — Но у меня есть брат, если тебе интересно.

— Ах, я дам тебе знать, если сменю свою ориентацию, — со смехом отвечает Шейн.

Я понимаю, что стеб Шейна ничего не значит, но какого хрена! Я начинаю ревновать, и ревность выплескивается из меня. Я собственническим жестом опускаю руку на ее аппетитную задницу и бросаю на своего младшего брата взгляд: «Отвали!»

По-братски хлопнув меня по плечу и с озорным блеском в глазах, он уходит.

Элла отправляется к женщинам на кухню, а Джек подходит ко мне.

— Итак, что Элла Сэвидж, — тихо говорит он, как-то странно поглядывая на меня.

— Да, — отвечаю я нейтрально, но показывая всем своим видом, что не готов продолжать разговор на эту тему.

— Красивая.

— Я знаю.

Он поднимает свой стакан.

— За тебя, — и оттенок грусти появляется у него на лице. К нам присоединяется Шейн.

— Эй, — говорит он. — За что пьем?

— За Дома, — спокойно отвечает Джек.

Шейн по-волчьи скалится.

— И за великолепную Эллу.

Я смотрю на него предостерегающе, хотя знаю, что он всего лишь шутит. Мы все поднимаем бокалы с выпивкой. И я задаюсь вопросом, не было ли ошибкой с моей стороны привезти сюда Эллу и познакомить с моей семьей? Они готовы ее принять, но я не готов.

Элла

Мне понравилась семья Дома. И я не шучу. Они тепло встретили меня, и я чувствовала их доброту в каждом слове и жесте. Особенно мне понравилась Лейла. Смешная женщина-ребенок, она на самом деле так и осталась ребенком в этой семье. Она заключает меня в объятия и целует в обе щеки, словно мы родные сестры, которые давно не виделись. Это очевидно, что каждый в этой семье любит ее до безумия и готов постоянно оберегать.

Ее муж, БиДжей, совсем другой вопрос. Он такой огромный, самый большой мужчина, которого мне приходилось когда-либо видеть, с очень развитыми мышцами груди и сильными руками. Его глаза настолько черные, что невозможно понять, о чем он думает. Он очень мало говорит, кажется весь его мир сосредоточен — на его жене и маленьком мальчике. Очень энергичном маленьком мальчике, который ползает со страшной скоростью.

Джек, старший брат Дома, самый загадочный из всех. Я не хотела бы с ним столкнуться. Кажется, будто он охраняет всех, собравшихся в этом доме, в этом заключается его личная ответственность. Как будто он альфа-самец и это его стая. Его жена, Лили, обладает экзотической красотой, дружелюбна, но не слишком. Она более сдержанная. Их не по годам развитая дочь, милая малышка, в которую я сразу же влюбилась. Мы быстро и легко подружились. Учитывая, что ей всего три года, я считаю это большой победой.

Его мама оказывает мне более сдержанный прием: внешне она добра и вежлива, но иногда я замечаю, что она поглядывает на меня с опаской. Думаю, не могу ее винить за это. Я ужасный налоговый инспектор. Другими словами, их доброта ко мне заставляет почувствовать себя самозванкой. Типа я пришла, чтобы доставить неприятности одному из них, наслаждаясь их гостеприимством.

Шейн был прав — его мать сделала просто первоклассный ланч!

И благодаря Шейну и Лейле за столом слышится много смеха. Я бросаю взгляд на Дома, и ловлю себя на мысли, что никогда не видела его таким расслабленным, как со своей семьей. Он ловит мой взгляд и улыбается. Настоящей, искренней улыбкой.

После ланча я присоединяюсь к женщинам на кухне. Лейла открывает морозилку, достает упаковку мороженого «Джин-тоник».

Она смотрит на меня и кивает головой, приглашая.

— Когда я была беременна у меня не было желания есть мороженое, потому что я переживала за своего ребенка, но как только родила, я не могу остановиться, чтобы не есть эту гадость. И делаю это постоянно, потому что действительно очень вкусно. Хочешь?

— Нет, — вежливо отказываюсь я.

— Ну, хотя бы попробуй, — настаивает она, подходя ко мне с ложкой.

— Нет, правда. Я не могу. Я так объелась.

— Хорошо, но если ты передумаешь, у Дома в морозильнике есть такое же, — добавляет она с улыбкой.

— Спасибо. Я учту это.

И Лейла запихивает ложку с мороженым в рот, Лили, стоя за спиной Лейлы отрицательно качает головой, советуя мне никогда не пробовать эту «гадость». Пряча улыбку, я поворачиваюсь к матери Дома.

— Может я могу чем-нибудь помочь вам, миссис Иден?

— Нет, девочка. Все уже сделано. Мы пришли сюда, чтобы дочь могла полакомиться мороженым. Она смотрит в окно, а потом обращается ко мне.

— Сегодня такой прекрасный день, думаю, можно выпить кофе на террасе.

Я улыбаюсь ей, размышляя, насколько повезло этой семье. И вспоминаю своих бедных родителей, живущих в темной, убогой квартирке и мне становится немного грустно. А еще в голове крутятся слова Роба, что жизнь несправедлива. Один ребенок рождается с золотой ложкой во рту, а другой пухнет с голоду.

— Мне очень понравилась твоя семья, — говорю я Дому, пока мы едем назад в Лондон.

Он поворачивает ко мне голову.

— Да, и мне кажется, ты им тоже понравилась.

— Я просто влюбилась в Лейлу. Она такая милая, как ребенок.

— Хмм… не обманывайся на ее счет. Под всей ее милой детскостью имеется воля, сделанная из прочной стали.

— Правда?

— Конечно. Она особенная.

— Тебе очень повезло с ними, со всеми.

Он поворачивается ко мне и смотрит в глаза.

— Я знаю.

Воцаряется тишина на несколько секунд, потом он говорит:

— Ты никогда не рассказывала мне о своей семье.

— Не думаю, что тебе будет интересно.

Он опять внимательно поглядывает в мою сторону.

— Расскажи.

— Ну, семья состоит из четырех человек: мои родители, брат и я. Мои родители живут в Лондоне. Отец рано ушел в отставку, по состоянию здоровья, мама все время ухаживает за ним. Брат только что окончил универ и сейчас путешествует по Азии со своей подругой.

Он кивает.

— У тебя хорошие отношения с родственниками?

— С родителями, да, но не особенно с братом.

— Почему?

— Мне не нравится, как он относится к маме с папой. У них и так маленькие пенсии, а он постоянно просит денег.

— Они живут только на свою пенсию?

— Не совсем. Я помогаю им чуть-чуть продуктами и вещами, оплачиваю счета.

Он внимательно смотрит на меня.

— На твою зарплату?

Я пожимаю плечами.

— Справляюсь.

И он смотрит на меня таким взглядом, как будто видит меня впервые.

14.

Элла

У меня было три зацепки, чтобы подставить подножку Найджелу Броудстрит. Совсем не потому что он хреновый работник — среди других он — бриллиант на очень скользком пути, но дело скорее касалось того, что я видела и слышала, пока была вместе с Домом.

Однако, я не воспользовалась ими.

Я просто сижу сложа руки, и наблюдаю, как Роб все больше и больше злится, упуская свою возможность все больше и больше, сорвать куш, а Найджел больше и больше приводит доказательств в поддержку своего утверждения, что это всего лишь ошибка клерка. Неважно, отвечает ли Роб что-то или нет, Найджела нельзя переиграть. Он настолько крут, словно тот, кто сидел в шезлонге на «Титанике» за день до катастрофы и улетел на вертолете, когда все произошло. Он легко сглаживает острые углы. Самоуверен. Защищает свою сферу деятельности. Непоколебим.

Наблюдая за Найджелом в действие, у меня не появляется такого ощущения, словно он гепард, убивающий свою жертву. Здесь нет умопомрачительной скорости, нет когтей, зубов, облака пыли или летящих клочьев меха. Скорее его действия похожи на питона, обвивающегося вокруг ничего не подозревающей козочки. И каждый раз, когда козочка выдыхает, питон сильнее сжимает свои кольца, до последнего ее вздоха. И в этот момент питон, благодаря хорошо проделанной работе, заглатывает козочку целиком.

Мы выходим из ресторана, я делаю вид, что разочарована результатом беседы, хотя внутри на самом деле чувствую себя довольной. Это редкость, когда кто-то может оказаться лучше Роба, он такой самоуверенный, напыщенный осел, что маленькая частичка меня в тайне очень рада, что с него наконец-то кто-то сбил спесь.

В машине он от бессилия пышет злобой.

— Я ненавижу этих жирных ублюдков. Я хотел бы заняться расследованием бухгалтерской деятельности его фирмы. Уверен, что можно откопать гораздо больше скелетов, кроме тех, которые он припрятал в шкафу.

Мудро, ничего не скажешь.

Как только я выпадаю из видимости Роба, пишу смс-ку Дому.

«Ты можешь выдать своему бухгалтеру огромный бонус на Рождество. Х»

Я немного болтаю с девушкой на ресепшене. Она рассказывает мне, как ее собака проглотила кольцо, поэтому ей пришлось копаться в ее какашках палочкой. Я издаю сочувствующие звуки, в которых присутствуют ноты отвращения. Наконец оставив ее, я поднимаюсь на лифте на свой этаж и иду прямиком к своему рабочему столу.

Сажусь, загружаю программу «Интегрированной среды совместимости» (ИСС) на компьютере. Посылаю исходный запрос на Леди Мармелада. Появляется фотография, под которой я впечатываю причину выдачи запроса и другую дополнительную информацию, я ввожу всех братьев в качестве дополнительной информации, и данные кого я хотела найти. Даже ввожу Би Джея.

Откинувшись на спинку, смотрю на поиск.

Теперь каждое имя, введенное в список для меня что-то да значит. За этими имена я представляю настоящих реальных людей. Они живут, дышат, имеют надежды и мечты, они любимы своими семьями, и они явно будут расстроены, если я накинусь на них. Я вспоминаю, насколько без эмоционально составила список вопросов. Как гордилась своей непоколебимой ответственностью, принимая решение — бросить вызов не заявленным в налоговой декларации суммам, и возможностью с помощью борьбы с неплательщиками решать эту задачу. Насколько уверенной и сильной, я себя тогда чувствовала.

Я была совершенно другим человеком.

Приходит смс-ка на мобильный, я поднимаю телефон и смотрю на экран.

«Хочешь отпраздновать со мной это событие?»

Я возвращаюсь из своих дум:

«Наверное.»

Ответ приходит незамедлительно:

«Заберу тебя в 6 вечера. Одень бикини, или не одевай вообще ничего.»

Все еще улыбаясь, я выбираю формы для заполнения и потом кликаю на форму обратной связи ИСС и нажимаю «отправить». Дело закрыто.

Я сижу пару минут просто смотря на экран, потом открываю новый документ Word и начинаю печатать.

*

Мы едем в его загородный дом, дорога занимает около двух часов. Мы сворачиваем с главной трассы и едем еще пару минут по узкой проселочной дороге, прежде чем останавливаемся перед невзрачными стальными воротами, которые он открывает, нажав кнопку на брелоке.

Мы едем еще где-то километр по лесу, Дом говорит мне, что здесь можно увидеть пчел, птиц и оленя. Пока мы медленно проезжаем, я везде вижу разноцветных птиц.

— О, мой Бог, — вскрикиваю я от восторга, когда Дом указывает мне на двух милых маленьких оленей, скрытых среди деревьев, даже не пытающихся убежать, несмотря на чудовищный рев двигателя V8, они смотрят на нас своими огромными, влажными глазами совершенно не пугаясь.

— Они приручены и их можно погладить? — спрашиваю я, поворачивая голову и разглядывая их.

— Они приходят к дому в поисках пищи по утрам. Ты сможешь покормить их.

— Правда?

— Да, правда, — отвечает он снисходительно. Видно он на самом деле очень заботится о своих оленях.

Солнце садится, но воздух до сих пор еще восхитительно теплый, и я завороженно смотрю на первозданную красоту леса, и у меня мелькает мысль, что один человек может владеть всем этим, а другой — вроде меня, не может даже купить себе квартиру, не напоминающую спичечную коробку. Но я не чувствую той обиды, которую ощущала раньше. Всего лишь грусть. На самом деле мир несправедлив, люди становятся бедными или богатыми всего лишь по случаю своего рождения. И значит ли это для меня, неужели я ничего не могу сделать, чтобы что-то улучшить с своей жизни?

Стоит нам подъехать к дому, я ахаю — такая красота. Виднеются всего лишь две величественные каменные колонны дома, а весь фасад полностью увит плющом, словно волшебный особняк прямо из сказки.

Дом поворачивается ко мне.

— Нравится?

— Нравится ли мне? Дом, сказочно, я в полном восторге, — я поворачиваюсь к нему. — Здесь никто не живет, пока ты находишься в Лондоне?

— Не совсем, у меня здесь есть домработница, а ее муж работает садовником. Они ночуют в доме, когда меня здесь нет, но когда я здесь, они живут в том летнем домике. — Он указывает на небольшой коттедж, обвитый глициниями и плетистыми розами. В настоящем английским стиле — небольшой загородный домик.

— Итак, — говорю я, возвращая взгляд на волшебный особняк.

Дом паркует машину, и мы пересекаем дорожку из гравия, поднимаясь по каменным

ступеням. Он толкает красивые старинные двери.

— Ты не запираешь дверь? — с удивлением интересуюсь я.

— Только в Лондоне.

Внутри зеленовато-голубые стены с белым декором, блестящие дубовые полы, оконные рамы открывают прекрасный вид, под которыми стоят кресла и диваны у окна, антикварная мебель изысканно сочетается с пастельными тонами. Просторно и элегантно. Рядом у окна стоит кресло, и книга лежит на маленьком круглом столике. Я почти представляю себя, сидящей в этом кресле, читающей книгу, оставив потом ее на столике.

Я перевожу взгляд, смущаясь. Почему я представляю себя здесь?

Он ведет меня в гостиную с золотыми обоями, черно-белыми занавесками. Из гостиной можно попасть на французскую кухню, с шиком отделанной под старину метлахской плиткой. На солнечной стороне стоит симпатичный столик для завтрака.

— Хочешь выпить? — спрашивает он.

— Я выпью чаю.

Он наполняет чайник и включает.

Я сажусь на стул у кухонного островка.

— Дом, мне нужно кое-о-чем тебя спросить. Это важно для меня, пожалуйста, ответь честно, насколько сможешь.

Он опирается бедром о столешницу и с опаской поглядывает на меня.

— Спрашивай.

— Ты считаешь, что тебе не стоит платить налоги, потому что очень богатые люди их не платят? Но что будет, если все не будут платить налоги?

Он внимательно смотрит, как бы оценивая меня.

— Я хотел бы, чтобы все не платили. Может тогда эта бесконечная продажная карусель наконец-то остановится. Они не смогут посадить всех, и им придется придумать что-то другое. Не такую коррумпированную систему, в руках которой сосредоточена половина мировых богатств одного процента населения, позволяющая восьмидесяти пяти гребанным индивидуумам накопить столько, что заработало для них аж три с половиной миллиарда людей вместе взятых!

Он замолкает, чтобы я осознала услышанное.

Он, что, на самом деле, говорит это все всерьез?

— Для меня это непостижимые вещи, что восемьдесят пять человек могут владеть половиной мировых богатств! Как такое возможно?

— Не только возможно, но исследования показали, что существует лишь один процент, владеющий более чем всем остальным населением планеты!

Я прикусываю подушечку моего большого пальца правой руки и задумываюсь о своих претензиях. Думаю, что он ошибается, поскольку кажется слишком уж невероятным.

— Откуда ты берешь цифры?

Он скрещивает руки на груди и прищурившись смотрит на меня.

— Это открытая информация, Элла. Ты можешь отыскать ее на сайтах BBC или Forbes или New York Times, где угодно, на самом деле.

Я хмурюсь. Неужели такая информация может быть достоянием общественности, есть же и другие программы на ТВ, типа Benefit Street, когда показывают самых бедных, нуждающихся людей, получающих ничтожно мизерные подачки от правительства? (Benefits Street is a British — документальный сериал на 4 Каналле в Лондоне, где героями выступают

очень бедные люди… реально бедные, сериал появился в 2014 году.)

В этот момент я думаю, что не только я смотрела эти программы, меня тоже обманули, вызывая презрение к этим бедным людям, пока истинные виновники оставались невидимыми, кому на самом деле стоило ощутить мой гнев и осуждение. Ловкость рук и никакого мошенничества — вот политика этого одного процента!

Закипает чайник, и он отодвигается от столешницы, опускает пакетик чая в кружку, наполняет ее кипятком. Он поднимает на меня глаза.

— Молоко? Сахар? Лимон?

— Черный и два сахара, — автоматически говорю я.

Он бросает кусочки сахара и ставит кружку передо мной.

Я улыбаюсь ему.

— Ты сделал мне чай?

Он хмурится и, выглядит сам удивленным.

— На самом деле, это впервые, когда я делаю кому-то чай. Раньше я такого не делал.

Я опускаю кружку на столешницу и начинаю копаться в сумке, висящей у меня на плече.

— Я хочу тебе кое-что показать, — говорю я и достаю сложенный листок, отдаю ему. Он молча разворачивает. Я наблюдая за ним, пока он читает.

Он открывает глаза от бумаги и улыбается мне, довольной, радостной улыбкой.

— Знаешь, когда мы учились в школе, нас учили только одному, что самое важное — это система. Несмотря на то, что каждая школа во всем мире имеет свои программы обучения, во всех школах все равно существует что-то общее.

— Что же? — с любопытством интересуюсь я.

— Школы приручают детей к повиновению.

— Повиновению? — медленно переспрашиваю я, на вкус пробуя данное слово.

— Повиновению с помощью оценок, учителей, правил, систем образования, формы, посещаемости. Это метод контролирования масс, — он складывает мой лист бумаги. — Заявление об увольнении — твой первый акт неповиновения. И с этим я хочу тебя поздравить.

Я смотрю на него, очарованная и заинтригованная. Я не могла предположить, что такой самоуверенный, на первый взгляд, самец имеет такие скрытые глубины.

— Система когда-нибудь изменится, Дом?

Он пожимает плечами.

— Не знаю, Элла. Трудно бороться с тем, кем мы сами являемся. Мы именно те, кто делает эту систему работающей, с нашей вялостью, нашим нежеланием и нашим повиновением, — он улыбается и указывает на заявление у меня в руках. — Но каждый раз, когда кто-то напишет такое заявление, дает мне надежду, что однажды, когда-нибудь, видно не в моей жизни, в один прекрасный день, мир станет другим.

Совершенно бесшумно на кухню входит женщина средних лет, с плохо прокрашенными светлыми волосами и широкой улыбкой на лице.

— Привет, мистер Иден, — бодро говорит она.

— Привет, миссис Би, позволь представить это Элла. Элла, моя экономка, миссис Биенковски.

— Привет, миссис Би, приятно с вами познакомиться.

Миссис Би оказывается очень доброй и дружелюбной. Как только Дом исчезает у себя в

кабинете, чтобы сделать несколько звонков, она поднимается со мной наверх в огромную спальню с цветочными шторами, кремовыми коврами и массивной кроватью со множеством подушек. Она показывает, что находится в ванной комнате и как все работает, а потом спрашивает, не страдаю ли аллергией на какие-нибудь продукты. Я говорю, что нет, и она сообщает, ужин будет в восемь.

*

Вечером мы бредем по одной из тропинок. Воздух чистый и стоит тишина (не слышатся звуки города), только чириканье птиц в ветвях деревьев. Периодически нам встречаются лотки с едой для птиц. Рыжая белка взбирается на дерево. В фонтане пара голубей целуются и заигрывают друг с другом.

Ощущение первозданной природы, которое я никогда не испытывала, поскольку выросла и все время жила в Лондоне, наполняет все тело. Я глубоко вздыхаю свежий воздух. Мы почти не разговариваем, пока медленно идем, слова будут лишними, и я пораженно раздумываю над, насколько изменилась моя жизнь. Насколько полнее и богаче она стала. Как сильно я его люблю. Боже, неужели я сама себе призналась в этом. «Я люблю Доминика Идена».

Я знаю, что он ничего мне не обещал, но, я все равно люблю этого мужчину.

А разве у меня есть другой выбор? Он ворвался в мою жизнь, как торнадо. Беспокойный. Нежелательный. Деструктивный. Он разрушил все, во что я верила и вызвал во мне страсть, которую я даже не подозревала. Поэтому однозначно, я люблю этот сложного, раненого, уверенного, странного, доброго, красивого мужчину.

Я останавливаюсь, и он тоже тут же останавливается, подняв на меня глаза. В закатных лучах солнца, просачивающихся сквозь деревья, смотрю ему в лицо, он так красив, как принц, о котором я мечтала в детстве. Я обхватываю руками его сильную, накаченную шею, он наклоняется, и мы целуемся. Целуемся совсем по-другому. Наш поцелуй отличается от тех поцелуев, я не так его всегда целовала, видно сказывается этот лес и мои чувства к нему. Он поднимает голову, его глаза темные, пытливо смотрят на меня.

Я загадочно улыбаюсь и продолжаю свой путь.

Как только возвращаемся в дом, направляемся ужинать в гостиную с черно-белыми шторами. Миссис Би зажгла для нас свечи. В их желтом отблеске Дом выглядит невероятно таинственно и романтично. Мое сердце совершает кульбит, когда он улыбается. Я до конца не верю, что мне могло так повезти. На данный момент — я безработная, но при этом ощущаю себя как-то странно — невероятно счастливой.

Мы пьем кофе на длинной террасе с открывающемся видом на пышные зеленые газоны.

— Пока ты не найдешь другую работу, я хотел бы помочь тебе, — вдруг говорит он.

— Спасибо, — тихо отвечаю я. — Но со мной все будет хорошо. Я немного отложила на черный день.

Он берет меня за руку.

— Элла, пока я рядом, у тебя не будет черного дня.

Что-то в его заявлении коробит меня, но не останавливает, такое впечатление, что я выпала из реальности и мое будущее может быть прекрасным.

— Я не хотела говорить тебе о черном дне. Честно говоря, у меня есть сбережения, на которые я смогла бы прожить какое-то время, — говорю я с улыбкой. Я не сообщаю ему, что это ничтожно маленькая сумма.

Он пристально смотрит мне в глаза.

— Но я хочу помочь тебе, Элла. Для меня это будет огромным удовольствием.

— Я попрошу, если мне нужна будет помощь, хорошо?

Он смотрит на меня с раздражением, и я смеюсь в ответ. Он кажется милым, даже когда злиться.

Появляется миссис Би, пожелав нам спокойной ночи. Мы наблюдаем, как она идет по тропинке и скрывается из виду, как только поворачивает в сторону коттеджа. Я откидываюсь на спину кресла и вдыхаю ночной, наполненный ароматом, воздух.

— Здесь так тихо, — говорю я.

— Мммм, — он поворачивает голову, взглянув на меня. — Здесь не будет так тихо, когда я овладею тобой.

Я смеюсь, мой смех уходит в темную ночь.

Он показывает на меня пальцем.

Я в ответ указываю на свою грудь и, с удивлением расширив глаза, спрашиваю одними губами: «Я»?

Он медленно улыбается.

— Да, ты со своей великолепной задницей.

Я сажусь ногу на ногу, как прежде, а чувственно вытягиваюсь всем телом в кресле, поглядывая на него из-под ресниц. Не отводя ни на минуту от меня взгляда, он достает кубик льда из своего стакана. Господи, черт возьми! Он на самом деле представляет из себя единое супер-вкусное блюдо. Я не в состоянии ждать, чтобы дотронуться до его кожи. Не могу дождаться, когда он прикоснется ко мне — поцелует и возьмет меня. Раньше я никогда ничего подобного не испытывала. Пока не встретила его, попав в свой собственный фантастический мир, где существуем только он и я.

Я снимаю туфли, мягкая трава пружинит под ногами, холодя. Сейчас я сама себе напоминаю животное… свою независимость и самостоятельность я убираю в свою сумочку и опускаюсь на колени на траву, медленно, очень медленно ползу к нему. Да, точно. Я хочу встретиться своим животным с его зверем. Сегодня ночью будет дикий секс, или же меня зовут не Элла Сэвидж.

Я тянусь к его руке, глубоко у него в груди раздается рык, как у тигра, пока я заглатываю кубик льда, начиная сосать. Таявшая вода от льда стекает у меня по подбородку.

Он кладет руку мне на голову и улыбается.

— Мне не нравится, когда твоя киска находится ниже, чем мой рот.

— Не нравится?

— Черт побери, нет.

Он хватает меня за руку и тянет вверх, мы бежим, устремляясь в темноту сада.

— Куда мы бежим?

— Ты доверяешь мне? — спрашивает он.

— Конечно.

— Хорошо. Потому что пришло время взглянуть правде в глаза.

— Какой правде? — затаив дыхание, спрашиваю я.

— В глубине сада есть теплый бассейн.

Я смеюсь.

— Ты сумасшедший.

— Однозначно.

И вдруг я вижу закрытый бассейн весь в матовом стекле. Через стекла я с трудом

различаю множество мерцающих огоньков внутри. Он открывает дверь, и мы заходим. Везде горят свечи, сотни свечей, невероятно красиво, мерцающий свет отражается на воде. В помещении очень жарко, как в тропиках. Свечи издают аромат, который мне незнаком, напоминая чем-то экзотический, кажется, что я попала в дебри тропиков, заполненные цветами.

— Вау! Здесь довольно-таки жарко, — говорю я.

Он молча раздевает меня до бикини. Я верещу, когда он поднимает меня на руки и бросает в восхитительно теплую воду. Я плыву на спине и наблюдаю, как он раздевается, прежде чем присоединиться ко мне.

Он плывет в мою сторону, обнимает и целует взасос. Я никогда ни с кем не целовалась в воде. Это чувственный, неповторимый опыт. Он отстраняется, и я замечаю, что нахожусь уже не на середине бассейна, а близко у бортика.

— Возьми его, — говорит он.

Я тут же опускаю вниз руку, обхватывая его член.

— Готово, — отвечаю я.

И он медленно поднимает меня из бассейна, вода ручьями стекает у меня по телу. Черт! А он оказывается очень сильный. Я чувствую задницей твердые плитки бортика бассейна.

— Я хочу целовать твой клитор…

Я с удовольствием широко развожу ноги. У меня никогда не было мужчины, который бы с таким безумием пожирал мою киску, как он.

Он всем телом подается вперед и целует промежность моего бикини. Подняв глаза и не отрываясь смотрит на меня, притягивая ближе к себе.

— Сдвинь чертовые трусики.

Сейчас он говорит, как чертов командир. Я отвожу треугольный кусок ткани в сторону и выставляю свою киску на его обозрение. Кладу руку ему на плечи, глубоко вздыхаю и еще ближе придвигаю свою киску к нему.

— Ложись, — приказывает он.

Я опускаюсь на спину, ноги по-прежнему оставляя в теплой воде. Прохладная плитка, жестко упирается в спину, бедра опять скользят по ней, как только он опускает ко мне лицо. Он кладет мои ноги к себе на плечи и дотрагивается языком. Томно, тщательно вылизывая. С той же самоотверженностью, с какой собака тщательно вылизывает сама себя, наводя чистоту. На полном серьезе.

Он собирается завершить начатое.

С каждым движением языка он опускается все глубже и глубже внутрь. Пальцем проведя по моему набухшему клитору.

— Ой! — я хватаю его за голову и еще шире развожу ноги. Его язык скользит внутрь киски. Совсем чуть-чуть. Но Вау! Этого вполне достаточно, чтобы отправить меня в заоблачную даль. У меня выскальзывает стон, когда он использует свой палец, размазывая соки по моим припухшим половым губам.

— Такая розовая, такая красивая, — бормочет он.

Он запускает один палец внутрь, его язык продолжает лизать. Я сжимаю мышцами его палец. Он проскальзывает дальше внутрь. Я закрываю глаза и выгибаюсь, пока его палец двигается в моей мокрой киске. Он накрывает клитор своими губами и сосет.

Я со всей силы сжимаю маленький кусочек материи своих трусиков, которые пытаюсь удержать в стороне. Тело все напрягается, и у меня вырывается очередной стон. Его голова в

такт двигается у меня между ног. Действие настолько порочное, от одного лишь взгляда на него, я взрываюсь. Соки брызгают ему на подбородок, и я слышу, как он жадно пьет их.

Я приподнимаюсь на локтях, тяжело дыша и испытывая жажду!

— Думаю, мне необходим получить твой очень большой член внутрь.

Он хватает за концы бикини и сдергивает их вниз.

— Согласен, — он упирается ладонями в бортик бассейна и поднимается из воды. Опускает полотенце на плитку рядом со мной, и я быстро перебираюсь на него, встав на карачки, опустив голову на руки и выжидая.

Он медленно погружает свой огромный член в меня. Толстый, огромный, но вызывает какое-то прекрасное ощущение, растягивая и наполняя меня. Он трахает меня так, словно моя киска призывает его. Я двигаюсь в его такте, его член жаждет быть внутри, я же жажду его спермы. Впервые мы занимаемся сексом без презерватива. Между нами ничего не стоит, только наши тела, кожа к коже. Он наклоняется вперед и начинает массировать мне клитор, выписывая медленные круги, пока я продолжаю двигаться на его жестком, толстом петухе, который входит и выходит из меня как поршень.

— Я уже почти, — с трудом выдыхаю я, и он хватает меня за бедра и начинает трахать по-настоящему. Я задыхаюсь от грубого, жесткого секса. Он трахает, как дикарь, дергая меня к себе, как тряпичную куклу. Я чувствую, как его член становиться еще жестче, увеличиваясь, а затем он освобождается от своего груза глубоко внутри меня. Через несколько секунд я следую за ним, перемешивая свои соки с его спермой. Это прекрасный момент — мы кончили вместе. Не планируя, не готовясь. Все произошло естественно, само собой.

Он вытаскивает пульсирующий член, и его все еще горячая сперма вытекает по внутренней стороне бедер. Он легко пробегает пальцами вверх-вниз у меня по позвоночнику. Мы молчим, просто наслаждаемся испытанным оргазмом, потом залезаем в теплую воду.

Как дельфины скользим по воде, тела в воде скользкие, когда мы опять трахаемся, но уже в бассейне. Я смотрю в глубину его глаз, когда очередной раз испытываю оргазм. Он не знает, но все мое тело говорит единственные слова — «Я люблю тебя».

Не знаю, что ждет меня в будущем, мне наплевать. Я счастлива в данный момент, как никогда.

15.

Элла

Я возвращаюсь домой на следующий день, до сих пор находясь под впечатлением, как олень ел прямо из моей протянутой ладони, и обращаю внимание на свой мигающий автоответчик. Всего лишь одно сообщение в двенадцать тридцать ночи. Кто может звонить после полуночи?

Я нажимаю прослушать, но на противоположном конце линии тишина. Ну, вернее не совсем тишина, я слышу дыхание. Нахмурившись, прислушиваюсь. Да, однозначно, кто-то тридцать секунд дышал в трубку. У меня ощущается холодок, поднимающийся вверх по позвоночнику. Я набираю номер 1471 и автоматический голос говорит, что абонент скрыл свой номер.

— Пошел ты к черту, Майкл, — шепчу я в тишину квартиры.

Несколько минут я просто пялюсь на телефон, потом беру трубку и звоню маме.

— Привет, мам, — радостно говорю я.

— Элла, — отвечает она. — Угадай, кого я встретила?

— Кого?

— Твоего бывшего, Майкла.

Я крепко сжимаю телефонную трубку. Мама не знала о моих проблемах с Майклом. Я никогда не рассказывала ей об этом безумстве, не хотела ее волновать. Она знает только, что он стал настолько невыносимым, и мы расстались, и я проинструктировала ее не принимать от него никаких звонков, и не делать никаких попыток с ним связаться.

Чувствую, как сердце начинает быстро биться в груди.

— Да? — как бы не заинтересовано спрашиваю я, насколько могу конечно. — Где же ты его видела?

— Я столкнулась с ним в супермаркете.

Я хмурюсь.

— В каком супермаркете?

— «Моррисонс».

— Ты имеешь в виду маленький магазинчик рядом с вами?

— Ммм…

— Как же он там оказался? Он же не живет в тех краях, — говорю я, размышляя вслух.

— Понятия не имею. Он ничего такого не говорил.

— Что же он сказал?

— Не так уж и много. Был очень дружелюбен. Он пригласил меня и папу на ужин. Конечно же, я отказалась. И он пошел по своим делам, — мать сделал паузу. — Он не спрашивал о тебе или чем-то, связанным с тобой.

— Когда это было?

— Позавчера. Я хотела тебе вчера позвонить, но забыла. Я не сделала ничего плохого, не так ли? Я же не могла ему нагрубить.

— Конечно, ты не сделала ничего плохого, мам. Но если снова увидишь его, даже случайно, дай мне знать, хорошо?

— Конечно. Когда ты приедешь?

— В эти выходные?

— Отлично. Почему бы тебе не остаться у нас на ночь?

— Эм… скорее всего, не стоит. Но я обязательно приеду в субботу. Мы можем сходить за покупками, а потом я поведу тебя и папу на ланч.

— Ладно, дорогая. Хочешь поговорить с отцом?

— А что он делает?

— А как ты думаешь, что он делает?

— О, если он смотрит телевизор, то не беспокой его. Увидимся в выходные, — быстро говорю я.

— До свидания, дорогая.

— Увидимся, мам.

Я кладу трубку и звоню в офис Анне.

— Как прошел вчерашний вечер? — спрашивает она, с трудом скрывая свое любопытство.

— Эм… отлично.

— Отлично? — восклицает она. — И это все, что ты можешь мне сказать?

— Я расскажу тебе обо всем через минуту. Анна, Майкл случайно тебе не звонил?

— Майкл? Я последний человек, кому эта свинья, у которого кишка тонка, попытается позвонить, после того, как в последний раз все ему высказала, когда он попытался вызвать у меня к нему жалость.

— Точно, — растерянно отвечаю я. Просто мысль, что в моей жизни наконец-то все наладилось и стало все замечательно, и в этот момент появился Майкл, вызывает у меня дрожь. Я не могу пройти через все снова.

— Почему ты спрашиваешь? — тихо интересуется Анна.

— Думаю, что он звонил мне домой вчера ночью, и мама сказала, что она встретила его в супермаркете. Уверена, что это простое совпадение, но я хотела бы точно знать, что он не пытался тебе звонить.

— Совпадение? Мать твою! Я бы позвонила сейчас этой свинье, если бы была на твоем месте, и напомнила ему, что запрет по-прежнему в силе. Он не должен находиться рядом с тобой, а также членами твоей семьи.

— Я могу тебе перезвонить, Анна?

— Конечно. Я здесь со скуки помираю. Я хотела бы все-таки услышать, про красивый член неплательщика налога мистера Идена.

— Скоро вернусь, — говорю я с небольшим смешком и прерываю связь.

Точно. Анна права. Самое лучшее, что я могу сделать, это посмотреть проблеме в лицо и подавить любые поползновения Майкла в зародыше. Я набираю номер Майкла. Удивительно, но его номер, словно выжжен у меня в мозгу. Сама содрогаюсь от мысли, что снова звоню ему.

Звонок телефона отдается эхом у меня в ухе.

Но он не берет трубку, поэтому я оставляю жестокое сообщение, напоминая держаться подальше от меня, моей матери, моего офиса и всех моих друзей. Я напоминаю ему о судебном запрете, а также говорю, что если он когда-нибудь позвонит мне в середине ночи, я обращусь в полицию. Опять!

Думаю, он, наверняка не захочет повторения того, что случилось тогда.

*

Я стою за дверью Роба, держа свое заявление, чувствуя тугой узел сжавшихся нервов в животе. Мне уже не придется его бояться после сегодняшнего дня. Я стучу в дверь.

— Войдите, — кричит он.

Я открываю дверь и вхожу, он отрывает взгляд от каких-то бумаг, хмуро посматривая на меня.

— Что? — нетерпеливо спрашивает он.

Я быстро иду к его столу и кладу свое заявление.

Он прищуривает глаза.

— Что это такое?

— Это мое заявление об уходе.

Он распахивает глаза. Кажется, на секунду даже паникует.

— Что? — выкрикивает он.

— Я… эээ… я ухожу из Министерства Ее Величества по налоговым и таможенным сборам.

Он смотрит на меня, испытывая явно шок, ерзая на стуле. Я, конечно, не ожидала такой реакции. Мне всегда казалось, что он тайно не долюбливает меня.

— Почему? — наконец спрашивает он.

Я перевожу взгляд на пятно на голубом ковре.

— На самом деле, мы с вами говорили ранее на эту тему, о несправедливости налогообложения. Все это время я думала, что своей работой пыталась сделать как лучше, но выходит не совсем. Я работала в этой системе, которая в корне неверна.

— Понятно. И когда же произошли с тобой такие перемены?

Я пожимаю плечами. На самом деле мне не хочется обсуждать с ним Дома, тем более он очень сильно его не долюбливает.

— Думаю, это не столь важно, — говорю я. — Я пришла сегодня, чтобы отдать вам лично мое заявление об уходе и поблагодарить вас за все, чему вы меня научили. Я не вернусь сюда больше. У меня остался неиспользованный отпуск, и я хотела бы получить за него компенсацию.

— Не глупи, Элла. Независимо от того, где ты будешь работать, всегда будет присутствовать несправедливость. По крайней мере здесь, ты же знаешь, что заработаешь на хорошую пенсию, а также другие льготы.

— Послушайте, сэр. Очень мило с вашей стороны, что вы заботитесь о моем будущем, но я не могу остаться.

— Но ты наша восходящая звезда. У тебя настоящий талант, — говорит он.

Я смотрю на него во все глаза, удивляясь его комплименту. Он никогда мне такого не говорил и хвалил тоже редко.

— Благодарю вас, сэр, за такие слова. Э… они… много значат для меня, но я уже все решила. Я не могу больше здесь работать.

Он хмурится.

— На какую работу ты переходишь?

Я снова пожимаю плечами.

— Пока не знаю. Скорее всего, найду что-то временное на первое время и посмотрю, как все пойдет.

Он пододвигает мое заявление мне назад.

— Я не приму твою отставку. Мне кажется, ты действуешь импульсивно. Тебе стоит взять некоторое время, более трезво все обдумать.

Я не забираю листок со стола.

— Нет, я как раз все тщательно обдумала.

— Ты импульсивно бросаешься отличной карьерой. Я всегда видел тебя в качестве одного из менеджеров.

Он видел меня! На самом деле? Кто бы мог подумать, когда он так ужасно относился ко мне?

— Это не прихоть, сэр.

— Почему бы нам не поужинать сегодня вечером?

У меня расширяются глаза от испуга. Вау, Роб всегда так тщательно соблюдал дистанцию между нами, всегда был таким безучастным со мной, я даже не могу себе представить более ужасный способ загубить свой вечер. К тому же с ним у меня абсолютно нет ничего общего. Я отрицательно качаю головой.

— Это не свидание, — сухо говорит он.

Я вспыхиваю румянцем от смущения. Теперь ясно, почему я не желаю ужинать с таким бруталом, как он?

— Знаю, сэр. Конечно, это не свидание. Вы просто хотите попытаться уговорить меня

остаться, но в этом нет никакого смысла. Я приняла решение.

Он встает.

— Я думаю, ты совершаешь ошибку.

Я смущенно улыбаюсь. Мне никогда даже не могло прийти в голову, что он попытается остановить меня, считая меня ценным членом его команды. Из его слов я могу сделать единственный вывод — я была ему очень полезна, поскольку, если можно так выразиться, была «его ногами», и он мог отчитываться перед начальством о выполненных месячных квотах.

— Ты не хочешь взять отпуск, чтобы отдохнуть и спокойно взвесить свое решение? И если по какой-либо причине ты передумаешь, всегда можешь вернуться.

Я отрицательно качаю головой и начинаю отступать к двери.

— Нет, я уже приняла решение. Спасибо, сэр, за все.

— Подожди, Элла.

Уже открыв дверь, я оборачиваюсь, он находится всего в нескольких шагах от меня.

— По крайней мере закончи эту гребанную неделю, — говорит он сердито. — Ты собираешься оставить все это дерьмо в таком виде?

Я с удовольствием посмотрю, как он окунется в это дерьмо сам. Я качаю головой и решительно отвечаю:

— Всего хорошего, сэр, — и закрываю дверь, радуясь, что я приняла правильное решение.

Три недели спустя…

16.

Дом

Мама всегда просит кого-нибудь из нас отвезти ею приготовленную еду брату или сестре. Думаю, что таким образом, она заставляет нас чаще видеться друг с другом. Возможно, она права. Иначе я бы меньше с ними встречался, если бы не возникало каких-то проблем. На этой неделе я должен завести любимое лимонные капкейки Шейну, коробка с которым лежит у меня радом на пассажирском сиденье.

Я выключаю двигатель, забираю коробку, пересекаю внутренний дворик, направляясь к его дому. Мой брат — забавный парень. Его сложно понять, и на первый взгляд кажется, что он слабак, плейбой, но это всего лишь фасад, который он напялил на себя, потому что ему так удобно. На самом деле, все как раз наоборот.

На самом деле, он на много сильнее. Гораздо сильнее, чем я, во всяком случае. Я всего лишь обычный парень. Неандерталец, особенно когда дело доходит до женщин. Моя женщина — это только моя женщина и ничья больше. Шейн так не считает. Он не будет биться за женщину, чтобы ее удержать.

Как тогда произошло с Лили. Именно Шейн сначала заинтересовался ею, и привел ее на вечеринку к Джеку, Джек и Лили сразу же завертели свои отношения. Я понимаю, что Джек и Лили без ума друг от друга и все такое, но с какой легкость Шейн позволил Джеку увезти его женщину, меня, честно говоря, это шокировало. Я имею в виду, я бы такого не позволил точно. Я, конечно же, люблю своего брата, но все равно я бы врезал ему хорошенько. Я уверен, что не повел бы себя так, словно ничего не произошло и я какой-то слабак, с которым можно так поступать.

Меня так беспокоила эта ситуация, что я спросил Шейна, как он мог вот так запросто ее отпустить. Он пожал плечами и ответил: «Я могу получить любую женщину в любой

момент. Иногда открываю ящик на кухне, и оттуда уже выпрыгивает одна. Но я никогда не заменю Джека. Я бы отдал свою жизнь за него. Он — семья».

И вдруг я вспоминаю момент, когда мне было четырнадцать лет. Отца убили, и Джек занял его место, став главой семьи, поэтому его никогда не было дома. Мне тогда казалось, что моя семья развалилась, и по какой-то странной причине я злился на мать, обвиняя ее в том, что отец украл деньги у гангстера, который перерезал ему глотку.

Во мне проснулся дух бунтарства. Я прогуливал школу, шатался где-то, возвращаясь домой только поздно ночью, а когда приходил ни с кем не разговаривал. Я грубил и со мной трудно было иметь дело. Я воровал алкоголь в супермаркете и напивался. А пьяный, единственное, что хотелось мне сделать — подраться. Я постоянно дрался со всеми.

Шейну только исполнилось десять. Однажды поздно ночью я вернулся домой, уже почти заполночь. Лейла спала, Джека конечно же не было, дома были только мать и Шейн. Я вошел в дом и услышал странные воркующие звуки, доносившиеся из гостиной. Я на цыпочках подошел к двери, и увидел картину, которая навсегда изменила меня.

Мама положила голову на колени моему брату и тихо плакала, а он нежно гладил ее по щеке и бесконечно повторял странным, пронзительным голосом:

— Не волнуйся, ма. Не переживай. Все будет хорошо. Джек и я позаботимся о тебе. Дом скоро придет, он всегда так поздно возвращается. Не волнуйся, ма. Не переживай.

Я не вышел к ним, отойдя от двери. Я отправился в нелегальный, но работающий ночью паб, который полностью разгромил. Мне было так стыдно, что Шейну пришлось взять на себя мою роль в семье. Джек справлялся со свалившейся на него ответственностью, а я… я впал в… дерьмо. И никто из членов моей семьи не просил меня одуматься. Все ждали, когда я приду в себя.

Проснувшись на следующее утро с адским бодуном, я стал совершенно другим. Я с трудом поднялся с кровати, и больше никогда не забывал о силе характера Шейна, которую увидел в нем в таком детском возрасте. Я уверен, что его сила по-прежнему с ним, дремлет где-то глубоко. Он играет свою роль очаровательного плейбоя, но однажды реальный Шейн выйдет наружу во всей своей мощи.

Я открываю входную дверь в дом. Воскресный вечер, ночного портье нигде не видно и стойка ресепшент пуста. Я вхожу в лифт и нажимаю кнопку этажа Шэйна. Двери открываются, я выхожу из лифта, иду по небольшому коридору и стучу в его дверь. Он открывает, стоя в залятанной футболке и рваных джинсах.

— Как дела? — спрашивает он.

— В порядке, — отвечаю я и протягивая ему коробку с капкейками.

— Спасибо, — он берет коробку, тут же открывает ее и откусывает кусок. — Вкусно, — говорит он и протягивает мне коробку.

— Нет, спасибо, — отказываюсь я, он пожимает плечами и направляется в гостиную.

Мы одновременно заходим в комнату, и к моему удивлению я вижу своих племянников, которые начинают визжать от восторга, как только замечают меня.

— Где их родители? — спрашиваю я.

— Мамочка с папочкой и дядя БиДжей с тетей Лейлой пошли ужинать, — сообщает Лилиана.

Я с любопытством поглядываю на Шейна.

— Они оставили с тобой детей?

— А что тебя удивляет?

Я скрещиваю руки на груди.

— Они настолько тебе доверяют, что ты сможешь позаботиться об их детях?

Кажется, его забавляет мой вопрос.

— Да.

Я чувствую огромную обиду.

— Почему они никогда мне не предлагали посидеть с их детьми?

— Они очень любят своих детей, Дом, — говорит он с серьезным выражением на лице.

Я хмурюсь.

— Какого черта, это значит?

Он поднимает обе ладони, показывая свою капитуляцию.

— Умерь свой пыл. Шучу. Наверное, потому что ты ничего не знаешь о детях.

— А что тут нужно знать?

Он ухмыляется.

— Ты может поменять памперс?

Поменять памперс! Конечно, нет.

— А ты можешь? — спрашиваю я, искренне удивляясь. Теперь понимаете, что я имел в виду, говоря, что мой брат настоящая темная лошадка.

Он небрежно пожимает плечами.

— Конечно же!

— И когда ты научился этому?

— У меня была девушка с младенцем, — как бы между прочим сообщает он.

— А это сложно?

Он кладет последний кусок капкейка в рот и говорит:

— Элементарно, Ватсон.

— Только из-за этого они не доверяют тебе своих детей?

Он кладет коробку с пирожными на шкаф и поворачивается ко мне, на его лице отражается любопытство.

— Хочешь понянчиться с детьми?

Я смотрю на племянников и пару секунд колеблюсь.

Шейн улыбается.

— Глупости, я знаю, что ты не справишься, — его улыбка становится еще шире.

Отчего я тут же отвечаю:

— Конечно, справлюсь, — беспечно говорю я.

— Хорошо, тогда я оставлю тебя с ними.

— Подожди минутку. А ты куда?

Он смотрит на часы.

— Если я сейчас уйду, то успею отвести Таню поужинать.

Я хмурюсь.

— Ты собираешься оставить меня с ними одного?

— Таков план. Если ты думаешь… что справишься с ними.

Я опускаю взгляд на детей. Они сидят на полу, два маленьких ангела и наблюдают за мной огромными, любопытными глазами. Конечно же, я смогу с ними остаться. Что может пойти не так? Если Шейн может…

— Да, иди, — говорю я Шейну. — Расслабляйся. Я справлюсь.

Шейн, казалось только и ждал моего согласия, стягивая футболку через голову и

направляясь в сторону спальни. Он возвращается в комнату в свежей футболке. Мой брат настолько красив, что ему даже не нужно проводить чертовой щеткой по волосам.

— Тогда вот что, — бодро говорит он. — Все их вещи находятся в другой спальне. Через час дай им теплое молоко, оно уже налито в бутылки, тебе нужно просто дать его им.

Я медленно киваю.

— Справишься?

— Получай удовольствие, Шейн.

— До скорого, — говорит он детям, и подмигнув мне, выходит за дверь.

Я перевожу взгляд на детей.

— Вот мы и одни, — говорю я, подходя к окну, Шейн садится в машину и с ревом уезжает.

Вдруг раздается плач Томми.

Я бегу к нему.

— Что случилось?

— Я ущипнула его, — спокойной признается Лилиана.

— Зачем ты это сделала?

— Он ударил меня в самое сердце, — говорит она со слезами на глазах, показывая на грудь. — Мне больно.

— Он маленький еще, Лилиана. Он не хотел тебе причинить боль, — разумно объясняю я.

— Но он же ударил, — настаивает она на своем, я беру орущего Томми на руки. И вдруг чувствую ужасный запах, который явно исходит от него. Я удерживаю его на вытянутых руках, затем опускаю обратно на пол.

Лилиана смотрит на меня своими огромными обвиняющими глазами, и я чувствую подкрадывающуюся панику. Мне не следовало отпускать Шейна. Я прикрываю лицо руками, поскольку Томми все еще безутешно ревет.

— Черт побери, — бормочу я, снова поднимая его на руки. Я стараюсь его держать, как видел где-то, как следует держать младенцев на руках. Кстати Шейн делает именно так. Я стараюсь его прижать к себе, но от этого он начинает плакать еще сильнее, взахлеб. Мне ничего не остается делать, как посадить его обратно на пол.

— Ты не хочешь мороженого? — в отчаянии предлагаю я.

Томми мгновенно перестает плакать, смотря на меня заплаканными, полными надежды глазами. Его губы все еще дрожат, если я вдруг передумаю.

— Я крем, — счастливо кричит он.

— Да, мороженое, — улыбаясь повторяю я.

— Ему нельзя, — говорит Лилиана пугающе взрослым голосом.

От ее слов Томми падает на пол и плачет навзрыд, в отчаянии тряся головой.

— Я хоооочу крем. Я ХООООООЧУУУУУУУ крем, — повторяет он.

— Почему ему нельзя мороженое? — спрашиваю я Лилиану.

Маленькая леди, скрещивает на груди свои пухлые ручки и глядя мне прямо в глаза, говорит:

— Потому что нам двоим нельзя, нам не разрешают.

— Почему не разрешают?

— Там много сахара, а сахар вреден для детей.

— Ну, он чертовски хорош в малых количествах, — бормочу я.

— Я тебя предупредила, — говорит она.

— Да, предупредила, — отвечаю я, и поднимаю Томми подмышки, направляясь к кухне, она идет за мной. Если она настолько осторожна, то может не есть любимое мороженое Лейлы со вкусом джин-тоник.

У стены стоит детский стульчик, который я пододвигаю к кухонному островку и сажаю в него Томми. Запах исходящий от Томми, заставляет меня дышать, но через раз. Я открываю дверцу холодильника. По крайней мере несколько ложек их не убьет. Торжественно я достаю контейнер мороженого со вкусом печенье со сливками и показываю его Томми.

— Мммм, — говорю я и кладу его на прилавок.

Томми визжит от восторга.

Я поворачиваюсь к Лилиане.

— Это твой последний шанс.

Она моргает, и я знаю, что она сдалась.

— Я не скажу, если не хочешь, — тихо задабриваю я ее. Знаю это неправильно, подкупать ее таким образом, но какого черта. Сейчас чрезвычайная ситуация.

Она вдруг улыбается, и я узнаю в ней Джека, такая же великолепная улыбка. Что-то внутри меня сжимается, я ощущаю волну любви и нежности к ней.

— Я крем, — требует Томми, стуча рукой по контейнеру.

— Итак, — говорю я, накладывая Томми три шарика мороженого, потому что один мне кажется слишком мало.

Я подставляю стул и приподнимаю брови на Лилиану. Очень медленно с достоинством она подходит к стулу и садится на него.

Я ставлю перед ней миску.

— Ты знаешь, как менять памперсы, Лилиана?

Она торжественно качает головой.

— Нет, но мама знает. Мы можем позвонить маме.

Я зачерпываю ложкой мороженое.

— Нет, давай не будем.

— Папочка тоже знает как. Мы можем позвонить ему, — выдает она следующую гениальную идею.

Я опускаю контейнер на столешницу.

— Я знаю, что нужно сделать, — говорю я неестественно высоким голосом. — Мы изучим этот вопрос в Интернете, как только ты доешь мороженое?

Она начинает радостно подпрыгивать вверх и вниз.

— Хорошо.

Я достаю телефон и выбираю youtube, в строке поиска пишу — как поменять памперс ребенку, менее чем за минуту появляется ролик. Я опускаю телефон на стол, и мы вместе с ней смотрим видео, пока Томми размазывает мороженое по своему лицу, одежде и стулу.

Когда видео заканчивается, я смотрю на Лилиану.

— Ты готова?

Я отрываю пару кухонных полотенец, и пока собираюсь подойти к Томми, он умудряется сдвинуть свою миску, которая взлетает в воздух и падает вниз, разбившись и разметав по полу мороженое. Господи! Лилиана прикрывает рот обеими руками и смотрит на меня огромными, круглыми глазами, которые словно говорят: «Ой, ой, посмотри, что

произошло».

— Хочу, я крем, — Томми опять начинает реветь.

Господи. Оказывается, все гораздо сложнее, чем выглядело на первый взгляд.

Лилиана раскрывает рот.

— Дядя Шейн всегда дает Томми пластиковую миску.

— Отлично. Спасибо за подсказку, — бурчу я.

Я останавливаюсь на мгновение. Мне нужно подумать, но я не могу мыслить при таком крике. Эти дети с ума меня сведут. «Первое: нужно успокоить его, чтобы он не плакал, вернее так не орал. Он хочет мороженое. Она сказала про пластиковую миску. Отлично».

Мороженое.

Пластиковая миска.

Я открываю шкаф и нахожу зеленую пластиковую миску. Показываю малышу миску, и он перестает плакать. Кладу пару ложек в нее и ставлю перед ним. Он зачерпывает ложкой и кладет ее в рот.

— Он заболеет, — я уже догадываюсь кто это говорит.

— Нет, не заболеет, — огрызаюсь я.

— Ты на меня кричишь, дядя Дом? — ее нижняя губа начинает дрожать.

О нет, только не это.

— Нет, я даже не думал, — отрицаю я, навешивая на лицо фальшивую улыбку.

— Кричишь, — плачет она, сморщивая носик.

Бл*дь! Я направляюсь к ней.

— Это всего лишь шутка, милая. Я не кричал. Послушай, хочешь еще мороженого?

Она шмыгает носом и утвердительно кивает.

Я хватаю контейнер и кладу в ее миску четыре щедрые ложки. Я смотрю на нее, а она следит многозначительно за моей ложкой, замершей над ее миской.

— Еще? — недоверчиво спрашиваю я. Она однозначно великая королева драмы, утверждающая, что сахар вреден для детей.

Лилиана энергично кивает.

Я не верю своим глазам, поэтому кладу еще пару ложек.

— Благодарю, дядя Дом, — говорит она торжественно, и опускает свою ложку в мороженое. Пока они едят, я собираю осколки с пола. Мороженое быстро тает, но я успеваю убрать крупные куски бумажным полотенцем. Однако, понимаю, что мне придется отвести их в другую комнату, а самому вернуться и убрать этот беспорядок.

17.

Дом

Они поели, и я вытираю лицо, руки Томми, беру его на руки, и следующей за мной Лилианой, несу в другую спальню, которая сделана в веселых тонах, с двумя детскими кроватками. Должно быть они часто остаются у Шейна.

Я кладу Томми на спину на стол с прорезиненным ковриком на нем.

Лилиана брезгливо морщит нос.

— От Томми воняет.

— Еще бы, конечно, воняет.

Здесь лежит стопка памперсов, я беру один, раскрываю и кладу рядом. Расстегиваю липучки по бокам памперса Томми и открываю, оголяя его животик. Представший вид и жуткий запах дерьма, заставляет меня просто не дышать. Я имею в виду, серьезно не вдыхать

воздух. У меня поднимается тошнота. Мне становится так плохо, что я моментально закрываю памперс, приклеивая липучки на место по бокам.

— Не похоже, чтобы ты поменял памперс, — говорит Лилиана.

— Знаю, — отвечаю я, отворачивая в сторону голову и делая глубокий вдох чистого воздуха. Я вытаскиваю телефон и набираю номер Эллы.

Она отвечает на третий звонок.

— Привет, красавица, — выдыхает я в трубку.

В данный момент я не чувствую никакого возбуждения.

— Как ты отнесешься, чтобы поменять очень вонючий памперс?

— Эм… вопрос с подвохом?

— Нет.

— А звучит именно так.

— Послушай, мне нужно поменять памперс, а я не могу преодолеть рвотный рефлекс.

Она начинает хихикать.

— Я сейчас буду. Где ты?

— У Шейна. Я пришлю смс-кой тебе его адрес.

Как только я вешаю трубку, телефон снова звонит. Это Лили. Ох, бл*дь!

— Привет, Лили, — слишком радостно отвечаю я.

— Привет, Дом. Шейн сообщил нам, что ты сидишь с детьми. Как дела? — спрашивает она спокойно, но я слышу нотки паники у нее в голосе.

— Хорошо.

— Да?

— Да, — уверенно отвечаю я.

— Э… могу я поговорить с дочерью, пожалуйста?

— Конечно, — отвечаю я, поглядывая на Лилиану, и прикладываю палец к своим губам, выражая тем самым что Лилиане не следует упоминать про мороженое.

Она заговорщически кивает. Я одобрительно улыбаюсь и подымаю большой палец, типа «Все Окэй!»

Она берет трубку, слушает мать, а потом говорит:

— Да, но дядя Дом накормил нас мороженым. Томми съел несколько ложек, а я не ела.

Я в полном шоке смотрю на маленькую лгунью. Какая наглая ложь! Она вешает на меня дерьмо, спасая свою шкуру. Даже я не врал в ее возрасте. Черт побери, ее живот до сих пор даже не успел еще переворить мороженое.

— И, мама, — она честными глазами смотрит на меня, прежде чем продолжить свой донос: — Памперс Томми наполнен какашками, но дядя Дом не знает, как менять памперс. Он кому-то позвонил, чтобы ему помогли. — Она молча слушает, затем отвечает: — Неа. Неа. Хорошо, мамочка. Я люблю тебя так сильно, сильно при сильно. — И маленькая лгунья протягивает мне телефон назад. — Мамочка хочет поговорить с тобой.

Уверен, конечно же черт побери, хочет со мной поговорить. Ты, крысеныш-лгунья. Я смотрю в ее честные ангельские глаза и вырываю у нее телефон.

— Привет, Лили.

— К тебе приедет Элла, Дом? — напряженно спрашивает Лили.

Чертовый ад. Она догадлива.

— Да, — признаюсь я.

— О! Хорошо… э… через сколько?

— Через пятнадцать минут максимум.

— Отлично. Мы приедем через час. Хорошо?

— Да, просто фантастически.

— Увидимся. О, и Дом… больше не давай моей дочери мороженое, — говорит она, и я улавливаю смех у нее в голосе.

— Ни капли, — говорю я, заканчивая вызов.

— Мама разозлилась на тебя, да? — невинно спрашивает меня Лилиана.

Невероятно, она еще интересуется.

— А как ты думаешь?! Ах ты, маленькая проказница, — отвечаю я, но телефон снова звонит. Я смотрю на экран — Лейла. У меня вырывается стон. Ну, теперь то что?

— Привет, Лейла.

— Дом, где находится мой сын сейчас?

Я поворачиваюсь назад, где оставил Томми, и к своему ужасу его там нет. Я чувствую панику, поскольку в квартире стоит жуткая тишина.

— О, черт, — восклицаю я.

Совершенно спокойным голосом Лейла говорит:

— Он на кухне, Дом, — я бегу в сторону кухни. Лейла права. Он сидит у миски с кошачьей едой. И… О! Черт побери! Он, бл*дь, ест кошачий корм, зачерпнув полную пригоршню в свою ручонку.

— Я нашел его, — говорю я, поднимая его с пола.

— Что он делает? — спрашивает Лейла.

— Ничего, — отвечаю я, сажая его в стульчик.

— У тебя что-то еще, Лейла? — спрашиваю я, пытаясь вытащить кошачий корм у него из руки, а также изо рта.

— Хотела тебе сказать, поставить кошачью миску так, чтобы Томми не мог ее достать.

— Да. Обязательно сделаю.

— Позвони мне, если тебе что-то понадобиться, хорошо?

— Обязательно.

— Пока.

Я нажимаю кнопку завершения разговора и бросаю телефон на столешницу. Черт побери, детей и их дерьмо. Как взрослые справляются со всем этим дерьмом? Я вытаскиваю изо рта Томми кошачий корм, он старается изо всех сил проглотить хотя бы один коричневый горошек. Я вытираю руки.

— Дядя Шейн не разрешает Томми заходить на кухню, потому что ему нравится есть кошачий корм, — сообщает мне Маленькая Мисс Совершенство.

— Да? — У меня опять появляется очередное новое уважение к Шейну. Я понятия не имел, что сидеть с детьми настолько трудно.

— Ты должен следить за ним, или же он начнет пить из унитаза, — щебечет Лилиана, глубокомысленно кивая.

Я поворачиваюсь к ней, видно она по-настоящему наслаждается происходящим. Ну, ей меня не победить. Настоящий боец ничего не боится.

Я поднимаю миску с пола и кладу ее на столешницу. Затем беру Томми и иду прямиком в гостиную. Правда, я ощущаю себя, будто схожу медленно с ума. Я ничего не знаю про кошачий корм, поэтому хочу поискать в Google, как он может отразиться на здоровье ребенка, не заболеет ли Томми. Опустив Томми на пол, вспоминаю, что забыл свой телефон

на кухне. Я возвращаюсь на кухню за телефоном, захожу в гостиную, Лилиана стоит посреди комнаты, упирев руки в бок.

— Томми сосет хвост кошки, — объявляет она своим пассивно-агрессивным тоном.

— Какого черта? — я поворачиваюсь к Томми, и он действительно сосет хвост кошки. Я несусь к нему, хватая его на руки, стараясь прогнать кошку прочь, она шипит на меня и отказывается двигаться. Я сажаю Томми в манеж и протягиваю ему игрушечный поезд, стоящий на столе. Он визжит от восторга. Господи, когда приедет Элла? Я не переживу, если останусь с ними еще на несколько минут, поэтому хватаюсь за волосы.

— Мне скучно, — вдруг говорит Лилиана.

Я вытаскиваю руки из волос и с поддельным энтузиазмом, говорю:

— Итак, чем же мы займемся, пока тетя Элла не приедет, а?

Лилиана пожимает плечами.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Давай поиграем в прятки?

— Неа. Давай не будем играть в прятки. Как насчет, чтобы посмотреть телевизор?

— Ладно, — мило отвечает она.

— Lee Jaw, — говорит Томми. (Лии Челюсти, — пер.)

— Чтоооо? — я выпучиваю глаза.

— Маленький Люсьен, — поясняет мне Лилиана.

Я включаю телевизор, нахожу видео и нажимаю кнопку «play». Дети садятся на пол. Раздается звонок в дверь. О! Слава Богу. Я спешу открыть дверь, и Господи, как я рад увидеть Эллу.

— Привет, красавица, — говорю я, оглядывая ее с головы до ног. К моему ужасу, вижу Томми мелькающего у меня между ногами, прямиком ползущего за дверь. Честно говоря, я слишком потрясен его скоростью, поэтому просто заторможено наблюдая за его передвижением, но Элла хватает его за футболку.

Она улыбается мне.

— Когда они убегают от тебя, на самом деле, они не убегают. Они просто хотят, чтобы их поймали.

— Ох, красавица, я так рад тебя видеть.

Я втягиваю ее в квартиру и закрываю дверь.

— Послушай. Томми съел немного кошачьего корма, прежде чем я успел заметить.

К моему облегчению, она улыбается.

— Он ему не навредит. Ничего серьезного. Дети такие же крепкие, как старые ботинки, которые ты никак не можешь сносить. Иначе бы они не выжили, и человеческая раса бы погибла.

— Правда?

— Да. Мой брат вытащил мертвого таракана у кота изо рта и съел его. Мама была в шоке от такого удара, а брат чувствовал себя просто прекрасно.

Я с облегчением вздыхаю.

— Христа испытывал Дьявол в пустыне. Меня испытывают мои же собственные племянник и племянница.

18.

Элла

Я захожу на кухню, Дом стоит на карачках, вымывая пол, на самом деле мокрой губкой

он еще больше размазывает, создавая сладкие круги по всему полу. Я наблюдаю за ним в его такой милой беспомощности, и влюбляюсь в него еще больше. Не знаю, как ему удалось остаться быть настолько совершенно не приученным к семейной жизни, но сейчас он напоминает мне щенка, засыпающего у своей миски. Милого, забавного, красивого.

Он поднимает на меня глаза и внезапная паника отображается у него во взгляде.

— Где Томми? — тут же спрашивает он.

— Расслабься. Он в манеже с бутылкой молока.

Я слышу его вздох облегчения.

— А Маленькая Мисс Совершенство?

Я сдерживаю улыбку.

— Смотрит мультики.

— Как ты считаешь, это нормально трехлетнему ребенка разговаривать так, как она?

— Она опережает свое развитие, но дети сейчас более продвинутые, чем мы.

— Хорошо, — бормочет он.

Я улыбаюсь.

— Спасибо, — говорит он.

Я иду к нему.

— Помощь нужна?

— Думаю, что я почти закончил, — говорит он, оглядывая разводы на полу.

Я достаю из шкафа под раковиной тряпки и бутылку чистящего средства для пола. Тут же нахожу емкость, наполняю ее горячей водой из крана, выливаю немного чистящего средства и иду к нему. Забираю мочалку из его рук и взамен протягиваю мокрую тряпку. Я бросаю губку через всю кухню в раковину и присаживаюсь рядом. Подмигиваю и начинаю вместе с ним мыть пол. Он в точности копирует мои действия.

— Ты поменяла памперс, да? — как бы между прочим спрашивает он.

— Да, — я мочу тряпку в горячей воде и выжимаю.

— Без проблем?

— Да.

— Хммм… Хорошо.

Наступает тишина на несколько минут.

— Чем они кормят этого ребенка? — спрашивает он.

Я улыбаюсь, пока выжимаю тряпку.

— Не знаю. Может быть, мертвыми кошками.

— Я даже не мог себе представить, что от ребенка может так вонять, — говорит он с испугом, и он на самом деле вздрагивает.

Я пододвигаю к нему миску с водой.

— Мне кажется это лучше, чем пукать в постели.

Он замирает, выжимая тряпку.

— Давай с тобой договоримся. Если ты вдруг съешь дохлую кошку на ужин, и будешь пердеть в постели, просто дайте мне знать, и я поставлю миску для блевотины рядом с собой, — говорит он на полном серьезе.

Я начинаю так смеяться, что на запах у него срабатывает рвотный рефлекс, что падаю на спину. Он присаживается рядом со мной на корточки.

— Я никогда не говорил тебе, Элла Сэвидж, что ты самая вкусная и великолепная женщина?

— Потому что я вся перепачкалась в мороженом? — в ответ хихикаю я.

Он наклоняется и целует меня в нос.

— Нет, раньше. Задолго до этого, — рычит он.

Нас прерывает вопль ярости, переходящий в слезы из гостиной. Дом замирает на месте.

— Иди, — говорю я. — Я закончу здесь и присоединюсь к тебе.

— Нет, ты иди. Я закончу здесь и присоединюсь к тебе.

Я стараюсь не захихикать.

— Ты боишься их, Доминик Иден?

— Ужасно, — отвечает он.

Я целую его в нос и иду в гостиную. Томми заливается слезами, потому что Лилиана переключила канал.

— Так, — говорю я. — Больше не будем смотреть телевизор. Давайте почитаем.

Дети кажется обрадовались, я достаю Томми из манежа, мы вместе выбираем книгу и усаживаемся на диван. Когда Дом присоединяется к нам, дети сидят, прижавшись с двух сторон ко мне, и мы уже прочитали половину книжки.

Он замирает в дверях и минуту молча разглядывает нас, прежде чем садится перед нами на пол. После чтения, мы еще какое-то время играем с детьми.

Игра заключается в том, что Дом должен сказать:

— Фе фи Фо фам, я чувствую запах крови полу-цыганкой девочки и крови цыганского мальчика.

Наступает полная неразбериха, как только Дом начинает изображать зомби, гонясь за детьми, которые уворачиваются от него, визжат, кричат и истерически смеются. Стоит появится родителям в дверях, как Лилиана бросается к отцу.

— Томми разбил миску, папа, — тут же сообщает Лилиана, как только отец поднимает ее на руки.

— Я чувствую, от тебя запах мороженого, — с серьезным лицом говорит ей Джек.

Она закрывает рот рукой и отвечает.

— Томми ел мороженое.

— А ты не ела?

Она энергично отрицательно трясет головой.

Джек смотрит на меня.

— Моя дочь такая лгунья.

— Ты можешь сказать это еще раз, — бормочет Дом.

— Почему от моего сына пахнет кошачьей едой, дядя Дом? — спрашивает Лейла.

Дом начинает кашлять.

— Потому что дядя Дом не уследил за Томми, и он ел кошачью еду, — отвечает Лилиана.

— Сколько он съел? — удивленно спрашивает Лейла.

— Может, один горошек, — смущенно признается Дом.

Лейла ухмыляется.

— Мне кажется ты блестяще справился. Гораздо лучше, чем я думала. Что ты делаешь в следующее воскресенье?

Дом фактически отскакивает на шаг назад, и все смеются. Даже БиДжей улыбается, увидев не прикрытый ужас на лице Дома.

Когда родители с детьми уходят, Дом закрывает дверь и поворачивается ко мне.

— Не хочешь заняться сексом в квартире моего брата?

— Нет. Ты можешь отвезти меня поужинать, а потом заняться сексом у меня дома. Ты даже не можешь себе представить, что на мне одето под этой неприглядной одеждой.

Его глаза загораются.

— А что на тебе надето?

— Сюрприз.

— Пойдем, — говорит он, подталкивая меня из квартиры.

19.

Элла

— Я пойду оплачу стоянку автомобиля в автомате, — предлагаю я, открывая сумку и портмоне.

— Нет, оставайся в машине. Я сам оплачу, — говорит Дом.

Я качаю головой.

— Дом, это через дорогу. Я пойду, — настаиваю я, открыв пассажирскую дверь и выходя.

Я перехожу дорогу, вставляю монеты в гнездо за два часа и забираю квитанцию. Я поднимаю глаза, он вышел из машины и положил руку на крышу, смотрит в мою сторону. Ветер колышет его волосы, и он приглаживает их. Он выглядит таким великолепным, что у меня в животе начинают порхать бабочки, когда я смотрю на него.

Я улыбаюсь ему и ступаю на проезжую часть. Слышится громкий гудок, и я выхожу из своей задумчивости, из своего мира мечты, в котором существуем только Дом и я. Я поворачиваю голову, на меня едет белый фургон, поэтому быстро заскакиваю обратно на тротуар.

Фургон проезжает, и я перевожу взгляд на Дома, который стоит с опущенными руками по швам, и во все глаза смотрит на меня. Его лицо побелело, а рот открыт.

— Что? — спрашиваю я, качая головой.

Автомобиль проезжает мимо, проезжая часть свободна, я бегу к нему.

— Что? — снова спрашиваю я.

Он медленно качает головой, словно находится в заторможенном состоянии.

— Ничего.

— Ты побелел, как лист бумаги.

Он смотрит на меня странными глазами.

— Я?

— Да.

— Мне показалось, что тебя собьет автомобиль.

Я смеюсь, хотя смеяться не над чем и начинаю волноваться из-за его внезапной перемены. Его выражение лица и поведение настолько странное для меня, не похожее на него обычного, две минуты назад мы смеялись.

— Ну, этого же не случилось, — отвечаю я.

— Я знаю. Но мне показалось, — говорит он, как робот.

— Дом, он даже близко не был от меня, и потом у меня было достаточно времени, чтобы вступить на тротуар.

— Я знаю, — снова отвечает он.

Я беру его за руку, и испытываю шок, потому что у него трясутся руки.

— Что происходит, Дом? — тут же спрашиваю я.

— Ничего. Пойдем ужинать.

Я отдаю ему парковочный талон, и он кладет его на приборную панель, включает зажигание. Мы заходим в ресторан, садимся друг напротив друга. Я смотрю на него, он отводит взгляд в сторону.

— Дом, какого черта, происходит?

Он поворачивается ко мне.

— Оставь это в покое, прошу тебя.

Я вижу, что он очень взволнован, но я оставляю свои расспросы.

Приходит официантка, и он заказывает тройной виски. У меня непроизвольно поднимаются брови, но я ничего не говорю. Как только перед ним ставят стакан, он выпивает его залпом и требует еще.

Мы заказываем еду. Нам приносят блюда, и мы поглощаем их. Все это время мы натянуто общаемся. Он сообщает, что Лили только сегодня утром узнала, что опять беременна. Шейн начал встречаться с девушкой по имени Таня, увлекающейся ворожбой. Джек отправляет мать на отдых в Испанию. А я сообщаю, что мама пригласила нас на ужин в субботу. Он кивает и улыбается. Но его лицо по-прежнему маска.

Нам передают меню с десертами. Он отказывается, я следую его примеру. Он также отказывается и от кофе. И я понимаю, что он не хочет ехать ко мне домой.

Он отстраняется от меня, как бы отталкивая меня.

Это больно до безумия. Почему? Что я сделала? Как он может просто выкинуть меня из своей жизни без всякой на то причины? Я начинаю злиться, но не могу выразить свой гнев словами. Какая-то часть меня понимает, чтобы это ни было, по-видимому серьезно, что-то внутри гложит и съедает его. Счет оплачен.

— Пойдем, я отвезу тебя домой, — говорит он, поднимаясь.

Я киваю и забираю свою сумочку. Да, он наверняка хочет избавиться от меня. Мы идем к машине в молчании, в полной тишине едем домой. Подъехав к подъезду моего дома, я поворачиваюсь к нему.

— Я позвоню тебе завтра, — тихо говорю я.

— Да, хорошо.

Он наклоняется и едва целует меня в щеку.

— До свидания.

Он отпускает меня, словно я женщина, которая его совершенно не заботит. Я чувствую себя брошенной. Я вглядываюсь в его лицо-маску.

— Я сделала что-то не так, Дом?

Он отрицательно качает головой.

— Нет, это не ты, — и сжимает руль. — Это не ты, — снова повторяет он, как будто в этих трех словах кроется решение, что с ним происходит.

— Спокойной ночи, — говорю я.

— Спокойной ночи, Элла, — негромко отвечает он.

Я грустная и расстроенная выхожу из машины. Он ждет, пока я не войду в дверь моего дома, потом отъезжает. Я прислоняюсь к стене в фойе и прислушиваюсь к реву двигателя, исчезающего в ночи, не спеша поднимаюсь по лестнице в свою квартиру. Я захожу внутрь, в гостиной горит лампа. Я иду к дивану и тяжело плюхаюсь на него, словно весь мой мир рухнул.

Я люблю этого мужчину, и не могу понять. Человек закрыт для меня. Единственное,

когда он реальный со мной — в постели, но сегодня он отказался даже от меня.

Я чувствую нутром, что нас что-то связывает.

Он становился настоящим со мной, но достаточно ли этого?

Я иду в свою комнату и сажусь перед туалетным столиком. Смотрю на себя в зеркало — ошеломленная и потерянная, и мне хочется плакать, но я не плачу. Я говорю себе, что я сильная. Я смогу быть сильной для него и для себя.

Как-нибудь он расскажет мне, что случилось.

Когда-нибудь я заставлю уйти его демонов. До этого дня, я буду ждать и любить его. Я смываю косметику с лица, одеваю пижаму и заканчиваю свой туалет. Затем я возвращаюсь в гостиную, послушать музыку.

Я слушаю Heart Stairway to Heaven, эта грустная песня вызывает у меня слезы. Песня заканчивается, и мой телефон вибрирует — сообщение от Дома. Я с таким отчаяньем хотела открыть сообщение, что роняю телефон на пол. Тут же хватаю его и щелкаю на текст.

Ты еще не спишь?

У меня руки трясутся, пока я пишу одно слово: «Нет» и нажимаю кнопку «Отправить». Я закрываю рот рукой и жду. Телефон практически сразу же вибрирует ответом:

Не ложись в кровать. Приеду через 10 минут.

Я смотрю на текст, у меня такое чувство, будто я выиграла в лотерею. Я вскакиваю с дивана и бегу в спальню. Моментально снимаю пижаму, заменяя ее секси ночнушкой — прозрачной, с глубоким вырезом и маленькими перламутровыми пуговками. Я зажигаю ароматические свечи, накладываю блеск для губ, расчесываю волосы и прохожусь по запястьям духами.

Оставшись довольной своим внешним видом, я возвращаюсь в гостиную, и поскольку я дала ему ключ от своей квартиры еще на прошлой неделе, в сексуальной позе сажусь на диван. Я слышу, как ключ поворачивается в замке и поспешно поправляю волосы. Дверь открывается, он замирает в дверном проеме, слегка покачиваясь. Заходит и закрывает дверь, прислонившись к ней спиной. Я смотрю на него — он мертвецки пьян!

— Привет, тигрица, — заплетающимся языком говорит он.

— Привет тебе, — осторожно отвечаю я.

Он начинает подходить ко мне, оступается, приводит себя в равновесии, продолжая свой путь.

— Ты в таком состоянии вел машину? — недоверчиво спрашиваю я.

Он кивает.

— Господи! Дом. Ты же едва стоишь на ногах. Ты мог бы убить себя… или кто-то еще.

— Я никого не убил, — бормочет он, — но убью любого, если они тебя побеспокоят.

Я встаю.

— Я сварю тебе кофе, — отвечаю я, направляясь в сторону кухни. Да, я люблю этого мужчину, но с пьянством за рулем я не собираюсь мириться. Проходя мимо него, он притягивает меня к себе, я упираюсь в его твердое, накаченное тело.

— Я потратил много времени и денег, чтобы получить свой статус. Я еще не хочу трезветь, благодарю, — говорит он.

Я смотрю ему в глаза, в них нет напряжения, они слегка замутненны. Мне кажется, сейчас самое лучшее время.

— Хорошо, тогда давай посидим и поговорим.

Он медленно отрицательно качает головой.

— Я не для того приехал к тебе, чтобы сидеть и говорить.

— А что ты хочешь, Дом?

— Мне всегда хочется это делать с тобой, когда ты рядом, Элла.

У меня появляется дрожь. Вот оно. Отчетливое и ясное доказательство того, что я ничего для него не значу, кроме как потрахаться. Я влюблена в этого парня, а он, единственное хочет всего лишь трахаться со мной.

— Ты только этого хочешь от меня?

Он хмурится и внимательней присматривается ко мне.

— Аууу, Элла. У нас есть секс. Разве это плохо?

Я молчу.

— Пошли, детка. Лежачего не бьют.

— А ты лежачий?

Он выдыхает.

— А то ты не видишь.

— Что случилось, скажи мне, пожалуйста?

— Тебе лучше не знать.

Я с разочарованием смотрю на него.

— Но я хочу знать.

— Поверь мне, не захочешь знать.

Я смущена и заинтригована. Что же такое существует, чего я не захочу узнать?

Он снова хмурится.

— Я не могу тебе рассказать, — говорит он и проводит пальцем по моей ложбинке, посматривая мне в глаза. — Ты такая красивая, — шепчет он.

В свете свечей его глаза поблескивают, я шумно выдыхаю. Играет музыка. Он такой сладкий и пьянящий, и словно происходит волшебство, но сейчас это не так. Нас окружает чувствующая грусть. Он тяжело вздыхает, и глубокая морщинка появляется у него между бровей.

Я ощущаю тяжесть на сердце.

— Разные воспоминания скрываются в груди, — бормочет он, прикрывая глаза, а потом распахивает их — в них стоят слезы. Он такой уязвимый сейчас.

Дом приподнимает мою грудь, массирует сосок пальцами, и я чувствую знакомый зуд между ног. Его глаза темнеют, он коленом раздвигает мне ноги. Я прижимаюсь к нему всем телом, чувствуя, как его член упирается мне в бедро, пытаясь добраться до моей влажной киски.

— О, Элла, — стонет он, поднимая, покачиваясь несет меня к кровати.

Он бросает меня на постель и быстро, словно за ним гонятся, сбрасывает ботинки и одежду. Приземляется на кровать и сразу же перекатывается на спину.

— Скачи на мне. Я хочу видеть твое лицо, когда твоя горячая маленькая киска будет насаживаться на мой огромный член, — рычит он.

Я сбрасываю шлепанцы и сажусь на его бедра.

Он расстегивает две маленькие жемчужные пуговицы на ночнушке, моя грудь вываливается, и он скользит руками по ней, массируя.

— Ты настолько готовая и прекрасная, — бормочет он себе под нос.

Я выгибаю спину, подталкивая грудь ему в ладони.

— Раздевайся, — приказывает он.

Я стягиваю ночнушку через голову и швыряю ее на пол.

Он глубоко удовлетворенно вздыхает, обхватив меня за талию и притягивая к себе для поцелуя. Я опускаюсь на его твердую грудь, его губы накрывают мои. От него пахнет алкоголем и чем-то надломленным. Я не знаю, что это, и он не разрешает мне узнать, и это чрезвычайно болезненно для меня. Пальцем он проходится по припухшим губам моей киски, продолжая меня целовать. Я растворяюсь в его поцелуе, к одному пальцу он присоединяет второй. Я отстраняюсь, переводя дыхание, и пристально смотрю на него сверху-вниз.

— Перевернись и придвинь свою киску ко моему лицу, — говорит он.

Я поворачиваюсь к нему спиной и передвигаюсь на коленях, зависая, я чуть-чуть опускаюсь и поднимаюсь вверх, как змея извиваясь всем телом, так, наверное, делают танцовщицы, исполняющие танец живота, я вся открыта перед ним, и он видит насколько я мокрая и готовая, я даже чувствую, как из меня течет.

— Такая жаждущая, такая шикарная, — рычит он.

Он подхватывает меня за задницу, пока я поддразнивая вращаю ягодицами и приподнимает голову, высунув язык, тянется ко мне. Он дотрагивается до моего клитора, я хныкаю от его бархатного теплого языка. Он, удерживая меня с силой, заставляя опускаться к его языку, лизнув мои складки.

Всего лишь попробовав мой вкус, он сильнее тянет меня вниз, и я широко расставляю ноги, опускаясь на него, его кончик языка дотрагивается до моего входа. Он вздрагивает подо мной и окончательно притягивает к своему лицу. Я чувствую, как из меня текут соки, попадая ему в рот.

Я опускаю рот на его член.

Я провожу рукой от основания его эрекции, вбирая все глубже его толстый член в рот, кружа вокруг языком. Закрыв глаза, я начинаю двигать головой вверх-вниз, я выпадаю из существующего мира. Сейчас только — его рот на моей киске и его член у меня во рту.

Оргазм накрывает меня внезапно, без предупреждения. Я упираюсь ладонями в матрас и тяжело кончаю, с его членом, похороненным глубоко у меня в горле, соски пульсируют и покалывают, а тело поет.

От такого безумного оргазма у меня мелькает мысль, что я безнадежно пристрастилась к этому мужчине. Я пристрастилась к нему с того первого раза, когда он прижал меня к стене и засунул свой член в меня, не спрашивая при этом моего разрешения.

Скользкая жидкость выплескивает мне в рот. Ах! Я усердно начинаю сосать, выдаивая. Я охотно глотаю все, что он готов мне дать. Мне становится странным, насколько я обожаю свое собственное чувство полного, абсолютного подчинения этому мужчине. Я извиваюсь бедрами.

— Не смей двигаться, — предупреждает он меня.

Очень нежно я продолжаю сосать его полутвердую плоть. Я продолжаю это делать, пока она не увеличивается в объеме и не становится жесткой. Я отпускаю его и ползу к нему на коленях, остановившись своей киской над его эрекцией.

— Я хочу услышать звуки, которые ты издаешь, — говорит он.

Я опускаю пальцы на основание его члена, он стонет от удовольствия, пока его эрекция медленно входит внутрь меня. Как только он находится внутри, я начинаю двигаться на нем изящными, томными толчками, и его рычание наполняет спальню, пока мы не кончаем сильно сжимая друг друга, что остаются следы от его пальцев у меня на коже.

— Я не хочу спать, — шепчет он с жаром.

— Почему? — шепотом спрашиваю я.

— Именно в эту ночь я не хочу закрывать глаза. Я хочу трахать тебя всю ночь.

— Хорошо, — отвечаю я, но мы все-таки засыпаем, свернувшись калачиком друг напротив друга, как два щенка в корзине. И мы действительно крепко спим, пока в предрассветные часы его огромная рука не врезается мне в ребра, и я не открываю глаза.

Я сажусь на постели и наблюдаю, как Дом беспокойно двигает ногами и руками.

Я включаю лампу на прикроватном столике и трясу его за плечо, окликая по имени. Он открывает глаза, в них — ужас. Он переводит на меня взгляд, и его глаза расширяются от ужаса еще больше.

Он подскакивает с подушек и хватает меня за плечи, у меня такое впечатление, что я являюсь частью его кошмара.

— Я подумал, что ты умерла, — сообщает он мне странным голосом.

— Я не умерла, — отвечаю я.

От звука моего голоса он внезапно опускает руки. Он падает обратно на подушки и закрывает глаза.

— О! Мой Бог! — воет он, издавая вопль из глубины и с такой болью, что я не знаю, что мне делать.

Проходит несколько секунд, прежде чем я близко наклоняюсь к нему.

— Скажи мне, прошу тебя, Дом. Просто скажи мне, что происходит? — прошу я.

Он опускает свою руку на меня и говорит:

— Ты хороший человек, Элла. Но я просто больше не могу. Это ложь, все это ложь.

Он поднимается с кровати и начинает одеваться.

— Вы хочешь уйти? — спрашиваю я в недоумении.

— Прости, — отвечает он, и не поднимая на меня глаз, выходит за дверь квартиры.

Я полностью заторможена, понятия не имею, какого черта только что здесь произошло. Он вот так просто взял и, мать твою, порвал со мной?

Пиф-паф, мой малыш застрелил меня!

12.

Элла

Я стою у окна в полном оцепенении, слыша рев его машины, срывающейся с места, даже подпрыгиваю на месте от такого звука. Я не возвращаюсь в кровать, когда он уезжает, возможно из-за того, что не могу поверить, что он не вернется.

У нас все было хорошо. И мне кажется невероятным, что он вот так просто всю перечеркнул, хотя нет причин. Ничего особенного не произошло. Я сделала шаг на проезжую часть не глядя, но опасность мне не угрожала. Об этом даже странно думать.

Все это бессмысленно, ничего не имеет смысла.

Если это никак не связано с ужасным горем, которое живет в глубине него, что собственно я и видела в тот первый день нашего знакомства, когда вернулась в ресторан за зонтиком Роба. Когда обнаружила его свернувшимся калачиком от боли, и он всем своим видом напоминал мне раненого зверя. Он испытывал такие страдания и муки, что явно подходить к нему было опасно и любая попытка, оказания помощи, была сродни самоубийству.

Я не переставая вышагивала по своей квартире, останавливаясь, чтобы выпить двойную порцию водки. Я подхожу к окну, с недоумением глядя на пустынную улицу. С того момента как мы стали встречаться, мы ни разу не проводили ночь отдельно друг от друга. После двух

часов ожидания, я, наконец, признаюсь себе, что он не собирается возвращаться, во всяком случае не сегодня.

Я не плачу, сажусь перед телевизором. Понимаю, что смотрю фильм, но совершенно не слежу за сюжетом. У меня перед глазами стоит его лицо, когда он говорит, словно впечатывает нож мне в грудь: «Я просто больше не могу».

Что же мне делать? Я не подталкивала его и не торопила. Я выключаю телевизор и включаю CD-плеер, начинает петь Уитни Хьюстон I Will Always Love You. Песня просто вибрирует и проходится ножом по моим нервам. Я выключаю песню, устанавливается гнетущая тишина.

Я беру себя в руки и опять включаю музыку, выбирая Вангелиса — любимый композитор Дома. Красивая, печальная музыка наполняет комнату, но почему-то мне хочется услышать Stairway to Heaven. Задумчивая тоска и загадочная лирика под мое настроение. Я слушаю исполнение Heart, видно у меня такое же настроение, загадочное и задумчивое под стать этой песни.

Мне кажется, что аранжировка музыки вне времени, мелодия поднимается все выше и выше, как растущий цветок, показывая стремление хрупкой души, взывающей к чему-то настолько зыбкому.

Когда Heart заканчивает петь, я перехожу к Долли Партон, прослушав, я включаю оригинальную версию Led Zepplin, потом опять возвращаюсь к версии этой песни в исполнении Heart. Просто заставляя себя, я открываю свой ноутбук и смотрю на уличных артистов, которые тоже исполняют эту песню. Но снова и снова я возвращаюсь к Stairway to Heaven в исполнении Heart. Я слушаю и слушаю, словно впитывая каждый звук, каждый слог, такое впечатление, что решение моей проблемы скрыто в этой песне.

Но на самом деле решения нет.

Я — женщина, которая думала, что все, что блестит золото. А оказалась женщиной, строившей лестницу в небо, но Дом как-то сказал мне, что мой лестница колышется на ветру.

Начинается рассвет, а я все продолжаю слушать музыку.

*

Дом не звонит даже утром.

Я иду на работу, чувствуя себя полной развалиной. Открываю дверь в свой кабинет и с ужасом смотрю на свой рабочий стол. Я ненавижу эту временную работу, которую нашла на прошлой неделе, весь день он-лайн мне приходят жалобы о посылках, которые не доставлены вовремя или пришли с задержкой, потеряны или повреждены. Моя задача спокойно выслушать их жалобы и разочарования, и отправить их в соответствующие инстанции.

Тоскливая рутина, я даже до сих пор не могу поверить, что согласилась на эту работу. По крайней мере, когда я работала в Министерстве ее Величества по налогам и таможенным сборам чувствовала, что делаю что-то нужное. Там всегда было ощущение значимости во всем процессе.

Здесь же я винтик в необъятном колесе.

Возможно я зря не согласилась и мне стоило послушаться Дома, принять его предложение по поводу денег и как-то переждать, пока я не нашла бы лучшую работу. Но я не могла заставить себя взять у него деньги. Я слишком гордая. И в связи с сложившейся ситуацией, слава Богу, что я не брала у него деньги.

Неважно насколько ужасна эта работа, по крайней мере, она способна оплачивать мои счета.

Я сижу за столом и дергаюсь каждый раз, как только звонит телефон. Иногда я смотрю на него, пытаясь силой мысли заставить Дома позвонить мне. Я жду, я все время жду. Во время ланча, когда я больше не могу выносить эту пытку, звоню Джеку.

— Привет, Элла, — говорит он, слегка удивленно и с опаской.

— Привет, Джек. Я… э… могу я поговорить с тобой наедине… оооо..?

— Конечно, — сразу же отвечает он, и его ответ сообщает о правильности моих подозрений. Он точно знает, что происходит с Домом.

— Спасибо, Джек.

— Без проблем. Мы сегодня за городом, не хочешь приехать к нам на обед? Я могу послать за тобой машину.

— Нет, не стоит, я возьму машину у подруги. И я не присоединюсь к вам на обед, приеду до него.

— Ладно, приезжай в шесть тридцать.

— Отлично. Спасибо.

— Ты же знаешь, как до нас добираться, верно?

— Да. Я запомнила в прошлый раз.

— Увидимся.

— Джек?

— Да?

— Спасибо, что ты согласился со мной встретиться, это ценно для меня.

Я слышу его резкий выдох.

— Хорошо, Элла. Я всегда рад помочь.

*

Я останавливаю корпоративный автомобиль Анны рядом с Мерседес-бенц Лили и иду к входной двери. Пригладив волосы, дотрагиваюсь до кольца на дверь. Лили с улыбкой открывает дверь.

— Привет, — здоровается она.

— Привет, — смущенно отвечаю я.

Она открывает дверь шире.

— Заходи.

Я захожу в дом. Лили — одна из тех женщин, которая имеет все — счастье, красоту, любовь и богатство.

На ней надето длинное до щиколоток платье, поддерживаемое воротником-петлей на шеи. Это одно из тех платьев, которые я точно знаю стоит бешенных денег. Увидев на ней такое платье, если бы я до сих пор работала налоговым инспектором, то отправилась бы к компьютеру, чтобы посмотреть совпадают ли налоговые отчисления ее мужа с уровнем расходов, но эти времена в прошлом. Сейчас у меня такое чувство, будто сотрудником налоговой службы Ее Величества я была в другой жизни или в своих мечтах.

Я улыбаюсь ей.

— Поздравляю. Я слышала, что ты беременна.

Она потирает живот и довольно улыбается.

— Да, спасибо, Элла. Как ты поживаешь?

— Хорошо, — отвечаю я.

— Джек ждет тебя. Он в своей берлоге, т. е. в кабинете. Не хочешь сначала выпить чего-нибудь, прежде чем идти к нему?

— Нет, спасибо, — вежливо отказываюсь я.

Лилиана выскакивает в холл и кричит:

— Тетя Элла, тетя Элла.

Она одета в розовую юбку и футболку, на которой жирным шрифтом написано: «Моя мать думает, что она Босс». Я опускаюсь перед ней на корточки.

— Ой, посмотри, как ты выросла после нашей последней встречи.

— Это было вчера, — презрительно отвечает она, фыркая.

— Боже мой. Да, это было действительно вчера.

— У меня какашки сегодня были синего цвета, — вдруг заявляет она.

— О! — восклицаю я.

— Лил, — выговаривает ей мать, — что я тебе говорила — не рассказывать всему миру о цвете какашек?

— Тетя Элла не весь мир, — спорит Лилиана с безупречной логикой. Она поворачивает свое милое личико ко мне. — Мои какашки были из сахарной глазури.

Я распрямляюсь и смотрю на Лили.

— Она вчера была на дне рождения Томаса и объелась голубой глазури с торта-паровозика с вагончиками, — объясняет Лили.

Я растеряна, но я начинаю хихикать, поскольку звучит это мило.

— Где же дядя Дом? — требует ответа Лилиана.

Смех тут же замирает у меня в горле.

— Я… я понятия не имею, — произношу я, хотя сама мысль меня очень печалит, причем гораздо больше, чем я ожидала.

— Лил, тетя Элла пришла к папочке. Не задерживай ее, — Лили смотрит мне в глаза с обнадеживающей улыбкой. — Ну же, Элла. Его кабинет в конце коридора.

— Увидимся, Лилиана, — говорю я девочке, направляясь по коридору.

— Я тоже хочу пойти к папочке с тетей Эллой, — слышу я жалобный голос Лилианы.

— Нет, ты не можешь пойти.

— Почему не могу? — требовательно спрашивает шалунья.

Я уже не слышу ответа Лили, потому что прошла вглубь, или они перешли в одну из других комнат. И у меня возникает мысль — я не часть этой семьи и похоже никогда не буду. Я останавливаюсь на мгновение перед дверью в конце коридора, сделав глубокий вдох, стучу.

Дверь тут же открывается.

— Входи, — радушно приглашает меня Джек.

На нем черная футболка и серые джинсы, и должна признать в его присутствие я начинаю нервничать. Он такой большой и выглядит устрашающе, как Дом, но у него нет изъянов, нет слабостей. У него нет таких секретом, которые вызывают у меня грусть. Он одним из тех непробиваемый, осмотрительных и сдержанных людей. Он всегда представлялся мне главой всей семьи. Он охраняет семью, с такой же яростью, как львица охраняет своих новорожденных детенышей.

Горе любому, кто попытается обидеть его родных.

— Спасибо, — спокойно говорю я, делая шаг в широкий с деревянными панелями кабинет, с мягкими коврами, тяжелым деревянным стол в углублении, с другой стороны

стоят дорогие кожаные диваны. Здесь, словно в воздухе присутствует запах богатства и чувствуешь себя в безопасности. Внешний мир остается за окном. Здесь же Джек — Король, и отсюда он управляет своей империей.

Он жестом указывает на диван.

Я иду за ним, еле переступая ногами, превратившимися в желе, кожа покалывает иголками от нервного напряжения. «Перестань, — говорю я сама себе. — Тебе нечего бояться. Я на стороне Джека и не хочу никак задеть Дома. Я люблю его, но с ним что-то происходит, что-то очень болезненное, мучительное, и я просто хочу ему помочь».

— Я как раз собирался выпить. Не хочешь присоединиться ко мне? — спрашивает он.

Я начинаю трясти головой, а потом прихожу к выводу, что мне нужно что-нибудь покрепче, чтобы успокоиться.

— Я буду тоже, что и ты.

— Я буду виски, — говорит он, я киваю.

Он подходит к бару-тележке, наливает на два пальца виски в два стакана и идет в мою сторону. Пока он пересекает комнату, последние лучи вечернего садящегося солнца из окна попадают ему на лицо, и я снова поражаюсь насколько красивы все братья Иден.

Я беру стакан и подношу к губам. Виски крепкий и падает в мой пустой желудок, как жидкий огонь.

Джек молчит, просто смотрит на меня с нарочито ничего не выражающим взглядом. Я знаю и чувствую, что перво-наперво он хочет защитить своего брата — естественный инстинкт. Цыгане держаться вместе и стоят друг за друга горой. Для них кровное родство — все. Он сможет мне помочь при условии, если этого будет на пользу его брату.

Да, к черту все. Я решила взять быка за рога.

— Прошлой ночью Дому приснился кошмар. Я разбудила его, и ему показалось, что я умерла. И тогда он… он… он сказал, что больше не может продолжать наши отношения и ушел от меня. Я не виделась с ним с тех пор. Ты не мог бы сказать мне, что могло бы помочь мне понять, что происходит на самом деле, Джек? Я… я… действительно… ммм… влюблена в твоего брата.

Сострадание отражается у него на лице и жалость. Он делает глоток виски и отводит взгляд в сторону. Секунды проходят в молчании, кажется, он заглядывает в далекое прошлое, и его очень сильно огорчает.

Наконец, он поворачивается ко мне.

— Когда Дому было семнадцать лет, он влюбился в девушку, ей было шестнадцать. Она была веселой, необузданной, настойчивой цыганкой. Ее звали Вивьен. Он решил, что они родственные души, потому что они оба были настолько необузданы в своем нраве, и этим были схожи. Они понимали друг друга с полу слова, собственно заканчивали предложение друг за друга. Он сразу же захотел на ней жениться, но я сказал, что нужно подождать, пока ему не исполнится восемнадцать.

— «У тебя вся жизнь впереди. К чему такая спешка?» сказал я ему. На самом деле, она мне не очень нравилась, ему она не подходила. Она была совершенно неуправляемой. Она все время попадала в какие-то рискованные ситуации. И все время подначивала его пускаться с ней в новые и опасные приключения. Она предлагала такое, из-за чего его могли посадить за решетку. Вместе они напомнили мне Бонни и Клайда. Я надеялся и молился, чтобы это долго не продлилось, и он остынет.

— Но я ошибался. Его любовь не умерла, а становилась только сильнее. Они стали

неразлучны. После его восемнадцатилетия, я неохотно, но начал готовиться к свадьбе. Все было готово. Через месяц они бы поженились, но совершила нечто, никто никогда не мог бы и предположить. Не знаю, как ей это удалось, но она спряталась на контрабандистской лодке, лодке Дома.

— Была ночь, море штормило, что-то произошло, она упала за борт и ее относило прочь.

21.

Дом

С быстротой чайки, Вивьен вывалилась за борт. Она бросилась к своей судьбе, находясь на расстоянии моей руки, я мог бы дотянуться до нее, если бы только протянул руку.

Лишь на мгновение я увидел ее ужасную гримасу, но она навсегда запечатлелась в моей душе. Широкий смеющийся рот превратился в темную дыру на ее белом лице, и красивые, огромные глаза наполнились шоком. Она безрассудно размахивала руками, когда ноги взмыли ввысь… О Боже! Она отчаянно искала за чтобы ухватиться, но не было ничего, кроме соленого воздуха и косого дождь.

Главное правило, выкованное, словно из железа:

Если ты упал за борт, это твои чертовые похороны. Лодка не остановится НИКОГДА.

Один взгляд на Престона и Далласа, и я понял, они не собираются останавливаться. Не было ничего удивительного, поскольку они оба были невменяемыми психопатами. Именно поэтому Джек предпочитал не иметь с ними ничего общего. Но я, я работал с ними. Мне приходилось работать с самыми опасными отморозками в Великобритании, чтобы доказать, что я крутой парень.

Так что…

Они не останавливались. Я не мог одолеть их, они оба были вооружены. У меня был только один выбор. Я даже не задумывался и не колебался ни секунду. В мгновение ока я вытащил спасательный жилет из-под навеса, прицепил его на руку, и перемахнул за борт в бурлящее море.

Попав в воду, я стал погружаться в кромешную черную бездну, полную пузырьков. Используя руки, дергая и брыкаясь, пытался всплыть вверх, вырвавшись на поверхность глотнул воздуха. Я знал, когда прыгнул за борт, что море неспокойно и коварно, но в свете три четверти Луны оно выглядело, словно я оказался в центре кипящего черного мазута.

К счастью, это было в конце июля, вода была холодной, но еще не сковывала мышцы холодом. Я бы сказал, что вода была чуть более пятидесяти градусов по Фаренгейту (10 °C). В такой температуре человек может выжить нескольких часов, потом наступает переохлаждение, и то человек может выжить, если одет в спасательный жилет или за что-то держится.

На мне был GPS трекер, и я знал, что Престон или Даллас сообщат о случившемся Джеку, и он придет мне на помощь. Но может пройти несколько часов. Я мог бы выжить, но как насчет Вивьен? Она не была крупной и высокой, и шок от падения в воду заставил ее наглотаться соленой воды. Я с отчаянием осмотрелся вокруг.

Пока ты в полном одиночестве не окажешься среди бескрайней воды, ты не поймешь насколько ты мал и ничтожен. Я напоминал себе пробку, качающуюся на бескрайнем, беспокойном ландшафте, на котором больше ничего не было, ни одной чертовой хрени. Он проглотил все.

Ее нигде не было видно.

Я позвал ее по имени, но двигатель лодки заглушал мои крики. Я успокаивал себя тем, что она не боится воды и хорошо плавает, что она молода, сильна, и зацепив рукой спасательный жилет, я стал быстрее плыть к месту, где она упала.

Но по правде говоря, я был в ужасе. Мне никогда не было так страшно. Во мне бушевал адреналин, паника только усиливала скептицизм, я не верил, что это реально происходит со мной.

Я вспомнил слова отца, который говорил: «Не метаться, парень. Держись сколько сможешь, как поплавок. И, бл*дь, не перебирай руками, ты охлаждаешь тело, пользуйся ногами. Тебе нужно сохранять тепло. Сохраняй тепло своего тела, берегите его…», но мои руки и ноги сами собой двигались в сторону. Я не задумывался сохранять тепло.

Больше уже не слышался звук мотора, и я перестал плыть. Барахтаясь в воде, я позвал ее, и стал слушать. Ничего. Где она, мать твою? Сердце так колотилось, что я слышал, как его стук отдается в ушах. Я знал, что если не доберусь до нее в ближайшее время, она умрет.

Я повернулся вокруг, всматриваясь в темные, беспокойные воды, надеясь и молясь. А потом я увидел ее. Она недавно покрасила волосы в самый ужасный оранжевый цвет, я ненавидел его, но сейчас он светился над водой, как водоросли в лунном свете.

Господи!

Она была лицом вниз! Как куклу, которую бросили в волны.

Мать твою, Вивьен! Ты планируешь утонуть молча.

Быстро работая ногами, я подплыл к ней и захватил в медвежьи объятия ее безжизненное тело. Меня это напугало, она была на себя не похожа. Схватив ее за руку, я перевернул ее лицом вверх. Все еще держась за нее, я поднырнул, вынырнув с другой стороны, теперь ее спина лежала на моей груди.

Ее глаза были закрыты, кожа холодная и синеватая, и ее голова склонилась на бок. Я сжал ее предплечья, чтобы разблокировать ее дыхательные пути. К моему ужасу, я прижал ее с такой силой, что услышал треск. Я испугался не сломал ли ей ребра. «Сломано ли у нее ребро или нет не имеет значения, если она мертва», — сказал голос у меня в голове.

Внезапно я испытал самый жуткий страх.

Не знаю, как мне удалось такое проделать с усиливающимися волнами со всех сторон и бесконечными брызгами, ударяющими нам в лицо, но я крепко схватил ее, зажал ей нос и стал дуть в рот, одновременно нажимая на ее диафрагму тридцать раз дважды в секунду. Я продолжал проделывать это, пока она не стала кашлять, и ее вырвало соленой водой, и она начала глотать ртом воздух.

Я почувствовал прилив такой радости. Быстро надув спасательный жилет, я стал массировать ее дрожащее тело, поближе прижимая ее к себе. Она медленно возвращалась к жизни. Первое, что она сделала, черт побери, извинилась.

Меня это так разозлило.

— Заткнись, Вивьен, не смей извиняться. Мы же пообещали друг другу, что никогда не будем извиняться. Мы необузданные, помнишь?

— Я не могу поверить, что мы пойдем на корм акулам, — сказала она, в ее голосе не было страха. Возможно, от того, что она была в шоке.

— В этих водах нет акул, они слишком холодные для них, — ответил я, яростно растирая ей руки. Я знал, что спасать нас будут еще не скоро.

— Вот так и заканчивается моя жизнь, — сказала она с удивлением.

Ее слова с такой силой ударили меня в грудь, словно я свалился с лошади.

— Ты же не умираешь. Перестань нагонять, черт побери, драматизм.

Она слегка повернула голову и посмотрела на меня с грустью.

— Я чувствую себя такой идиоткой. Это самая глупая вещь, которую я когда-либо совершила. Я не могу поверить, что умру из-за своей собственной глупости, — прошептала она, но к ней пришла еще одна мысль. — О Боже, Дом. Я была такой эгоисткой. Ты тоже умрешь.

— Ни один из нас не умрет. Джек скоро прибудет сюда.

— А что если он не приедет? Он не любит меня, ты же знаешь, — сказала она.

— Перестань говорить глупости. Почему он тебе не нравится?

— Ты такой дурак, Дом.

— Он приедет.

— Что если он не поспеет вовремя?

— Он поспеет, — сказал я, отплевываясь соленой водой.

— Прости, малыш.

Я почувствовал гнев.

— Прекрати извиняться. Я бы сделал опять тоже самое.

— Если я умру, ты выйдешь за другую?

— Я никогда не женюсь ни на ком, кроме тебя, Вивьен.

— Я не вынесу этого, если ты выйдешь.

— Послушай, черт побери, не будем об этом, хорошо?

— Ты обещаешь?

— Я обещаю.

— Я вернусь и буду преследовать тебя, если ты так сделаешь.

— Ты не умрешь, поэтому это глупая дискуссия.

— Но, если я все же умру. Не влюбляйся больше ни в кого.

— Ты не умрешь, — сквозь зубы отвечаю я.

Она не переставала говорить больше часа, потом мы оба в основном молчали. Мы только проверяли, живы оба или нет. Я продолжал поглядывать на часы каждые несколько минут. Никогда так медленно не тянулось время. Я перестал чувствовать свои ноги, мне казалось, что уже прошло несколько часов, поэтому с силой стал ими двигать.

Вивьен больше не дрожала, в ней появилась какая-то странная вялость. Я знал, что в таком состоянии она долго не продержится. Я перевернул ее к себе, прижав к груди. Движения мне давались уже с трудом, но я не знал, что еще сделать, чтобы ее согреть.

— Не двигайся, если не хочешь. Даже не двигай ногами. Оставайся на месте и сохраняй свои силы, — сказал я ей.

— Боюсь, Дом. Я боюсь умирать, — ее голос дрожал от волнения.

— Нет, ты не х*я не умрешь. Я не позволю.

— Мое свадебное платье. Ты так и не увидишь меня в свадебном платье, — простонала она мне в шею.

Неприятный привкус океана был у меня во рту.

— Я бл*ть увижу тебя в свадебном платье, даже если мне придется похоронить тебя в нем, — зарычал я.

Она хихикнула слабо и лениво. Она ускользала. Я чувствовал это так же, как мои руки настолько онемели, что я не мог их чувствовать.

— Это не больно, как я думала. Я больше не боюсь. Это тихо и спокойно, на самом

деле, словно ты падаешь во что-то мягкое и темное.

Я крепче ее схватил.

— Вивьен, ты должна бороться. Останься со мной.

— Эй, малыш! Посмотри на эти огни. Они прееееекрасны.

— Какие огни?

— Ты не видишь их?

— Нет.

— Ох, мне жаль тебя. Они оооочень красивые.

Я опустил взгляд на ее лицо, оно было каким-то одухотворенным, не таким, когда я обнаружил ее, но заставшим. Я пришел в ужас.

— Вивьен, посмотри на меня, — закричал я, но она находилась в таком восторге от этих призрачных огней, что не хотела поворачивать голову в мою сторону. Я схватил ее за подбородок и повернул к себе ее лицо. Ее глаза были стеклянными и пустыми, казалось, они были не способны сфокусироваться на мне. Она издала небольшой, бессвязный звук, то ли неудовольствия, то ли раздражения.

— Огни. Я хочу увидеть свет, — умоляюще промямлила она.

Я отпустил ее подбородок, и она отвернулась, с восхищением смотря на свой свет, который видела только она. Я с отчаянием огляделся вокруг в пустой черноте, простирающейся вокруг нас. И я стал молиться, я молился и молился, чтобы нас нашли.

Хотя у меня было такое чувство, что в этой воде мы были уже вечность.

Я с трудом чувствовал ноги, уставшие ноги отказывались толочь воду, как в ступе, и я отчетливо понимал, что она отказалась бороться с холодом. Даже призрачный свет ее больше не интересовал, ее глаза были закрыты. Ее тело, несмотря на все мои решительные меры, не хотело бороться за жизнь. Сердцебиение становилось все слабее и слабее. Если я не сделаю что-то в ближайшее время, оно остановиться. Долю секунд ее мозг будет жить, а потом умрет. Я с трудом встряхнул ее, сжимая сильнее в своих объятиях, и она с трудом и неохотно открыла глаза.

— Слышишь, — произнес я с волнением. — Джек уже едет. Я слышу мотор его лодки.

Казалось, она стала прислушиваться.

— Я не слышу, — заторможено и сонно пробормотала она.

— У тебя вода залилась в уши, поэтому ты не слышишь, — соврал я.

Она слабо улыбнулась, даже не понимая, что делает.

— Я так счастлива, он отвезет меня к маме, — сказала она, и я улыбнулся в ответ, но моя улыбка превратилась в гримасу ужаса, ее сердце остановилось, и она умерла с радостью предполагая, что будет спасена.

Я не мог в это поверить.

Я слышал о людях, умирающих с облегчением и радостью на лицах, думая, что их спасут, но я никогда не думал, что такое может случиться с ней. Я продолжал удерживать ее тело, прижав к своему. Это невозможно, но она ушла. Я не мог понять, она была настолько живой, настолько любящей жизнь, такой бесшабашной, как она могла поддаться смерти. И насколько яростной и все поглощающей была моя любовь к ней, но и она не смогла ее удержать. Я пытался ее удержать каждой клеточкой своего существа, но она ускользнула, как песок из сжатого кулака.

Я попытался ее вернуть, растирая ей руки и ноги, делала дыхание рот-в-рот, но Вивьен уже не была со мной. Боль и ужас от ее потери разрезали меня живьем, невозможно

передать словами мою боль, и видно, чтобы как-то выплеснуть ее, я стал кричать. Я кричал и кричал, как сумасшедший. Я сыпал проклятиями, я ругался, рыдал, пока был способен на это.

Потом я поцеловал ее холодные, синие губы.

— О, Вивьен!

Перед моими глазами возник ее образ, словно мираж — у нее была красная роза в волосах, и она прошептала мне: «Ты мой цыганский барон. Ты всегда будешь моим цыганом героем».

— О, Вивьен!

Однажды была возможность вернуться домой…

https://www.youtube.com/watch?v=LjOl0fG72ZE (у нас это видео извлечено, прим пер.)

https://www.youtube.com/watch?v=L7BegrjW9bs

22.

Элла

— Когда мы вытащили их из воды, Дом был почти такой же синий, как и Вивьен. Он не произнес ни единого звука, не кричал, не плакал, ничего. Его пальцы мертвой хваткой сжимали ее труп, и нам пришлось какое-то время подождать, прежде чем мы смогли ее оторвать от него. Он смотрел остекленевшими глазами в одну точку. Я окликнул его, он медленно повернул ко мне голову, но смотрел на меня так, словно не узнавал, словно я был для него незнакомцем.

Джек замолчал, содрогнувшись от страшных воспоминаний.

— Я принес его к себе домой и положил в свою кровать. Он проспал три часа. Потом у него открылся понос от морской воды, которой он наглотался, и начались неконтролируемые спазмы мышц, его всего трясло. Он был очень плох, я с Шейном по очереди выхаживали его. Он пропустил ее похороны. Они похоронили ее в свадебном платье, учитывая волю покойной. Она сказала своей матери, что если умрет до свадьбы, то ее следует похоронить в ее свадебном платье.

Пока Джэк рассказывал, я чувствую онемение и холод в своем теле, и непроизвольно обхватываю себя руками, продолжая внимательно слушать его.

— Дому было так плохо, что в какой-то момент мы подумали, что он умрет. Но, слава Богу, все обошлось. У него крепкий организм, несмотря на то, что явно не хватает мозгов. В течение недели ему снились жуткие кошмары, он так брыкался, что уронил прикроватную тумбочку и с криком просыпался на полу. Он был похож на сумасшедшего, обвиняя во всем себя. Он не мог смотреть на ее фотографию, потому что приходил в неконтролируемую ярость. Я собрал все ее фотографии и спрятал.

А потом в один прекрасный день, я застал его на кухне, когда он делал себе омлет.

— Хочешь? — спросил он, и я понял, все будет хорошо, кризис миновал. Мы вместе поели, он поблагодарил меня за все и ушел.

Джек смотрит на меня мрачным и печальным взглядом.

— С тех пор других женщин в его жизни не было. На одну ночь были, проходящие тоже были. Но не было ни одной женщины, несмотря на то, что они очень старались, и поверь мне, когда я говорю, что они очень старались завязать с ним отношения и подобраться к нему поближе, то это именно так. Пока не появилась ты.

Джек замолкает и отпивает виски, неотрывно глядя на меня поверх стакана.

Я опускаю глаза, потому что где-то глубоко в сердце я чувствую мимолетную вспышку

радости от его последней фразы.

— Не отказывайся от него так быстро. Он зашел слишком далеко с тобой, — говорит Джек, словно пытается продать мне идею остаться в отношениях с Домом. А если ему я не нужна?

Я смотрю на него в упор, но он отводит глаза. Не сразу правда, но он не может смотреть мне в глаза! Он делает еще один маленький глоток, потом все же поднимает на меня взгляд. Я внимательно разглядываю его. Да, сейчас он спокойно смотрит на меня, но момент ранее он не смог выдержать мой взгляд, не смог.

— Есть же что-то еще, не так ли? — спрашиваю я.

Он вздыхает. На самом деле, вздыхает с облегчением, словно у него сняли огромное бремя с плеч.

Он молча кивает, встает и идет к своему столу. Открывает последний ящик и достает альбом с фотографиями. Он переворачивает страницы, доходя до середины, и направляется обратно ко мне. Он протягивает мне открытый альбом.

Я также молча беру его и кладу на колени. Этот альбом один из тех давнишних альбомов с калькой между страницами, и все фото вставлены в специальные уголки. Я смотрю на фотографию. Фото сделано перед каким-то храмом, ярко светит солнце, на мне надета цветная футболка с розовой тесьмой и длинная цветная юбка. Похоже, так принято в этой стране. В Индии, пожалуй, нет скорее в Азии.

Но я никогда не была в Азии.

Через долю секунды я испытываю настоящий шок и поднимаю глаза на Джека, который возвышается надо мной и с жалостью смотрит на меня.

— Это она? — шепотом спрашиваю я.

— Это Вивьен.

— Боже мой! — вскрикиваю я. Девушка на фото выглядит точь-в-точь, как я. Сходство просто поразительное, кроме цвета волос, такое впечатление, что я ее сестра-близнец.

— Прости, — тихо говорит Джек.

Теперь все обретает смысл. Все! Теперь я понимаю, почему его семья вела себя так странно, когда Дом привел меня на ланч. Мне казалось, что они узнали, что Дом встречается с налоговым инспектором, но теперь я знаю из-за чего. Ах! Я даже не могу объяснить то выражение на лице его матери, когда она смотрела на меня, думая, что я ее не вижу.

Мысль настолько засела у меня в голове.

— Вы знали, что я похожа на нее, когда я познакомилась с вами со всеми, да?

— Да, Шейн предупредил нас всех.

Я медленно киваю.

— А Шейн знал Вивьен?

Он хмурится.

— Конечно. Дом собирался жениться на ней.

— Понятно, — часть моего рационального мозга делает пометку, что Шейн единственный в этой семье действительно непробиваем. Его классически красивое лицо ничего не выдавало, когда он встретил меня в первый раз на вечеринке. Ничего, кроме открытой дружелюбности и неотразимого шарма.

— Ну, ладно, — замедленно отвечаю я. Вся моя жизнь рушится прямо на глазах. — Итак, Дом решил завязать со мной отношения, потому что я напоминаю ему его мертвую невесту.

— Уверен то, что ты похожа на нее как-то связано, но ты совершенно другая во всех отношениях.

Я недоверчиво смотрю на Джека.

— Совсем другая. Она была эгоисткой, необузданной, без царя в голове и импульсивной, ты же заботливая, добрая, внимательная с открытой душой.

О Боже мой, по его описанию, я совершенно не интересная. Я закрываю глаза ладонями. Господи, ну что за ужас!

Джек садится передо мной на корточки. Вздрогнув, я открываю глаза. Такое близкое присутствие Джека меня пугает, словно я подошла к проволоке под напряжением, я хочу уйти, убежать.

Он видно чувствует, что мне некомфортно, потому что смотрит на меня своими завораживающими глазами, прежде чем нанести последний удар, видно это еще не конец.

— Помнишь, я сказал, что Вивьен ему не подходила, я действительно так думаю. Ты идеально ему подходишь. Ты открываешь в нем лучшие качества и уравновешиваешь его. Ты делаешь его счастливым.

— Но он хочет ее. Она — его половинка. Я всего лишь жалкое подобие, — это адски больно осознавать, а тем более озвучивать в слух, у меня начинаются наворачиваться слезы на глазах.

— Элла, послушай меня. Ему было восемнадцать. Она была его первой любовью. Ты помнишь, какой ты была, когда тебе было восемнадцать? Если бы он на ней женился, это была бы катастрофа, они бы возненавидели друг друга через какое-то время и развелись. Она умерла, став его Танцующей королевой, молодая, красивая, оставшаяся семнадцатилетней. Многие теряют свою любовь. Но он уже итак достаточно настрадался. Она умерла, а ты здесь.

— Я никто для него.

— Ты не представляешь, что ты сделала для него. Его полностью захватили демоны, пока ты не появилась в его жизни. Ты разрушишь их своей мягкостью и добротой.

Я смотрю на него молча, мне хотелось бы ему поверить, но мое сердце разбито на осколки. Он не хотел меня, Дом мной пытался заменить ее. Когда он дотрагивался до меня, то представлял, как прикасается к ней.

— Он никогда не хотел меня, — рыдаю я. — Все это время он представлял, что я это она.

Он касается моей щеки, его рука теплая и нежная. И мне хочется уткнуться в его руку, почувствовать, что хоть кто-то поддерживает меня.

— Ах, Элла. Ты не мужчина, я — мужчина, поэтому послушайся моего совета. Мой брат хотел Вивьен, как мальчик хочет девочку. Тебя же он хочет со всей страстью, так мужчина хочет женщину. Дай ему шанс. В Доме есть много всего, и ты еще многое не видела, — он нежно улыбается и убирает свою руку.

Я смотрю на него через пелену слез, честно, никогда не могла предположить, что этот мужчина может быть таким добрым и заботливым. Он всегда выглядит настолько недоступным и равнодушным.

— Он не хочет больше быть со мной, — тихо отвечаю я.

— Если бы ты верила в это, то не была бы здесь в моем кабинете.

Я шмыгаю носом.

— И что мне делать? Ждать, когда он придет ко мне?

Он пожимает плечами.

— Я не могу сказать, что тебе делать, но если бы я был на твоем месте, то не позволил бы ничему встать на своем пути. Я бы поборолся, пока это не станет моим или погиб бы. Путешествие только началось, и конечный пункт может быть очень красивым местом.

Он встает и идет к своему столу, возвращается с коробкой салфеток. Я достаю пару и вытираю заплаканное лицо, поднимаясь.

— Я пойду.

— Я провожу тебя к машине.

— Не стоит.

— Я провожу, — говорит он с нежной улыбкой.

Я поворачиваюсь к нему.

— Спасибо, Джек.

— Я всегда буду здесь, если тебе понадоблюсь. Не поддавайся сомнению.

Слишком сильно любить — все равно что слизывать мед с кончика ножа.

23.

Элла

Мне казалось, что я была в порядке, пока находилась в доме Джека и пока прощалась с Лили и Лилианой. Я даже выдохнула, когда Джек закрыл дверцу машины и помахал рукой.

Меня накрыло, когда я ехала по автомагистрали.

У меня начинает першить в горле, словно туда насыпали бетонную крошку, я не могу вдохнуть полной грудью. Сворачиваю на обочину, мне гудя машины, я торможу со скрежетом, чувство удушья не проходит, с трудом открываю дверцу и выбираюсь наружу. Я метаюсь по краю дороги, схватив себя за горло, пытаясь сделать маленькие вдохи.

Я опускаюсь на колени, чувствую панику, тяжело дышу, наконец мне удается вдохнуть свежего воздуха. Автомобили со свистом на большой скорости проносятся мимо. Тормозит какая-то машина, водитель бежит ко мне. Я поднимаю вверх руку, останавливая его на половине пути. Он замирает в нескольких ярдах от меня.

— Вам нехорошо?

Я киваю.

— Хотите, я вызову скорую?

Я отрицательно качаю головой.

— Уверены?

Я киваю и слабо улыбаюсь ему.

— Может я побуду тут с вами?

Я снова отрицательно качаю головой, тронутая добротой совершенно незнакомого мне человека.

Он поднимает руку соглашаясь и разворачивается к своей машине.

— Эй, — еле кричу я.

Он поворачивается обратно ко мне.

— Спасибо.

— Все нормально, — говорит он, махнув рукой на прощание и возвращается к своей машине. Я наблюдаю, как он уезжает. Я сижу на обочине дороги, двигатель моего автомобиля все еще работает, но у меня потоком льются слезы. Когда наконец поток заканчивается, я сажусь в машину и еду домой. Первым делом иду в душ, чтобы вода смыла всю мою боль. Я закутываюсь в халат и звоню Анне, рассказываю ей все.

— Я сейчас приеду, — говорит она. — Положи рюмки в морозилку. (Под водку, рюмки кладут в морозилку, не только остужают саму бутылку, прим пер.)

— О, Анна, — вздыхаю я, слезы опять заполняют глаза.

— Пришло время напиться. Уже прошло много времени с того раза.

Она стоит на пороге моей квартиры с двумя бутылками водки, настоянной на крыжовнике, домашнего приготовления ее отца. Она достает охлажденные рюмки из морозилки и наливает нам первую. Сладковатый, резкий вкус, пахнет летом.

Я опрокидываю очередную рюмку, ставя на журнальный столик. Пустая бутылка катается по полу, эта тоже наполовину пуста.

Анна взволнованно хлопает в ладоши.

— Я знаю, что нужно сделать. Тебе следует брать пример с кофейных зерен, — мямлит она.

Я хмурюсь затуманенным взглядом, поглядывая на нее.

— Кофейных зерен?

— Ну, ты же знаешь историю из инета о бабушке и брокколи? — прищурившись спрашивает она. — Нет, постой. Это не брокколи, а морковь. Да, верно, морковь, яйца и кофе.

— Я не знаю такой истории.

Она садится прямее.

— Эта женщина изменила…

— Это не касается моей ситуации, — сразу же протестую я.

Она беззаботно машет рукой.

— Просто выслушай до конца, ладно?

— Давай.

— Она идет к бабушке и спрашивает у нее совета. Бабушка ставит на плиту три кастрюли с водой. В одной брокколи…

— Морковь, — поправляю я.

Анна кивает с умным видом.

— Я просто хотела проверить слушаешь ли ты или нет.

— Да, слушаю.

— Теперь, когда я поняла, что ты слушаешь, я продолжу. В две другие кастрюли она кладет два других ингредиента.

— Яйца и кофейные зерна?

— Точно.

Я вздыхаю, хотя и пьяна, я не могу выкинуть Дома из головы.

— Она кипятит их в течение двадцати минут.

— Почему двадцати минут?

— Ты хочешь услышать конец истории или нет?

— Да, — говорю я и снова тянусь к бутылке.

— Она вытаскивает их из кастрюли и показывает внучке, что морковь была сильной и твердой, а стала мягкой и податливой. Яйца были мягкими, а стали жесткими. Только зерна кофе остались такими же, но стали даже лучше, они выпустили свой аромат и вкус в воду. Эти три ингредиента столкнулись с такими же страданиями и невзгодами, как и мы в жизни, но каждый отреагировал по-своему. Когда ситуация становится настолько критичной, ты должна решить, кто ты.

Я убрала бутылку.

— Сейчас я чувствую себя морковью.

— Это сегодня. А завтра и послезавтра?

Я кладу лоб на ладони.

— О, Анна. Моя жизнь превратилась в полный бардак. Раньше мне казалось, что я работала на очень хорошей работе, а теперь? Ты только взгляни на меня! Весь мой мир лопнул как мыльный пузырь.

— Эй, посмотри на все это с положительной стороны. По крайней мере, она мертва.

— Что? — с трудом восклицаю я.

— По крайней мере, ее нет здесь, чтобы нарушать твой хрупкий душевный покой жестоким сравнением, я имею в виду, в физическом плане.

— О чем ты говоришь?

— У меня жуткое отвращение ко всему, что касается моего бывшего. Я действительно ненавижу, испытываю отвращение и омерзение к нему. Я так ревную, что я не могу перестать выискивать на Facebook их фотки, изучая их загар, улыбки, наряды, в надежде найти какой-нибудь промах, чтобы позже тонко покритиковать их во время разговора с моими друзьями.

Она замолкает и вертит в руках лак для ногтей.

— На самом деле, одного или даже двух своих бывших я ненавижу так сильно, что даже фантазирую, как вламываюсь к ним в дом и убиваю, пока они спят в кровати.

— Правда? — в шоке спрашиваю я.

— Абсолютно. Это мелочно и по-детски, но я ничего не могу с этим поделать. Это как наркомания, я знаю, что это говорит о моей неуверенности в себе. У меня все время такое чувство, будто я пытаюсь конкурировать с их теперешними подругами. Я бы предпочла, чтобы их подруги были мертвы, если бы они были так похожи на меня.

— Нет, я бы лучше предпочла иметь бывших живыми. Я даже не могу смотреть на ее фотографии на Facebook, чтобы потом тонко критиковать ее, потому что он вознес ее на такой пьедестал. Как ты можешь конкурировать с мертвой женщиной? — спрашиваю я, выпалив целую тираду.

— Черт его знает! Я ненавижу бывших. Живые или мертвые, они просто беда. Говоря про бывших, я забыла тебя спросить, ты что-нибудь еще слышала от своем сталкере?

Я пожимаю плечами.

— Мне кажется, я напугала его.

— Больше никаких полуночных телефонных звонков?

— Нет, — бурчу я и понимаю, что комната начинает вращаться. — Мне нужно пописать и лечь спать, — я встаю и пошатываясь собираюсь отправиться в туалет.

Анна встает вместе со мной, и мы вместе идем в ванную комнату. Потом она помогает мне забраться в постель.

— Ложись спать со мной, — говорю я ей.

Она улыбается и смотрит на меня сверху-вниз, каким-то странным, жалостливым взглядом.

24

Я — сталкер

Я стою над ней и трепет пронизывает меня.

Я в ее пространстве, в ее спальне! Как странно, что ненависть, в своей глубине и

липкости, так похожа на страсть. Только посмотрите на нее! Спит нежным сном ангелов, такая красивая, такой невинная. Сука!

Я подхожу на шаг ближе. У меня обувь на мягкой подошве поэтому не издает ни звука. Стоит теплая ночь, окно открыто, нежный ветерок заставляет колыхаться занавески. До сих пор все идет отлично. Кругом темнота, но мои глаза привыкли к темноте. Я принимаю темноту, сделав ее своей подругой, вбираю ее и это страшный секрет, таящийся в моем сердце.

Я наклоняюсь и замираю всего лишь в нескольких сантиметрах от ее кожи.

Как сладко и божественно она пахнет! Но она уничтожила меня, не задумываясь. Я до сих пор помню тот первый раз, когда увидел ее вальсирующей по комнате и подумал: «Вау! Она так сексуальна». Я не знал, что она наполовину женщина, а наполовину змея. Но тогда еще я был человеком.

Она изменила меня, превратив в то, кем я стал — пустая оболочка. Я долго ее любил. Но теперь ничего нет в моей жизни, кроме всепоглощающей одержимости заполучить ее. Посмотри на ее горло, какой соблазнительный изгиб, так и просит, чтобы его поцеловали, и обхватили пальцами, сжимая, тогда распахнуться ее глаза и будут смотреть на меня в ужасе, и ее киска беспомощно сожмется вокруг моего твердого члена.

Еле уловимо я дую в ее слегка приоткрытый рот. Моя заоблачная фантазия — трахать ее рот. Я оскверню тебя, моя услада.

— Ммм… — произносит она.

Я замираю.

Она отворачивается от меня, даже во сне она отворачивается от меня. Скорее всего, она хочет того крутого парня. Я видел ее с ним, когда он обнимал ее за плечи. Он может стать грозным врагом, но я не собираюсь с ним конфликтовать. Я просто заберу ее у него.

Почему? Потому что она моя.

Пусть он тоже будет таким же сломленным, как и я, когда забрал ее у меня. Я уже позаботился о ее других мужчин, вынюхивающих рядом с ней, словно дикие звери. Это было легко, она не жаждет их, она хочет только его. Я последовал за ними к его дому в лесу, который он никогда не закрывает, и смотрел в окно, как он ее трахал. Меня стало тошнить от этого и вырвало в кусты. Мне всегда казалось, что она нечто особенное.

Дешевая мяукающая шлюшка, как котенок мяукала и ласкалась к его члену.

Я чувствую, как твердеет мой член. Итак, мое тело все еще хочет эту маленькую сучку, поэтому я должен поиметь ее. Я должен связать ее и оттрахать, пока мое тело не будет чувствовать той же брезгливости и отвращения, как мой мозг. Я бы забрал ее сегодня, если бы в ее постели не было рядом другой спящей женщины. Мне предоставится другая возможность. На следующей день она будет снова одна, и я нанесу тогда удар.

Я выпрямляюсь и поворачиваю голову, разглядывая себя в оконной раме. Как интересно. Бледная, светящаяся маска в лунном свете. Наблюдая за собой со стороны, вижу мужчину почти с демоническим лицом, одержимого злобой и ненавистью.

Возмездие будет моим.

Я еще долго стою в тишине комнаты. Только наполнившись силой над ее уязвимым спящем телом, разворачиваюсь и уходу также, как и пришел, через входную дверь.

25.

Дом

Через душевную боль в нас проникает свет.

Руми

Я стучу в один из примыкающих друг к другу домов, и мать Вивьен открывает мне дверь. Последние десять лет изменили ее внешность.

— Привет, Мирела.

— Привет, Дом, — говорит она с улыбкой, пятясь назад, чтобы впустить меня внутрь.

Я прохожу в гостиную и осматриваюсь по сторонам, ничего не изменилось. Все также чисто и безупречно — веера с какой-то мазней на стенах, ковер со странным узором, шторы, декоративные статуэтки и вазы из богемского хрусталя с пластмассовыми искусственными цветами. Она приглашает меня жестом присесть.

Я сажусь в кресло, на подголовнике которого кружевная салфеточка, связанная крючком, на диване довольно-таки старые подушки и такой же не новый комод. Я испытываю настоящее чувство вины. Мне следовало прийти к ней раньше, и помочь ей как-то обустроить дом. Я в курсе, что Джек вне с свою лепту и дал денег, но мне следовало сделать что-то еще.

Она садится напротив меня, между нами стоит журнальный столик с овальной кружевной салфеткой, на которой хрустальная чаша, наполненная засахаренным миндалем, а также поднос с чайником и чашками и тарелка, накрытая салфеткой. Она растерянно улыбается мне и начинает разливать чай, не спрашивая, какой чай я предпочитаю, просто наливает в него молоко и кладет кусочек сахара, протягивая мне чашку с блюдцем.

— Спасибо, — говорю я, принимая изысканный китайский чай.

Она снимает салфетку с тарелки, и я вижу тонко нарезанные прямоугольники «мраморного» торта, Мирела протягивает мне блюдо, чтобы я взял кусочек.

— Твой любимый, — говорит она.

Я чувствую тяжесть на сердце, конечно же, все это время я был таким эгоистом. Я беру кусок и неуклюже держу его в пальцах.

— Как ты? — спрашивает она, наливая себе чашку чая.

— Я в порядке.

Она поднимает на меня взгляд.

— Я так рада это слышать. Я ждала все десять лет, когда ты придешь.

У меня глаза расширяются от испуга.

— Почему?

— Я знала, что ты придешь, когда исчезнет вся боль.

Я резко выдыхаю.

— Боль не исчезла.

Она улыбается, но как-то наполовину.

— Прости, конечно, боль никуда не исчезает, но уменьшается. Именно это я и хотела сказать. Я так и подумала, что ты придешь, когда боль станет меньше, — она бросает пару кусочков сахара в чай и размешивает ложкой. Я наблюдаю, как она поднимает чашку к губам и отпивает, очень деликатно. Она опускает чашку с блюдцем обратно на журнальный столик.

— Ешь, тебе нужно поесть, — призывает она.

Я откусываю кусочек торта, запах и вкус возвращают меня, когда мне восемнадцать, когда мы вдвоем пили чай и ели торт, и я ждал здесь Вивьен, когда она выйдет из спальни, сделав макияж, готовая встряхнуть весь город. Я смотрю в глаза матери Вивьен и удивляюсь, ее не посещают такие воспоминания вместе со мной. Ей не нужно ничего вспоминать, она и

так находится до сих пор там, не продвинувшись дальше. Даже дом остался таким же, как и десять лет назад, когда я приходил сюда последний раз. Среди кружева и искусственных цветов, мне кажется, что я сейчас поверну голову в сторону коридора и появится Вивьен.

И вдруг у меня словно вспышка молнии, освещающая белым светом черное небо — Вивьен не Элла. Они такие разные, как апельсины и устрицы. Они похожи только внешне, но их темперамент и сама суть настолько разные, этим и отличаются они друг от друга. И молния приносит и другое осознание, которое я понимаю сейчас со всей четкостью — я влюблен в Эллу.

Да, я любил Вивьен, и часть меня, которая не перестает скорбеть всегда будет любить ее, но сейчас каждый день я все время думаю об Элле, не о Вивьен, и в кровать беру с собой Эллу, которую хочу и страстно желаю. Я скучаю по ней, когда ее нет рядом, мне сию же минуту хочется позвонить и сообщить ей об этом, рассказать о своих чувствах, потому что хочу разделить с ней свою жизнь.

Мать Вивьен с печалью смотрит на меня.

— Когда я потеряла свою дочь, в этот же день я потеряла и сына. Ты был лучшее, что произошло с моей Вивьен. Самая моя большая мечта была увидеть вашу свадьбу. Я сильно скучала по тебе все эти годы, Дом.

— Прости, что я не приходил раньше, Мирела. Я всегда наслаждался нашими разговорами.

Она счастливо улыбается.

— Я тоже. Ты мне как сын, Дом. Обещай, что придешь опять навестить меня.

— Приду.

— Я много размышляла о тебе. Слышала, что ты многого добился в жизни и стал успешным. Дамы в церкви о многом болтают, — она застенчиво улыбается. — Я прислушиваюсь к их сплетням.

— Мирела, — начинаю я, но останавливаюсь.

— Что ты хочешь сказать, Дом? — подсказывает она.

— Когда умирала Вивьен в море, я дал ей обещание, что никогда не влюблюсь.

— О, Дом. Это обещание сдерживало тебя от поиска счастья все эти годы?

Я соединив крепко сжимаю пальцы и ничего не смогу ответить.

Она наклоняется вперед.

— Послушай меня. Она боялась, и поэтому цеплялась за тебя. Я люблю свою дочь, но она была озорницей, заставив тебя пообещать такое. Она ушла, а ты остался здесь. И ты итак уже потратил десять лет, не трать больше времени. После смерти Вивьен я кое-что поняла, стоит ценить каждый миг с людьми, которых ты любишь, — она с горечью улыбается. — Ты не знаешь сколько тебе с ними суждено про быть.

— Я до сих пор чувствую себя виноватым. Я мог бы спасти ее, — медленно выдыхаю я. — Если бы мы не спорили и если бы я не сказал ей, что Джек уже на подходе.

Она отрицательно качает головой.

— Не стоит ни в чем себя винить, мой милый мальчик. Ты ничего не мог исправить. Бог понял, что ты старался изо всех сил. Просто пришло ее время.

— Она была слишком молода, чтобы умирать.

— Прошло около четырех месяцев после того, как Вив умерла, и мне приснился сон. Ей было одиннадцать или двенадцать лет, она тогда еще не красила свои волосы во все эти ужасные и чудовищные цвета. Она бежала по полю и смеялась. Ее губы были испачканы

соком ягод. Она подбежала ко мне и сказала: «Смотри, что я нашла, мама». И я проснулась и проплакала потом нескольких часов.

Она достает платок из декольте своей блузки и вытирает глаза.

— Но проходили недели, а за ними месяцы, и мне становилось более спокойнее от этого сна. Я все раздумывала, что она хотела мне сказать, ее кожа во сне не была мертвецкого цвета, и она не лежала в атласном гробу. Она не была мертва, а была жива, но находилась в каком-то другом мире, я не могла туда попасть, но она была именно там. Больше она никогда мне не снилась, да ей и не нужно было, я поняла, что она хотела мне сказать тогда.

— Она никогда не приходила ко мне во сне, — говорю я.

— Возможно, ты как раз пострадал больше всех и тебе стоит оглянуться и осмотреться вокруг, — тихо произносит она.

— Я встретил женщину, — неожиданно ляпаю я, но как только я произнес эти слова, мне хочется их забыть. Честно говоря, я сам испытываю шок от своих слов. Какое безумство заставило меня сказать такое скорбящей матери Вив?

Она с трудом сглатывает.

— Я так рада, — хрипло произносит она.

Я злюсь на себя и пытаюсь извиниться.

— Прости, это непростительно с моей стороны так говорить, не знаю, что на меня нашло.

Она отрицательно качает головой и своими натруженными руками сжимает мне колено.

— Нет, я рада за тебя. Ты хороший человек и заслуживаешь быть счастливым.

Я накрываю ее руку свой.

— Знаешь, это как песня Питбуля? — спрашивает она.

Я слегка улыбаюсь.

— Питбуля?

— Да, такой мужчина с лысой головой.

— Ты слушаешь Питбуля? — с удивлением интересуюсь я.

— Моя внучка слушает.

— У Марко есть дочь?

— У него трое детей — два мальчика и девочка. Они — вся моя жизнь. Питбуль поет песню Give Me Everything Tonight. В ней поется: «то, что я обещаю сегодня вечером, я не смогу пообещать завтра». Так и в жизни, ты не знаешь, что тебя ждет завтра, поэтому все, что ты хочешь сделать, сделай сегодня.

Если бы не вмешательство жестокой руки судьбы, эта женщина была бы моей свекровью. Я сжимаю ей руку, чувствуя огромную любовь к этой доброй и великодушной женщине. Мы связаны с ней навсегда любовью к одному и тому же человеку и горем от ее потери.

— Если ты вспомнишь Вивьен, она всегда смеялась, всегда хотела жить полной жизнью и получать удовольствие. Не думаю, что она хотела бы быть колючей проволокой, обернутой вокруг твоего сердца.

Я киваю.

— Я знаю.

Я достаю толстую пачку денег и кладу ей на ладонь, целуя ее напудренную щеку на

прощание. Она стоит в дверях и с тоской смотрит на меня. Я подхожу уже к деревянным воротам, даже открываю их. Но останавливаюсь, что-то тянет меня назад к ней. Я возвращаюсь, она вопросительно поглядывает на меня.

— Я хочу кое-что показать тебе, но мне не хотелось бы, чтобы ты расстраивалась, — говорю я.

— Хорошо, покажи, — тут же отвечает она, словно ждала этого.

Я достаю телефон из кармана и нахожу фото Эллы и передаю ей телефон.

— Это Элла, моя подруга.

Она долго молча смотрит на фото, потом поднимает на меня глаза, наполненные слезами.

— Она красивая, Дом. Ты приведешь ее как-нибудь на ужин?

Я киваю, потому что не могу сказать ни слова, я словно остолбенел.

— Бог понял, что не должен забирать ее у тебя, — говорит она, возвращая мне телефон.

Я убираю телефон в карман и ухожу, чувствуя, как мое сердце, наконец-то, стало свободным.

Где, о, смерть, твоя победа,

где, о, смерть, твое жало?

1 Коринфянам 15: 55

26.

Дом

Я разворачиваю машину и еду на кладбище, где похоронена Вивьен. Стоит солнечный день и кладбище выглядит довольно-таки неплохо с разноцветными петуниями, посаженными вокруг. Я медленно иду к покосившимся железным воротам, не зная точно, где ее могила, но помню, как мама один раз упомянула, что ее могила находится в восточной стороне, в конце кладбища, рядом с дубом.

Я выбираю маленькую небольшую дорожку, по периметру вьется основной, по которой идут всегда основные посетители, осматривая внешние могилы, некоторые появились столетия назад. Сейчас трудно представить, что эти люди ходили по земле сотни лет назад также, как и мы.

Столетние могилы выглядят заросшими, разрушенными и неухоженными, но одна древняя, богато украшенная гробница в виде алтаря привлекает мое внимание, и я иду в ее сторону, очистив надпись, читаю: «Здесь лежит Артур Андерсон-Блэк.

Который теперь будет покоиться в руках Господа,

Любимый всеми и скучающими по тебе.

Летай с ангелами, память о тебе

никогда не умрет. Наш любимый отец,

брат и дядя. Мы никогда не забудем тебя.

Покойся с миром, пока мы не встретимся снова.

1830–1875

Я задумываюсь о скорбящей семье, когда они возводили это надгробие триста лет назад. Их останки уже давно присоединились к нему в этой глинистой почве. Встретились ли они там, снова? Раньше я никогда не ходил на кладбище, сейчас для меня это странный сюрреалистичный опыт. Прогулка между могил заставляет ценить бренность всей жизни и необратимость смерти. Все эти люди когда-то жили, передвигались по земле, говорили и делали что-то, словно они собираются жить вечно. Теперь же они все канули в прошлое.

Я вижу самое печальное надгробие, сделанное безутешными родителями, оно однозначно выделяется среди всех. На нем простая эпитафия, которая глубоко меня трогает.

Под этим простым камнем,

Которое является местом упокоения,

Почило наше дорогое сокровище,

Отправившись в объятия Господа

Май 2001–Декабрь 2001

Пока я двигаюсь по дорожке, вспоминаю, что мне однажды сказала моя мама. Стоит плоду созреть, он сможет легко покинуть ветку. Я был веткой, с которой Вивьен не колеблясь сорвалась, а я был не готов. В ней было столько всего, но главное, в ней было слишком много самой жизни. Задумавшись над своими мыслями, я впадаю в меланхолию — созерцательное настроение, и испытываю настоящий шок, увидев мраморное надгробие, явно сделанное с юмором.

Это Надгробие Подлежало Налогообложению?

Я улыбаюсь, достаю телефон и делаю фотографию для Эллы. Она, как бывший налоговый инспектор, ее явно оценит.

Маленькая изогнутая дорожка приводит меня, правда петляя, к центральной церкви и небольшой сторожке, хозяин которой совершает все ритуальные услуги. Петляя, я прохожу мимо свежей могилы, ожидающей своего захоронения.

Я выхожу к виднеющемуся вдалеке дубу и ухоженному надгробию заросшему травой. Иду прямиком в ту сторону, больше не рассматривая надгробия вокруг. Словно меня ведет к ее могиле невидимая рука, двигаясь вперед уверенными шагами, я останавливаюсь перед могилой Вивьен. У меня вырывается долгий вздох. Ах, Вивьен. Ее могила привычный мемориал из черного гранита с высеченным плачущим ангелом с розой в руке. Заходящее солнце скользит по камню, заставляя его светиться красным.

Вивьен Джессика Финч

Спи спокойно, дорогая,

спокойной ночи, спи спокойно

10 октября, 1987 — 24 июля, 2004

Я встаю на колени и касаюсь гладкого камня. Она точно ненавидит это место и окружение, наполненное тишиной, вокруг стоит непроницаемый воздух скорби и тишины. Вивьен всегда такая импульсивная, порывистая, с розами в волосах, была бы не в состоянии высидеть и минуты в этом месте. Я смеюсь, звук такой громкий и кажется странным среди молчаливых надгробий, мой смех явно нарушает их покой. Пожалуй, здесь никто никогда не смеялся так за все века.

Сильный ветер ударяет мне в лицо, я испытываю шок, словно силы природы путаются меня остановить. И вдруг у меня возникает такое чувство, будто бы мне говорит Вивьен: «Я приду и найду тебя».

— Ты никогда не вернешься и не будешь преследовать меня, не так ли? — шепчу я ветру.

И тут же вспоминаю ее смех, как она смеялась. Она была неуправляемой и красивой, но никогда не была злопамятной.

Интересно, где она сейчас?

— Где бы ты не находилась сейчас, Вивьен, помни, я на самом деле любил тебя, — говорю я и слышу в ветках деревьев одинокий крик птицы. Я остаюсь возле ее могилы еще

какое-то время, а потом мне становится неспокойно. Я поднимаюсь с колен — живой, обычный смертный, с кровью, струящейся по венам. Придет время, и я однозначно присоединюсь к ней в покое и этой тишине, но не сейчас. Во мне течет жизнь, зовущая меня вперед. Я ухожу и больше ни разу не оглядываюсь.

Как только сажусь в машину, звоню Элле. Она берет трубку сразу же после первого гудка.

— Элла, — выдыхаю я.

И вдруг она начинает плакать.

И я понимаю, что не могу ждать ни минуты, мне необходимо увидеть ее.

— Где ты? — спрашиваю я.

— Иду домой, — с рыданиями произносит она.

— Жди меня дома. Я хочу отвезти тебя поужинать, буду у тебя меньше чем через час. Надень что-нибудь сексуальное, — произношу я, чувствуя, как радость наполняет мою кровь.

Элла

Я пихаю телефон в карман и, чувствую себя парящей, я готова взлететь, поэтому бегу вверх по трем лестничным пролетам, словно парю. Я влетаю в квартиру и закрыв ладонями лицо, подхожу к зеркалу. Вау! Мне кажется я вся свечусь от счастья.

Тут же сняв одежду, иду в душ, откуда вылетаю через пять минут и укладываю волосы. Положив небольшое количество геля на кончики волос, сушу их феном, и перекидываю вьющуюся массу за спину.

Сажусь на кровать и крашу ногти в яркий цвет фуксии, жду десять минут, чтобы они высохли. Потом натягиваю съедобные трусики с запахом клубники, он однозначно захочется их съесть, и приклеиваю себе татуировку в виде стрелы на живот и бедра со вкусом шоколада, их он тоже захочет слизать. Стрелы указывают правильное направление к моей киски, которая начинает зудеть от нетерпения. (Съедобные трусики — кондитерское изделие, изготовленное в форме нательного белья и обладающее его функциями. Продукт был изобретен художниками Дэвидом Сандерсоном и Ли Брэйди в 1972 год как предмет концептуального искусства. Для изготовления товара Сандерсон и Брэйди в 1975 году образовали компанию Cosmorotics, Inc. Трусы получили название «candypants, the original 100 % edible underwear» («конфетные трусы, подлинное на 100 % съедобное бельё»). Candypants продвигались как бельё в магазинах одежды, основных универмагах, мотоциклетных магазинах, кондитерских и модных бутиках. Его считали невинной непристойностью. Пресса пришла от съедобного белья в дикий восторг, и оно стало не только американской, но и мировой сенсацией. Помимо всего прочего, его продавали в секс-шопах.)

Да, и еще на соски приклеиваю стикини в виде треугольников с ароматом арбуза. (Стикини — наклейки для защиты сосков во время загара в солярии и, аксессуар к наряду для сексуальных игр.)

От одного представления, как Дом будет лизать все мои «наклейки», у меня дрожь пробегает по спине. Со счастливой улыбкой, я одеваю белое платье с вставками из сетки спереди и на спине, хорошо обтягивающее фигуру, с разрезом от середины бедра до щиколотки.

В животе у меня порхают бабочки, я надеваю туфли с серебряными ремешками. Ногти на ногах яркие и блестящие, я распыляю над головой духи. Сидя за туалетным столиком, накладываю цвета фуксии помаду и тушь на ресницы, и я готова. Я перевожу взгляд на часы.

Еще десять минут до его прихода, но вдруг раздается звонок в дверь. Он рано, видно не может ждать, как и я, усмехаюсь своему отражению.

«Молодец, девочка», — говорю я сама себе.

Я со всех ног несусь к двери, открываю и моя улыбка умирает на губах. Я узнаю его сразу же, несмотря на всклокоченную бороду и усы, но почему он так вырядился? И какого черта он делает у моей двери? И зачем ему тележка на колесиках из супермаркета, здесь в коридоре? Но прежде чем я произношу хоть слово или совершаю другое движение, он протягивает руку и что-то острое колет мне в руку.

Оно действует с такой быстротой, что я даже не чувствую, как оседаю на пол.

28.

Я — сталкер

Не убегай, отпусти. Не ищи, ибо придет, когда меньше всего ждешь.

Брюс Ли

С быстротой я толкаю тележку внутрь ее квартиры и закрываю дверь. Внутри тележки лежит шерстяное одеяло все в дырках, я укутываю ее им, потом на боку опускаю тележку, вытаскивая все возможный хлам, находящийся внутри: старые газеты, пустые консервные банки, пластиковые бутылки и какие-то коробки. Я запихиваю ее в тележку из супермаркета.

Отлично… она умещается в ней даже лучше, чем я предполагал.

Кряхтя, я стараюсь поднять тележку в вертикальное положение, но она стала слишком тяжелой, поэтому срывается и падает. Мне нужно немного изменить план. Выпрямляюсь и направляюсь к комоду, где вижу телефонный справочник. Я приподнимаю немного тележку и подкладываю под колесико толстую книгу. Теперь у меня есть рычаг, и двумя руками я поднимаю, правда с большим трудом, тележку — вторая моя попытка увенчалась успехом.

Запыхавшись, правда слегка, я начинаю забрасываю весь хлам сверху, прикрывая ее, потом отхожу в сторону и критическим взглядом разглядываю получившийся результат. Да, никто не заподозрит тележку бездомного человека, везущего какой-то хлам, все, что у него имеется. На стене висит зеркало, и я перевожу на него взгляд.

Хорошо. Я на самом деле выгляжу как бродяга — немытый, небритый, грязный. Мне потребовалось несколько недель, чтобы достичь такого совершенного внешнего вида. Из-за нее я потратил столько времени, планируя и изучая возможности. Да, я научился вскрывать замки, собирать и выведывать информацию, погружаться словно в жидкость в свою маскировку, притворяясь Мелани, которая якобы оставляла беззаботные комментарии на всех ее жалких постах на Facebook.

Осторожно я толкаю тележку к лифту. Слава Богу! Он по крайней мере работает.

Когда я везу ее через фойе, вижу крутого парня, несущегося вверх по лестнице. Я улыбаюсь. Слишком поздно! Я выхожу за дверь и следую по улице. Все стараются не встречаться со мной взглядом, никто ничего не подозревает. Когда я достигаю своего дома, на улице уже почти становится темно. Я оглядываюсь вокруг, ни души.

Я спускаюсь вниз по ступенькам, в подвал и открываю дверь, я арендовал это помещение. Я возвращаюсь наверх и опрокидываю тележку на бок. Вытаскиваю ее и тащу до своего убежища, ее туфли стучат по каждой ступеньке, пока мы не добираемся до входной двери. Я затаскиваю ее безжизненное тело внутрь, оставив при входе на полу, и вбегаю назад по лестнице, оставляю тележку за углом в саду. Я вхожу в подвал и закрываю дверь.

Все сделано.

Это судьба, что она упала в мои руки, как яблоко с дерева.

Я тащу ее к стене и сажаю. Жесткий свет от одиночной лампы, заставляет ее кожу светиться. Вблизи она еще красивее. Она кажется в этом месте чужой. Запах ее духов доносится до моего носа, я глубоко вздыхаю. Я чувствовал этот ее запах в течение долго времени. Ни одна женщина так хорошо не пахнет, как она. Моя рука тянется к ее груди, но я не могу позволить себе прикоснуться к ней. Нет, я не воспользуюсь ею, когда она еще спит. Я ни какой-нибудь похотливый развратник. Она будет связана и голая, и не будет спать, когда я буду ее растлевать.

Она должна увидеть этот момент, мою силу над ней, которая разрушит ее.

Я связываю ей руки за спиной полиэтиленовой лентой, потом щиколотки. Положив ее на бок, я смотрю на нее сверху-вниз — лицо ангела. Это почти кощунство, что ее шелковые золотые волосы падают на этот грязный ковер. Я хотел бы, чтобы они опускались на мои бедра, когда она сосала бы мой член.

Стерва разрушила всю мою жизнь.

Я плюю на грязный ковер рядом с ее головой и отхожу от нее.

Элла

В первый миг, приходя в сознание, когда я еще не открыла глаза, чувствую пульсирующую боль в висках. Все мое тело ощущается совершенно чужим, какое-то незнакомое чувство скованности и тесноты. Я чувствую, как обо что-то трется щека и в нос ударяет явный запах сырости и грязи. Я с тревогой распахиваю глаза, осознавая, что запястья и щиколотки крепко связаны, и я лежу, завалившись на бок, на грязном ковре. Мне страшно. Что мать твою происходит? Я моргаю и приподнимаю голову с грязного, шершавого ковра.

— Ты уже проснулась, — слышу позади себя мужской голос.

И на меня тут же нахлынывают воспоминания.

О, Боже!

У меня словно кровь замораживается от звука этого голоса. В поле моего зрения появляются сначала ноги в джинсах и засаленные, грязные кроссовки. Я медленно скольжу взглядом по его телу, поднимая глаза вверх, к его лицу. О, Господи Боже мой! У меня непроизвольно открывается рот в безмолвном крике.

— Сюрприз! — говорит он на мой шок.

Охрипшим, потрясенным шепотом я спрашиваю:

— Что ты здесь делаешь?

Холодные глаза Роба совершенно спокойно и с издевкой разглядывают меня.

— Что ты от меня хочешь? — с отчаяньем восклицаю я.

Мой вопрос кажется злит его. Его глаза сверкают, но он по-прежнему продолжает контролировать себя.

— А что ты думаешь, я хочу? — угрожающе спрашивает он.

Я смотрю на него испуганно, зная, что мой испуг отображается на лице.

— Я знаю, ты любишь большие члены. Я видел, как ты принимала их в свою развратную п*зду. Я видел, как этот жаждущий мудак трахал тебя, Элла Сэвидж, — говорит он, растягивая слова, словно поет песню.

— Прошу вас, сэр, — автоматически отвечаю я, поскольку еще не могу поверить, что мужчина, которого я знала больше года, может превратиться в этого развратного, обезумевшего человека, с такой ненавистью смотрящего на меня. Как ему удалось такое скрыть от меня? От всех?

Он насмешливо посматривает сверху-вниз на меня, и мне кажется специально

посматривает удивленно.

— Тебе не стоит меня умолять, Элла. Ты грязная сука, и я тебя собираюсь оттрахать.

Я отрицательно качаю головой, что вызывает очередную вспышку боли, которая переходит в виски. Я по-прежнему не могу понять, что происходит и как я сюда попала. Я смотрю на него с мольбой в глазах.

— Зачем вы это делаете? Я не сделала ничего вам плохого.

— Знаешь, — совершенно спокойной отвечает он, — ты самая эгоистичная сука, которую я когда-либо имел несчастье встретить. Я был влюблен в тебя, а ты оказалась бесстыжей шлюхой.

— Что? — у меня такое чувство, что я попала в какую-то «сумеречную зону». Все его действия какие-то мне кажется бессмысленными, оказывается Роб был в меня влюблен!

— Невероятно! Она даже не заметила, — отмечает он с изумлением.

— Откуда мне было знать? — кричу я в ответ, защищаясь. — Ты всегда был груб и холоден со мной.

— Если бы я не был груб и холоден, ты бы полюбила меня?

О, мой Бог. Господи, помоги мне! Я никогда не смогу привести его в чувство.

— Возможно.

Он подходит и со злостью пинает меня в живот ногой, у меня из легких выбивается весь воздух. Я начинаю задыхаться и автоматически сворачиваюсь калачиком, чтобы как-то прикрыться. Мне нужно выработать план действий, стратегию. Мне необходимо сделать все, чтобы он не злился на меня, а наоборот успокоился.

— Ты лжешь мне, больше не будет лжи, — он возвышается надо мной. — Я ясно выразился?

Я не могу вымолвить ни слова, поэтому просто киваю.

— Ты не ответила на мой вопрос.

Я смотрю ему в глаза.

— Нет.

Он взрывается горьким смехом, который эхом разносится по пустой комнате.

— Я так и думал, ты считаешь, что слишком хороша для меня?

— Нет, — я предпринимаю попытку все объяснить. — Ты был моим боссом, поэтому я никогда не рассматривала тебя в другом варианте.

Он поворачивается ко мне спиной, сомкнув руки над головой, и вдруг внезапно разворачивается лицом, которое словно карикатура — злое.

— Ты не могла обо мне так думать, — кричит он. — Ты знала, что я заботился о тебе и защищал тебя с того момента, как только ты пришла на собеседование, с испуганными круглыми глазами, неуверенная в себе. Ты не тянула на эту должность, была слишком слабой и нерешительной, но я взял тебя, научил всему и дал тебе шанс. И как ты меня отблагодарила? При первой же возможности ты отвернулась от меня, обратив свой взор на этого вонючего ублюдка цыгана?

Он плюет на пол.

— Стоило мне только вернуться из туалета, как я все понял — было уже слишком поздно, не так ли? Ты возбудилась, желая получить его член. Всю дорогу в машине, я чувствовал запах твоего возбуждения — это было просто ужасно.

Я не знаю, что предпринять и что сделать, чтобы он успокоился.

— Он мне не понравился, — говорю я дрожащим голосом от волнения. — Я не

отвернулась от тебя. Я уволилась с работы, потому что поняла, что мы во многом ошибались. Мы обманывали простых людей и обманом забирали «кровные» у тех слоев общества, которые совершенно этого не заслуживают. Настоящие богачи, действительно богатые люди, всегда оставались вне нашей досягаемости, получалось, что мы своими действиями только все усугубляли, и так превращая в еще более жалкое существование «работяги», обычного человека.

Он прищуривается.

— Как удобно! Как только ты стала трахаться с этим парнем, тебя перестал интересовать вопрос поймать еще больше не плательщиков налогов, а стал больше интересовать вопрос — каким слоям общества принадлежит тот или иной неплательщик.

Я с отчаянием выдыхаю.

— Ты не понимаешь. Я искренне верила, что мы помогаем обычным работягам Англии, удерживая их от неправильных решений, напоминая, что они должны заплатить налоги, но их карманы итак оскудели из-за того, что огромные корпорации не платят соответствующие суммы, хотя и обязаны. Дом мне все объяснил, насколько я ошибалась.

Он агрессивно выставляет подбородок вперед.

— Я не могу поверить, что я потратил столько своего времени на тебя, чтобы сделать из тебя специалиста. Ты оказалась обычной глупой шлюхой.

— Прости. Мне очень жаль. Я честно не хотела тебя никак обидеть, — восклицаю я.

Он смотрит мне в глаза, но я не могу понять, о чем он думает.

— Отлично, что ты сожалеешь, но это ничего не меняет. Из-за тебя я ничего не получил. Ты знала, что я был счастлив в браке? Она делала стейк и пироги с почками по воскресеньям, исключительно для меня. Но появилась ты, взмахнула своими ресницами, и заставила захотеть тебя, а потом ты все испортила, — он запускает руки в волосы с растерянностью. — Я для тебя сделал все, что мог. Я даже позаботился о Майкле только ради тебя.

— Ты что сделал? — выдыхаю я.

— Да, я проник к нему в дом и совершил эти телефонные звонки, чтобы у тебя имелись доказательства, и ты смогла получить судебный запрет на него.

У меня отвисает челюсть.

— Выходит, Майкл никогда не преследовал меня, не так ли?

— У него слишком мало мозгов, чтобы быть сталкером, — усмехается Роб. — Конечно же, это был я. Я на какое-то время стал им, видишь, я всегда был верен тебе!

— А где сейчас Майкл? Ты ничего с ним не сделал?

— Конечно, нет, я не убийца. Ну, по крайней мере, я не был таким. Именно ты, единственная, способная довезти меня до убийства.

Он приседает рядом со мной на корточки, его промежность оказывается очень близко к моему лицу, и я чувствую его запах — несвежий, немытый, грязный запах. Он вытаскивает открытый перочинный нож и подносит к моей щеке. Лезвие поблескивает от одиночной лампы и внушает страх. Я специально перевожу глаза с лезвия на него, понимая, что он пытается меня запугать, но ничего не могу поделать с дрожью во всем теле от страха. Я впервые вижу этого мужчину в таком состоянии, он явно безумен и у него в руке имеется нож.

— Посмотри на себя. Ты думаешь, ты извинишься, и я тебя прощу, — он опускает руку мне на колено.

Я вздрагиваю.

— Пожалуйста. Пожалуйста, не надо, — молю я.

Он смотрит на меня безучастными глазами.

— Не беспокойся, у меня не такой уж большой член, он прекрасно впишется в твою задницу.

От ужаса я отрицательно начинаю качать головой, словно китайский болванчик.

Он приближает свое лицо ко мне, его зрачки расширены, он явно зол.

— Тебе не нравится в задницу? Разве цыган не трахал тебя в задницу?

— Прости меня, я очень виновата перед тобой. Я не хотела тебя ничем обидеть, — почти рыдаю я.

— Конечно не хотела, однако обидела. И теперь настало время компенсировать мне мои страдания, — говорит он и медленно передвигает руку вверх по внутренней стороне моего бедра.

Я с силой сжимаю ноги, теперь он не может двигать своей рукой. Он смеется, мне кажется его смех каким-то ужасным, адским, вытаскивает свою руку, зажатую между моих ног и передвигает ее вперед на мои ноги, продвигаясь довольно-таки успешно вверх, пальцами уже достигнув моих съедобных трусиков с запахом арбуза, которые я надела специально для Дома. Мои глаза наполнены отчаянием, вдруг он с силой сжимает мои половые губы, и я в ужасе подпрыгиваю.

Его глаза сверкают похотью. Обеими руками он разрывают мою юбку до талии и замечает шоколадные стрелки, указывающие направление, его глаза поблескивают каким-то адским огнем.

— О, это что тут у нас?

Он наклоняет голову и слизывает стрелку.

Я начинаю кричать, но он со всей силы ударяет меня по лицу и мне кажется, что своим ударом он вывихнул мне челюсть, у меня в глазах стоят искры вперемешку со слезами.

Он поддевает пальцами трусики.

У меня ужасно болит голова и челюсть, я с трудом открываю рот.

— Постой, — вскрикиваю я, резкая боль тут же выстреливает в щеку.

Он замирает.

— Да, мои необдуманные действия доставили тебе слишком много страданий. Но ты же не будешь лучше меня, если изнасилуешь?

Его глаза мерцают.

— Я заплачу за свои грехи, но сейчас пришло твое время — заплатить за свои. Не волнуйся, я не монстр и воспользуюсь смазкой.

Я с трудом выдыхаю, но шок не проходит.

— Я не хочу, разорвать твой зад, поскольку предполагаю много раз воспользоваться им, прежде чем выброшу тебя.

— И когда ты изнасилуешь меня, что ты сделаешь со мной? Убьешь? И что потом?

Он убирает руку с моих трусиков.

— Ты не понимаешь? Единственное, самое важное, чтобы ты получишь по заслугам и именно от этого я испытаю настоящее удовлетворение, потому что ты получишь мое возмездие.

Он жестко разрывает верх моего платья.

— Пожааалуйста, — хныча прошу я.

Роб запускает пальцы в мои съедобные трусики. В этот момент раздается оглушающий грохот, и дверь в это убогое место распахивается, ударяясь о стену. Мы замираем. Дом появляется в проходе, за ним стоит Джек. Несмотря на страх и шок, я отмечаю, что выглядят они намного выше, чем Роб, и намного яростнее. Я даже не успеваю пошевелиться, как ощущаю холод острого лезвия, приставленного Робом мне к горлу.

— Не подходите ближе, или я располосую этой суке горло от уха до уха, — угрожает он, хотя в его голосе слышится паника.

Дом и Джек, как по команде отступают на шаг назад, Дом даже поднимает ладони, показывая, что у него в руках ничего нет.

Джек говорит первым:

— Если ты причинишь ей вред, мы убьем тебя. Если ты сию же минуту отпустишь ее, я даю тебе свое слово, мы ничего с тобой не сделаем. Мы не станем обращаться в полицию, поскольку цыгане, и предпочитаем все решать сами. Я даже дам тебе денег.

— Денег? — выплевывает Роб. — Ты думаешь, меня можно купить? Она моя сука.

Я замечаю, как Дом начинает кипятиться — лицо краснеет, руки с такой сильно сжимаются в кулаки, бицепсы бугрятся и мускулы ходят ходуном.

— Послушай, — говорит Джек. — Если ты предполагаешь, что выйдешь отсюда живым, если хотя бы один волосок упадет с ее головы, ты ошибаешься.

Мое дыхание становится каким-то рваным, я с трудом вбираю воздух. Роб по-прежнему давит мне на плечи, его хватка совсем не ослабевает.

Чувствую, как все тело Роба напрягается, он раздумывает и боится.

— Ты ничего не добьешься, лишив ее жизнь и лишившись своей. Смотри, не ошибись. Если ты причинишь ей вред, мы убьем тебя голыми руками.

Хватка Роба становится в разы меньше.

— Отпусти ее. Мы не тронем тебя, — убедительно говорит Джек.

— Ты не сдержишь свое слово. Я знаю, чего ты хочешь.

Дом стоит совершенно неподвижно, как статуя.

— Нет. Даю тебе слово чести, — отвечает Джек.

Видно, как по лицу Роба пробегает куча всевозможных мыслей. Вдруг он заходится истерическим смехом, однозначно сумасшедшим. Двое мужчин по-прежнему стоят не подвижно, Дом и Джек наблюдают за ним с каменным выражением на лицах. Вдруг так же внезапно, как Роб начал смеяться, останавливается.

— Ладно. Докажи свое слово, — говорит он и бросает нож на бетонный пол.

Как только нож падает на пол, Дом устремляется вперед с воплем ярости и начинает выбивать дерьмо из Роба. Кажется, что Дом совершенно себя не контролирует, сотрясая воздух проклятиями с каким-то рычанием, избивая его как спортивную грушу.

— Тебе пришел п*здец мудак. Ты думаешь, что ты такой крутой? Давай поглядим, как ты справишься со мной без своего ножа? Бл*дский кусок гребаного дерьма.

Джек хватает Дома за рубашку и буквально отволакивает его в сторону.

— Ты посмотри на ее лицо. Он бл*ть ударил ее. Я хочу убить этого мудака, — рычит Дом.

— Нет, ты не убьешь его, — в ответ рычит Джек. — Забирай свою женщину отсюда и оставь меня с ним вдвоем.

По лицу видно, что Дом на взводе, его руки беспрерывно сжимаются в кулаки. Он с трудом глубоко вдыхает, пока борется с собой, пытаясь взять под контроль свои природные

инстинкты.

Джек отпускает его рубашку.

— Уходи от сюда, Дом.

Дом поворачивается ко мне, его лицо тут же смягчается. Сняв пиджак, он прикрывает им мне плечи и мое полуобнаженное тело. Роб съежившись лежит на полу, Джек возвышается над ним, Дом поднимает нож с бетона и разрезает полиэтиленовую ленту на моих запястьях и щиколотках. Он присаживается передо мной на колени и крепко прижимает к себе.

— Пойдем, — тихо говорит он мне на ухо.

Я отстраняюсь от него. Он выпрямляется и тянет меня вверх, у меня ноги подкашиваются и дрожат. Он обхватывает меня за спину и выводит из этого ада.

28.

Джек

Я жду, пока закроется дверь, потом подхожу к этому человеку, свернувшегося калачиком и корчившемся на полу. Я останавливаюсь над ним, он смотрит на меня выпученными глазами.

— Пожалуйста, я умоляю вас, не трогайте меня. Я сделаю все, что вы попросите, — скулит он, как трус, каким и является.

Я хватаю его за воротник и со всей силы встряхиваю, поднимая вверх, впечатав в стену, он скручивается и орет, как поросенок, словно его режут, потом до него доходит, что я ничего с ним не сделал, только поднял. Я отпускаю его воротник, и он опять падает на пол. Он приземляется какой-то грудой, но быстро выпрямляется, прислонившись к стене спиной. Я разглядываю его окровавленное лицо, левый глаз уже начал затекать, щека оцарапана, губа рассечена и кровоточит.

Рядом на полу по-прежнему лежит нож, он испуганными глазами, как бы не заметно поглядывает на него, я даже не пытаюсь пнуть его в сторону или поднять. Я просто холодно улыбаюсь и смотрю на этого придурка, от чего его губы начинают неудержимо дрожать.

— Ты дал слово, — захлебываясь то ли соплями, то ли слезами мямлит он.

Я спокойно поднимаю нож с пола.

— Что ты собираешься делать? — в панике кричит Роб. Он так напуган, что пытается боком передвинуться подальше о меня по стене.

Я придвигаюсь к нему ближе и слышу, как колотится его сердце в грудной клетке, молчу. Просто смотрю на него. Сейчас настало мое время, я подношу нож к его горлу и слегка нажимаю. Он замирает от страха, у него на горле выступает капля крови.

— Пожалуйста, прошу тебя, не убивай меня. Я не хотел причинить ей вред. Я просто хотел напугать ее, преподать урок. Я люблю ее, — умоляет он.

Я хмурюсь.

— Ты не любишь ее, тебе это не дано. Ты — крыса, а она женщина. Крысы не любят людей.

— Да, да, я крыса. Вы правы. Я не люблю ее, — тут же соглашается он, дико тряся головой, захлебываясь соплями и слюной.

— Итак, мы пришли к общему пониманию. Чья женщина Элла?

— Твоего брата, — немедленно произносит он.

Я чувствую запах мочи, темное пятно расплывается у него на промежности. Я поднимаю глаза на его распухшую морду и ничего не чувствую, даже ненависти нет. Ему

могли бы проломить голову бутылкой в одном из моих клубов. Немного беспорядка. Неприятность. Мне нужно будет кое-кому заплатить, чтобы убрали его тело оттуда.

— Хорошо. Я рад, что мы пришли к соглашению. Сейчас слушай меня внимательно, ты совершил ошибку, посягнув на женщину моего брата, дела моего брата касаются и меня, — говорю я ему.

Жуткая паника отражается у него на лице. Прошло слишком много времени с тех пор, когда я доводил кого-то до такого ужаса. Меня начинает раздражать то, что я опять возвращаюсь к тому же. Я не хочу возвращаться туда, отчего давно уже ушел. Но такие люди, как этот ублюдок заставляют меня возвращаться к началу моего пути.

Мой голос не выражает никаких эмоций, совершенно спокойный.

— Мой брат не убийца. Конечно, ты вывел его из себя, но он все равно не смог бы тебя убить, другое дело я. Я могу это сделать совершенно хладнокровно. Я мог бы убить тебя сейчас, даже не вспотев, как муху.

У него дергается голова.

Я продолжаю, словно мы ведем вежливую беседу.

— Существует множество способов, которыми я мог бы тебя убить. Например, надрезать жизненно важные артерии и наблюдать, как ты будешь истекать кровью на этом полу. Это мой любимый способ вообще-то. Или пырнуть в жизненно важные органы. Немного сумбурно, но эффект такой же. Или сделать множество не смертельных порезов, заставив тебя умирать долго и мучительно. До сих пор ни один человек настолько не достал меня, чтобы я прибегнул к этому методу.

Он заметно вздрагивает.

— Я бы, наверное, сделал одолжение всему миру, убив тебя, но похоже, что ты сегодня самый счастливый человек на земле. Мы успели вовремя, поэтому у тебя есть шанс, именно поэтому я делаю сегодня исключение — я позволяю тебе остаться живым. Я уйду, ты пойдешь домой. У тебя имеется двадцать четыре часа, чтобы привести свои дела в порядок и покинуть Лондон. На-бл*дь-всегда!

Он медленно кивает.

— Меня не волнует, куда ты поедешь или как, или с кем. Возьмешь билет на самолет, или наймешь катер, или сядешь в поезд, но если за двадцать четыре часа ты будешь находится по-прежнему в пределах 100 миль от моего брата, его женщины, моей семьи и меня, я похороню тебя на дне моря. Снаружи стоят двое парней. Они проводят тебя домой. Не обращай на них внимания. Они не причинят тебе вреда. Их работа заключается в том, чтобы в целости и сохранности доставить тебя домой.

Я замолкаю.

— Ты понял меня?

Он так яростно кивает головой, что его затылок стучит об стену.

Он тянется рукой к моей ноге.

— Спасибо…

Мой голос звучит, как удар хлыста. Впервые я начинаю испытывать жуткую ярость.

— Не смей дотрагиваться до меня, — говорю я ему.

Он съеживается и закашливается своей слюной.

— Хорошо, — я смотрю на него сверху-вниз несколько секунд, а потом разворачиваюсь и открываю входную дверь. Я поднимаюсь на две ступеньки и вижу машину, припаркованную позади моей, с Эдди и Мейсом. Эдди поднимает руку, я киваю. Я

поднимаюсь на тротуар, раздается звонок телефона — это Лили.

— Привет, детка, — говорю я в трубку, и в моем голосе слышится только любовь.

29.

Элла

Дом открывает пассажирскую дверь синего седана Мерседес-Бенц, я проскальзываю внутрь. Мне хочется поинтересоваться, чья это машина, но я молчу, чувствую себя заторможенной и замороженной. Произошедшее вновь и вновь прокручивается у меня в голове, словно я по-прежнему нахожусь в этой ужасной комнате с Робом. Я так испугалась и на самом деле очень боялась его.

Я резко поворачиваю голову к Дому.

— Что Джек сделает с Робом?

— Надеюсь, убьет этого поганого мудака, — злиться он.

— Я не хочу, чтобы он убивал, — шепчу я.

Он пристально смотрит мне в глаза.

— Почему тебя это так волнует? Черт возьми, Элла, он приставил нож к твоему горлу и разорвал тебе платье, — он сжимает челюсти. — Только Богу известно, что бы произошло, если бы мы не поспели вовремя!

— Я не хочу, чтобы смерть Роба была на моей совести, Дом. Пожалуйста, — говорю я, начиная всхлипывать.

Его выражение лица тут же меняется. Он хватает меня за руки и притягивает к себе.

— Послушай, Джек благороден по-стариковски, он настоящий цыган. Но он все сделает так, что этот жалкий мудак никогда больше не окажется поблизости от тебя.

Я начинаю тихо плакать.

— Отвези меня домой, пожалуйста.

— Эй, не плачь, детка. Теперь тебе ничто не угрожает, — умасливает он меня, крепко прижимая к своей груди, стараясь случайно не задеть мой пульсирующей от боли подбородок.

— Прошу тебя, просто отвези меня домой, — шепчу я со слезами на глазах, хрипло выдавливая из себя.

Он включает зажигание и везет меня домой, паркуясь перед входом.

— Тебе выпишут штраф, — автоматически предупреждаю я.

— Мне плевать, — отвечает он, вылезая из машины и помогая мне выйти. Вместе мы поднимаемся по трем лестничным пролетам, останавливаемся перед дверью, и вдруг я осознаю, что ключей от квартиры у меня нет. Я поднимаю на него глаза, у меня начинает кружиться голова, подбородок горит огнем, если честно, я не в состоянии трезво мыслить.

— У меня нет ключей, — кричу я, словно это конец света.

— Не паникуй, Элла. У меня они есть, — мягко говорит он.

Он не разрешает мне войти первой, оставляя в коридоре. Первое, на что падает мой взгляд — телефонная книга, валяющаяся на полу. Я не могу вспомнить, как она здесь оказалась, поэтому оглядываюсь вокруг. Вроде бы все также, но на самом деле все стало по-другому, после того, как я побывала в лапах мужчины, так люто ненавидящего меня. Эта мысль делает меня больной. Я крепко сжимаю губы, чтобы не расплакаться вновь.

— Мне нужно принять душ, — говорю я дрожащим голосом, и двигаюсь в сторону ванной. Дом ловит меня за талию и притягивает снова к себе, я почти вжата в его сильное тело.

Он поднимает мою голову.

— Я чувствую себя такой грязной, — говорю я ему.

— Ты не грязная, Элла. Мы успели вовремя, прежде, чем произошло что-то плохое.

Я хмурюсь, глядя ему в глаза.

— Как тебе удалось найти меня так быстро?

Он берет меня за запястье и подносит к моему лицу.

— Что? — испуганно спрашиваю я, поскольку очень плохо соображаю.

— В браслете есть чип.

— Что? — удивленно переспрашиваю я, окончательно запутавшись.

— Я говорил же тебе, что я чертов параноик.

— Ты подарил мне браслет с чипом, по которому меня можно выследить? И ни разу мне этого не сказал? — недоверчиво интересуюсь я.

— Да, — отвечает он совершенно невозмутимо.

Я слегка отстраняюсь от него.

— И ты следил за мной все это время?

— На самом деле, все не так. Чип действительно находится в твоем браслете, но поскольку тебе ничего не угрожало, я не следил за тобой.

— Я не могу поверить, что ты подарил мне браслет и следил за мной, словно я твоя собственность.

— Ты — моя женщина, Элла. А я защищаю то, что принадлежит мне, — решительно отвечает он.

Я в недоумении качаю головой, мне так хочется на него разозлиться, но я в таком состоянии не могу. Этот браслет он подарил мне две недели назад — золотой с маленькими сапфирами в квадратной огранке, для меня сейчас, на самом деле, он стал чертовым инструментом для слежения. Но я не могу сетовать, поскольку именно сегодня он пригодился, как никогда.

— Я все знаю о Вивьен, — тихо произношу я, у меня такое чувство, что сердце вот-вот остановится от этих слов.

— Я знаю, мне рассказал все Джек.

Я всхлипываю и смотрю на его жилку на горле, которая постоянно пульсирует.

— Я видела ее фотографию, — я стараюсь выглядеть непринужденно, но у меня видно не получается.

Он очень аккуратно приподнимает пальцем мой подбородок, я вынуждена взглянуть в его великолепные глаза, которые смотрят на меня с нежностью, но его зрачки становятся огромными, почти закрывая радужную оболочку.

— Да, ты похожа на нее внешне. И да, признаю, в начале я перепутал моя страсть к тебе с любовью к ней. Мне казалось, что боль пройдет, … хотя бы на время. Мне казалось, что я смогу хотя бы на какое-то время воссоздать старую магию, но я не знал, что уже тогда ты способна выкрасть… ты украла мое сердце с первой же минуты, вошла в мою душу, и я окончательно влюбился в тебя, причем с такой силой, как я никогда ни в кого не влюблялся.

У меня отвисает челюсть.

— Ты… любишь меня?

— Да, — тут же отвечает он.

Я не доверчиво качаю головой.

— Ты меня любишь?

— Да, я люблю тебя, Элла Сэвидж. Я люблю именно тебя.

— И когда ты меня полюбил? — спрашиваю я, до конца не веря, что он мне говорит.

— Не знаю. Единственное, что я точно знаю — я люблю, люблю и люблю тебя, — он подхватывает меня за талию и вертит вокруг. — И я никогда не отпущу тебя. Никогда.

Я смотрю на него вполне серьезно.

— Может тебе всего лишь кажется, что ты меня любишь, поскольку я очень похожа на Вивьен?

— О, моя дорогая, сладкая Элла. Ты понятия не имеешь, о чем говоришь. Я настолько тебя люблю, что у меня такое чувство, будто я наглотался таблеток экстази.

— Но как ты понял, что я действительно тебе нужна, а не она? — настаиваю я.

— На земле не может существовать более не похожих друг на друга женщин характерами, чем Вивьен и ты. Я хочу просыпаться с тобой по утрам, ласкать твою кожу, которую я безумно жажду, и я хочу слышать твой смех по телефону.

— О, Дом. Я чувствую себя такой потерянной. Я до конца не осознаю, что происходит на самом деле. Во-первых, я узнала о Вивьен, потом меня похитили, и мне казалось, что меня вот-вот изнасилуют, а ты спас меня и теперь сообщаешь, что любишь! Мне кажется, что это всего лишь сон, и я должна как можно быстрей проснуться!

— Хочешь, я тебя ущипну? — у него загораются глаза. — Или еще лучше, я могу трахнуть тебя, чтобы ты окончательно проснулась? Что это шоколадная стрелка на бедре, которую я только сейчас увидел?

У меня вдруг перед глазами всплыло изображение Роба, его горячий язык медленно слизывающую другую шоколадную стрелку на животе, я вздрагиваю.

— Мне сию же минуту необходимо в душ.

Его лицо застывает.

— Он что-то сделал с тобой?

— Нет, — отрицательно тут же говорю я. — Конечно, нет.

— Тогда почему только одна шоколадная стрела? — настойчиво допытывается он.

Вдруг я опять начинаю плакать.

— Пожалуйста, Дом, оставь его в покое. Он однозначно болен, и я тому была причиной.

— Он точно что-то сделал с тобой? Я убью этого больного ублюдка, если он только посмел…, — яростно заявляет он.

Я беру обе его руки в ладони и заглядываю ему в глаза.

— Нет, Дом. Он ничего мне не сделал. После случившегося, я чувствую себя грязной. Мне нужно вымыться, вымыть себя всю и волосы.

— Хорошо, — отвечает Дом. — Хочешь я пойду с тобой?

— Нет. Почему бы тебе не налить себе выпить? Я скоро буду.

Я вхожу в ванную комнату и снимаю всю одежду, встав под горячий душ. Я энергично тру шоколадную стрелу, чтобы от нее не осталось и следа. И наблюдаю, как стикини с моих сосков с запахом арбуза уплываю вместе с водой в отверстие в ванне, у меня во всю текут слезы. Я не могу сказать, почему я сейчас плачу, возможно, от внутреннего напряжения. Я слышу, как открывается дверь, и разгоряченный сексуальный Альфа-самец стоит передо мной со стоящим членом.

— Не плачь, Элла, — тихо говорит он. — Все хорошо, теперь ты в полной безопасности.

— Я знаю, — всхлипываю я.

Он протягивает руку и касается моего живота, где образовался уже огромный синяк.

— Он ударил тебя, — в шоке шепчет он.

— На самом деле это не больно, — и это правда.

Он входит рядом со мной в душ, кабинка настолько маленькая — практичное решение для меня одной, я с трудом обвиваю его талию ногами и прижимаюсь к нему, он поддерживает меня за задницу и трахает… жестко. Ох, так жестко, скорее всего именно это, мне и нужно в данной ситуации. Я чувствую, как все мое напряжение, страх и сомнения смываются водой и под каскадом льющейся воды, мы становимся чем-то единым. Он нежно целует меня, и я цепляюсь руками, обхватив моего цыганского героя за плечи. Боже, он так великолепен.

— В выходные я отвезу тебя к лошадям, они тебе понравятся.

— Почему? Вивьен любила лошадей?

Он улыбается красивой, открытой улыбкой.

— Нет, они понравятся тебе, потому что это лошади, их нельзя не любить, особенно моих.

— Хорошо, — говорю я.

— Ты любишь меня? — спрашивает он.

— О, мой Бог! — восклицаю я. — Разве это так не очевидно, черт побери?

— Да, но я хотел услышать это от тебя, — отвечает он с озорной, не перестающей меня удивлять, сексуальной улыбкой.

Мы оба вместе смеемся.

Я могу быть твоим героем, малышка

https://www.youtube.com/watch?v=koJlIGDImiU

Эпилог

Элла

6 месяцев спустя

Я подношу полоску вверх и вижу отчетливо обозначенные тонкие синие линии. И на меня накатывает смех. О, мой Бог. О, Господи. Я кладу полоску на край раковины, мою руки и возвращаюсь в спальню.

— Иди ко мне, женщина, — говорит Дом, лежа в кровати.

Я не двигаюсь с места, просто стою и с восхищением смотрю на него. Его смуглая кожа контрастирует с белыми простынями, грудь и руки мускулистые, улыбка белозубая и красивая. У меня тут же проносится мысль — я до конца не верю, что он принадлежит мне. Каждое утро я просыпаюсь, не веря, что мне могло так повезти. Разве может кому-нибудь так повезти, правда ведь?

Он слегка приподнимается, и улыбка исчезает.

— Что произошло?

Я счастливо улыбаюсь.

— Ничего. Абсолютно ничего.

— Тогда почему ты там стоишь? Я изголодался по твоей киске.

Я смеюсь и иду к нему, Дом протягивает руку и затаскивает меня в постель, я падаю на его горячее, крепкое тело.

— Что это? — округлив глаза, интересуюсь я.

— Это, миссис Иден, называется бл*ть стоящим членом твоего мужа.

Я заливаюсь смехом, он перекатывает меня на спину, почувствовав его руки на себе, перестаю смеяться.

— Ах, Дом, — выдыхаю я.

После очередного занятия сексом мы оба выдохлись и лежим, повернувшись лицом друг к другу, он вдруг говорит:

— Я предупреждал тебя, что изголодался по твоей киске.

— Мммм, — сонно мурлычу я.

— Сегодня воскресенье. Давай останемся в постели, будем трахаться и есть совершенно нездоровую еду целый день.

— Я не могу. Я обещала маме, что помогу ей упаковать вещи.

Он приподнимает голову на локте, смотрит на меня в упор, хмурится, я вижу складку у него между бровями.

— Упаковать? Какие вещи?

— Ее вещи. Они же через неделю переедут.

— Черт возьми, Элла. Моя жена не упаковывает вещи, для этого есть грузчики. Дерьмо, ты можешь потянуть себе спину от такого.

— Я позвонила в ту компанию, которую ты мне дал. Они пакуют только большие вещи. Я должна помочь маме упаковать всякие безделушки, переложив специальной пленкой, чтобы ничего не сломалось при переезде.

Я с удивлением дотрагиваюсь до его лица.

— Спасибо тебе, что ты позаботился о них. Мама до сих пор думает, что умерла и попала в рай. Даже в своих самых смелых фантазиях, она не могла предположить, что сможет когда-нибудь иметь свой собственный дом, да еще такой красивый, который купил им ты. И отец стал совершенно другим человеком. Кто же знал, что ему необходима гормональная терапия?

— Мне стоит поблагодарить их за то, что благодаря им у меня есть ты, — с любовью отвечает он.

— Кстати, об этом. Тебя, возможно, тоже кто-то поблагодарит через каких-нибудь двадцать лет.

Он вдруг выпускает меня из своих объятий и подминает под себя.

— Ты же на полном серьезе это говоришь, правда ведь, женщина?

Я смеюсь.

— Да, серьезно.

Он хмурится.

— Надеюсь, он или она не будут так же быстро ползать, как Томми или говорить, как Лилиана?

Я еще больше заливаюсь смехом.

— Вполне возможно.

— О, Господи, — ругается он. — Прекрати смеяться над этим, ты теперь большой черт побери сосуд. Ты разве не счастлива?

Он смотрит на меня своими голубыми глазами, наполненными радостью.

— Да, я так счастлива, что могла бы трахнуть тебя снова.

У него на лице расплывается огромная счастливая улыбка.

— Я люблю тебя, Элла.

Что-то теплое, наверное, чувство любви и радости расплывается у меня внутри, я чуть ли не падаю в обморок от счастья.

— Я тоже люблю тебя, Доминик Иден. Я так сильно тебя люблю, что могла бы заняться

с тобой любовью снова.

— Ну тогда, — нахально произносит он, словно бросая вызов, опускаясь к моим губам и устанавливая свою власть надо мной.

18 месяцев спустя

Дом

Я кладу Адама на пеленальный столик.

— Да, — уверенно говорю я сам себе. — Давай сделаем это.

Он булькает на меня пузырями и агукает, я глубоко вздыхаю, вбирая в легкие чистый воздух перед тем, как сменить ему подгузник.

— Да, — снова говорю я. — Мы однозначно сделаем это сами… без мамочки.

На этот раз он выдувает пузыри. Я опускаю глаза на пеленальный столик.

Салфетки здесь.

Свежий чистый памперс тоже.

Крем от опрелостей имеется.

Мешок для грязных памперсов тоже.

Если я очень быстро все сделаю, то не почувствую жуткой вони. Адам сучит ногами и бессвязно машет руками. Я разворачиваю чистый памперс и кладу его рядом.

Аккуратно снимаю с него пинетки и носочки. Он машет бессвязно ногами и ручками и кажется совершенно счастлив от моих действий, я расстегиваю его костюмчик, вытягивая маленькие ножки.

Я глубоко вдыхаю носом, наполняя чистым воздухом свои легкие, открываю обе липучки одновременно, и опускаю верхнюю часть подгузника, передо мной открывается степень нанесенного ущерба.

Мать твою! Это точно стоит заменить.

Я хватаю его за крошечные щиколотки, приподнимаю тельце вверх, чтобы вытереть это ужасное коричневое месиво. Я вытираю быстро, насколько могу детскими салфетками все складочки, выбросив испачканную салфетку в пластиковый мешок, я поднимаю его тельце верх, вытаскивая из-под него памперс.

Именно в этот момент я наконец-то выдыхаю, весь воздух, задержанный ранее.

Адам хватает меня за палец, а я хватаю большими глотками воздух.

— Ты в курсе случившегося? — спрашиваю я его, отдышавшись.

Он хлопает в ладоши и воркует, агукая.

— Мама — первое самое лучшее, что случилось со мной, ты — вторая лучшая вещь, которая произошла со мной, — говорю я ему.

Он начинает пускать пузыри.

— Я понимаю, но мама все же стоит на первом месте. Без мамы не было бы тебя, Адам. Теперь ты понял, как все работает, да?

Я явно несу всякую чушь, пока мажу его попку кремом, приподнимаю опять его немного вверх и подкладываю под него новый подгузник. Я опускаю его попку и закрепляю липучки, одеваю ему ползунки, при этом пощекотав пяточки, он заливается смехом, его большие голубые невинные глаза смотря на меня.

— Вот, когда ты станешь отцом, тогда посмотрим, как ты будешь менять памперсы.

Я вытираю руки салфеткой, беру его на руки, прижимая поближе к груди. Целую его в своих объятиях и спускаюсь с ним по лестнице. Сейчас его ждет бутылка теплого молока, а меня бокал виски.

Я однозначно, бл*ть, его заслужил.

Элла

Я открываю дверь в дом и тут же вижу Дома спускающегося по лестнице с Адамом. У меня непроизвольно появляется на лице счастливая улыбка. Неважно, что я часто вижу их вместе, радость наполняет мое сердце и с каждым днем ее становится только больше. Я так сильно люблю их обеих, что иногда мне кажется, мое сердце готово лопнуть от счастья.

— Привет, — говорю я.

— Ах, мама вернулась, — с улыбкой говорит Дом.

— Привет дорогой, — отвечаю я, подходя к ним. Адам настолько без ума от своего отца, он ни за что не потянется ко мне или к кому-то еще, когда Дом его носит на руках, он громко пищит и машет мне своей ручкой. Я подхожу к ним и привстав на носочки целую сначала Дома, а потом моего прекрасного сына.

Я проверяю памперс Адама.

— Мне, наверное, стоит его заменить?

— Не стоит, уже все сделано.

Я удивленно приподнимаю брови.

— Ты поменял памперс?

— Конечно.

Я скрываю улыбку.

— Без… ммм… проблем?

— Ага, — как бы между прочим говорит он.

— Молодец, — отвечаю я с огромной улыбкой на лице.

— Хотя на самом деле тебе стоит перестать кормить нашего сына дохлыми кошками.

Я заливисто смеюсь.

— А что ты купила? — спрашивает он.

Я поднимаю сумку с покупками.

— Я купила тебе твое самое любимое.

Его глаза мерцают.

— Шоколадные стрелы?

Я делаю вид, что вполне серьезна.

— Нет.

— Стикини на соски со вкусом арбуза.

— Ты можешь быть когда-нибудь серьезным, — выговариваю я ему с напускным хмурым видом.

— Если это не стикини, пахнущие арбузом, тогда я сдаюсь. Я не знаю, что это может быть.

— Съедобные трусики.

Он самодовольно ухмыляется, источая тысячу и тысячи улыбок. От его улыбки у меня до сих пор появляются бабочки в животе, и я сама себе удивляюсь: неужели этот мужчина мой?

— Прекрасно, — говорит он, сверкая глазами. — Давненько я не лакомился таким вкусным.

— Ты уже лакомился одними две недели назад, — напоминаю я ему.

— С тех пор уже прошло так много времени, Элла, любовь моя. Это было слишком давно.

Больше книг на сайте - Knigolub.net